

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ИНСТИТУТ АФРИКИ

АЗИЯ сегодня **и АФРИКА**

2021 № 11

Ежемесячный научный журнал
Выходит с июля 1957 года (до марта 1961 г. - «Современный Восток»)
Журнал издается под руководством Отделения историко-филологических наук РАН
ISSN 0321-5075 (Print); ISSN 2782-2389 (Online)

Главный редактор
академик РАН А.М. Васильев

Редакционная коллегия:

И.О. Абрамова (Институт Африки РАН, Москва, Россия),
Б.А. Акинтерина (Нигерия), В.Я. Белокрыцкий (Институт востоковедения РАН,
Москва, Россия), Х.Х.С. Вишванатан (Индия), Л.В. Гевелинг (Москва, Россия),
Ян Гуан (КНР), А.Б. Давидсон (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия),
А.В. Денисов (Москва, Россия), Я.М. Ибн Джунейд (Саудовская Аравия),
С.С. Кунанбаева (Казахстан), Москва, Россия), В.А. Мельянцев (Институт стран Азии
и Африки МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия), Д.В. Мосяков, (Институт
востоковедения РАН, Москва, Россия), Ф.С. Муфаммади (ЮАР), М. Наср аль-Гибали
(Египет), У. Рено (США), С.В. Прохогина (Институт востоковедения РАН, Москва, Россия),
О.И. Тетерин (Москва, Россия), Л.Л. Фитуни (Институт Африки РАН, Москва, Россия),
Т.Л. Шаумян (Институт востоковедения РАН, Москва, Россия),
В.Г. Шубин (Институт Африки РАН, Москва, Россия)

Редакция:

О.И. Тетерин, первый зам. главного редактора
А.В. Денисов, ответственный секретарь
В.С. Окулов, редактор
Е.А. Львов, зав. редакцией
Г.М. Абишева, оформление и верстка

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES
INSTITUTE FOR AFRICAN STUDIES

ASIA today & AFRICA

2021 № 11

Scientific monthly journal

Published since July 1957 (until March 1961 has been issued under the title “Sovremennyi Vostok” / “Contemporary East”). The journal is published under the supervision of the Historical and Philological Department of the Russian Academy of Sciences (RAS)
ISSN 0321-5075 (Print); ISSN 2782-2389 (Online)

Editor-in-Chief

Academician of RAS A.M. Vasiliev

Editorial Board:

I.O. Abramova (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia),
B.A. Akinterinwa (Nigerian Institute of International Affairs, Nigeria), V.Ya. Belokrenitsky (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia), Ya.M. Bin Junaid (Center for Research and Islamic Studies, Saudi Arabia), A.B. Davidson (Institute of World History, RAS, Moscow, Russia),
A.V. Denisov (Moscow, Russia), L.L. Fituni (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia),
L.V. Geveling (Moscow, Russia), Y. Guang (Chinese Academy of Social Sciences, China),
S.S. Kunanbayeva (Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages, Kazakhstan), V.A. Meliantsev (Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia), D.V. Mosyakov (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia),
F.S. Mufamadi (University of Johannesburg, South Africa), M. Nasr El-Gebaly (Ain Shams University, Egypt), S.V. Prozhogina (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia),
W. Reno (Northwestern University, USA), T.L. Shaumyan (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow), V.G. Shubin (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia),
O.I. Teterin (Moscow, Russia), H.H.S. Viswanathan (BRICS Think Tank Council, India)

Editorial Staff:

O.I. Teterin, First Deputy Editor-in-Chief
A.V. Denisov, Executive secretary; V.S. Okulov, Text editor
E.A. Lvov, Office manager; G.M. Abisheva, Designer

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА

- Ткаченко А.А., Ткаченко К.А.** Северная Африка: продовольственная проблема в свете Инициативы ООН по формированию «национальных продовольственных систем» **5**
- Шавлай Э.П.** Вызовы сельскому хозяйству Индии: на пути к новой зеленой революции? **13**
- Горелик Б.М.** Российские экономические инициативы в представлении жителей ЮАР **22**
- Korgun I.A.** Identity politics in Korea-Japan trade dispute and its implications for the international trading system **31**
- Ислам, исламизм и экстремизм*
- Пономарев И.В.** Сегментированный терроризм в зоне Сахары-Сахеля. Период первый: 2007-2015 гг. Часть 1 **39**

ВЗГЛЯД ЗАРУБЕЖНОГО ЭКСПЕРТА

- Mtasigazyu P.** (Tanzania). Corporate social responsibility of the mining companies in Tanzania **46**

ТРИБУНА СОИСКАТЕЛЯ

- Заболотский А.В., Лемутов В.А.** Научно-техническое сотрудничество РФ и КНР в китайских СМИ **56**
- Кулиев Д.Т.** Многоженство и межконфессиональные браки по шариату, фикху и современному законодательству мусульманских государств **64**

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Алешин К.А., Кулакова П.О., Митина В.К., Сугаков Г.К.** Актуальные проблемы Африки и новый этап сотрудничества с Россией **72**

РЕЦЕНЗИИ

- Фирсова Т.И.** Не кладите дуриан в чемодан **78**
-

© Российская академия наук, 2021
© Редколлегия журнала «Азия и Африка сегодня» (составитель), 2021

Точка зрения авторов может не совпадать с точкой зрения редакции.
Журнал включен в список ВАК. Входит в Russian Science Citation Index на платформе Web of Science и EBSCO Publishing.

Адрес редакции:

123001, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1
Тел.: **+7495-697-94-50**
Тел./факс: **+7495-691-02-70**
E-mail: **asaf-today@mail.ru**
Интернет: **www.asaf-today.ru**

CONTENTS

POLITICS, ECONOMICS

- Alexander A. Tkachenko, Konstantin A. Tkachenko.** North Africa: Food problem in the light of the UN Initiative on the formation of “national food systems” **5**
- Ellina P. Shavlay.** Challenges for India’s agriculture: Towards a New Green Revolution? **13**
- Boris M. Gorelik.** Russian economic initiatives as perceived by South Africans **22**
- Irina A. Korgun.** Identity politics in Korea-Japan trade dispute and its implications for the international trading system **31**
- Islam, Islamism and extremism*
- Ilia V. Ponomarev.** Segmented terrorism in the Sahara-Sahel zone. The first stage: 2007-2015. Part 1 **39**

FOREIGN EXPERT VIEW

- Paul Mtasigazya** (Tanzania). Corporate social responsibility of the mining companies in Tanzania **46**

POST-GRADUATE COLUMN

- Alexander V. Zabolotskiy, Vasily A. Lemutov.** Scientific and technological cooperation between Russia and China in Chinese mass media **56**
- Dzhamali T. Kuliev.** Polygamy and interfaith marriages according to sharia, fiqh and current legislation of Muslim states **64**

SCIENTIFIC LIFE

- Kirill A. Aleshin, Polina O. Kulakova, Varvara K. Mitina, Gleb K. Sugakov.** Africa’s current issues and a new stage of cooperation with Russia **72**

BOOK REVIEW

- Tatiana I. Firsova.** Do not put durian in the suitcase **78**
-

© Russian Academy of Sciences, 2021
© Editorial board of «Asia & Africa today» (compiler), 2021

The authors opinions may not coincide with position of the editorial.

Included in Russian Science Citation Index on WoS platform, and EBSCO Publishing.

Postal Address:

30/1 Spiridonovka Str.
123001, Moscow, Russian Federation
Tel.: **+7495-697-94-50**
Tel./Fax: **+7495-691-02-70**
E-mail: **asaf-today@mail.ru**
Website: **www.asaf-today.ru**

Северная Африка: продовольственная проблема в свете Инициативы ООН по формированию «национальных продовольственных систем»

© Ткаченко А.А.^a, Ткаченко К.А.^b, 2021

^{a,b} Институт Африки РАН, Москва, Россия

^a ORCID ID: 0000-0003-4121-4665; alexander.tkachenko@inafr.ru

^b ORCID ID: 0000-0002-5307-8263; konst86@gmail.com

Резюме. В статье рассматривается современное положение с производством и обеспечением продовольствием населения стран Северной Африки. Анализируются изменения, произошедшие в этой области за последние 50 лет.

Приводится сравнительный анализ динамики ключевых показателей, характеризующих состояние отрасли по странам и регионам мира. Выявлен круг различных факторов и причин, степень их влияния на продовольственное положение в североафриканских странах, перспективы стабильного роста производства продуктов питания. Акцентируется роль расширения клина орошаемых земель, государственной поддержки малого и среднего предпринимательства в сельском хозяйстве, более широкого внедрения современных агротехнических приемов как важнейших условий достижения стабильного роста производства продовольствия, в т.ч. товарного.

Рассматриваются важнейшие положения Инициативы ООН по решению продовольственной проблемы в различных регионах мира, провозглашенной Генеральным секретарем ООН А.Гуттеришем осенью 2020 г. В ее основе - комплексный подход к предупреждению сохраняющейся в мире угрозы возникновения голода среди населения, главным образом, в различных районах Африки, в особенности - в обширной зоне Сахеля, и решению, в целом, продовольственной проблемы в различных ее проявлениях; выработка «национальных продовольственных систем» в странах мира, включающих формирование механизмов, инструментария, необходимых для более полного и гарантированного обеспечения продовольствием населения планеты, учитывающих местные, национальные условия, медицинские нормы.

Ключевые слова: продовольственная проблема, глобализация, Северная Африка, агроклиматические ресурсы, Инициатива ООН

Для цитирования: Ткаченко А.А., Ткаченко К.А. Северная Африка: продовольственная проблема в свете инициативы ООН по формированию «национальных продовольственных систем». *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 11. С. 5-12. DOI: 10.31857/S032150750017390-1

North Africa: Food problem in light of the UN Initiative on the formation of "National Food Systems"

© Alexander A. Tkachenko^a, Konstantin A. Tkachenko^b, 2021

^{a,b} Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences Moscow, Russia

^a ORCID ID: 0000-0003-4121-4665; alexander.tkachenko@inafr.ru;

^b ORCID ID: 0000-0002-5307-8263; konst86@gmail.com

Abstract. Over the past 3-4 decades, some progress has been made in the countries of North and North-East Africa, and - broader - in the Middle East, in development/transformation of agriculture and its branches related to food production. As a result, the key indicators of food production and consumption per capita have increased significantly. Moreover, the consumption growth performance was higher than the production growth performance, and that was driven by an increase in food imports.

At the same time, the food insecurity remains acute in several ways. This applies to the manifestations of mass hunger in the Sahel as well as to the increased pressure on the budget due to both the significant increase in world food prices and the import volume. These and other specifics of the current state of the food insecurity in the countries of North Africa and other regions of the world, require a new vision of providing the population with food and shaping an integral approach to resolve the problem.

Experts are linking this vision with the promotion of the so-called UN Initiative announced by the Secretary-General A.Guterres in the fall of 2020 and aimed at an integrated approach to resolution of the food insecurity: the development of "national food security and nutrition systems" in the countries of the world, which would include the development of mechanisms and tools necessary for a better and a comprehensive food supply to the world's population, and take into account both local and national conditions, as well as medical nutrition standards.

Keywords: food problem, globalization, North Africa, agricultural resources, UN Initiative

For citation: Tkachenko A.A., Tkachenko K.A. North Africa: The food problem in light of the UN Initiative on the formation of "National Food Systems". *Aziya i Afrika segodnya*. 2021. № 11. Pp. 5-12. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750017390-1

ВВЕДЕНИЕ

За последние 3-4 десятилетия в странах Северной, Северо-Восточной Африки и шире - Ближнего Востока был достигнут определенный прогресс в развитии/трансформации сельского хозяйства, его отраслей, связанных с производством продовольствия. В результате, ключевые показатели производства и потребления продовольствия в расчете на душу населения заметно возросли. Причем динамика роста потребления была выше динамики роста производства, что обеспечивалось за счет увеличения импорта продовольствия.

При этом в ряде аспектов продовольственная проблема сохраняет свою остроту. Это касается проявлений массового голода в странах Сахеля, а также возросшей нагрузки на бюджет из-за роста расходов на импорт вследствие как значительного увеличения мировых цен на продовольствие, так и физического объема импорта. Эти и другие особенности современного состояния продовольственной проблемы в странах Северной Африки, других регионах мира диктуют необходимость нового видения обеспечения населения продуктами питания, формирования комплексного подхода к решению проблемы.

Эксперты связывают с ним выдвижение т.н. Инициативы ООН, заявленной Генеральным секретарем А.Гутерришем осенью 2020 г., направленной на комплексный подход к решению продовольственной проблемы - выработку «национальных продовольственных систем» в странах мира, включающих формирование механизмов, инструментария, необходимых для более полного и гарантированного обеспечения продовольствием населения планеты, учитывающих местные, национальные условия, медицинские нормы.

ПРОГРЕСС В РЕШЕНИИ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ПРОБЛЕМЫ: ДОСТИЖЕНИЯ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Масштабы произошедших изменений существенно разнятся по странам региона, о чем свидетельствуют данные *табл. 1*, включающие динамику показателей, характеризующих наиболее существенные аспекты продовольственного положения в странах Северной Африки, других регионах и в мире, в целом.

Таблица 1. Среднесуточное потребление калорий в расчете на душу населения в странах Северной Африки и других регионах мира в 1970-2018-е гг. (ккал)
Table 1. Dietary energy supply in the countries of North Africa and other regions of the world, 1970-2018 (kcal per capita/day)

	1970	1980	1992	1998	2018
Алжир	1804	2673	2897	2980	3348
Египет	2515	3119	3335	3282	3340
Ливия	2452	3459	3308	3250	...
Марокко	2416	2702	2984	3127	3430
Судан	2223	2244	2202	2434	2423
Тунис	2242	2839	3330	3263	3450
Африка	2244	2285	2282	...	2700
Азия	2144	2276	2585	...	2800
Европа	3255	3390	3410	...	3380
США	3192	3333	3732	3708	3320*

* По основным видам продовольствия.

Составлено по: [1].

Приведенные в *табл. 1* показатели по странам Северной Африки отражают объемы потребления продовольствия как производимого в странах региона, так и импортируемого, причем доля последнего значительна - до четверти от общего объема потребления. В целом, по данному ключевому показателю страны региона, за исключением Судана, в основном достигли уровня потребления экономически развитых стран. По данным Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (FAO), среднестатистическому человеку требуется в сутки, как минимум, 1800 ккал [2].

Имеющиеся данные о динамике такого важного показателя, как суточное потребление протеинов, в т.ч. растительного и особо ценного - животного происхождения, указывают на то, что в странах Северной Африки с 1970 г. за последующие почти 50 лет оно выросло примерно на треть, что, несомненно, является существенным достижением. Исключение составили Судан и Мавритания, где суточное потребление выросло, соответственно, на 7-8 и 2-3 процентных пункта.

Та же динамика, что и по большинству североафриканских государств, была характерна для Азии и для мира, в целом. При этом рост в Северной Африке заметно опережал соответствующий показатель по Африке в целом, где он увеличился примерно на 5-6%. В Европе и США рост составил 10%, но это объясняется тем, что показатель суточного потребления протеинов в Европе и Северной Америке был и без того очень высоким (см. табл. 2).

Таблица 2. Динамика суточной нормы потребления протеинов в странах Северной Африки в сравнении с другими странами и регионами мира в 1970-2017 гг. (в граммах)
Table 2. Average protein supply in the countries of North Africa in comparison with other countries and regions of the world, 1970-2017 (grams per capita/day)

	Всего					Растительного происхождения				Животного происхождения			
	1970	1980	1992	1998	2017	1970	1980	1992	2017	1970	1980	1992	2017
Алжир	46,9	68,5	75,6	81,1	92,7	37,7	54,5	56,3	67,4	9,2	14,0	19,2	25,3
Египет	68,4	78,0	87,3	89,7	94,3	59,2	66,5	74,4	70,6	9,2	11,5	12,9	23,7
Ливия	59,6	91,5	79,3	80,9	...	39,7	54,2	53,4	...	19,9	37,2	26,0	...
Мавритания	75,4	72,8	81,5	75,2	79,3	33,2	37,7	48,5	50,6	42,2	35,0	33,0	28,7
Марокко	63,2	70,7	80,9	83,1	98,3	53,3	59,4	66,5	71,3	9,9	11,3	14,3	27,0
Судан	62,7	63,5	65,4	77,3	67,6	43,5	38,4	43,1	46,3	19,2	25,1	21,7	21,3
Тунис	58,1	78,4	90,8	88,0	100,0	47,6	62,2	71,9	72,3	10,5	16,2	19,0	28,7
Африка	57,1	56,9	56,0	57,4	60,6	45,2	44,1	44,1	47,3	11,9	13,0	11,9	13,3
Азия	53,1	55,7	64,3	66,1	78,5	44,1	44,9	48,6	51,4	9,0	10,8	15,7	27,1
Европа	93,4	100,4	100,6	101,2	104,8	43,4	43,2	42,5	43,3	49,0	57,2	58,1	61,5
США	99,0	100,1	112,9	113,6	104,8	32,3	32,3	39,4	43,3	66,7	67,8	73,5	61,5
Мир	65,1	66,7	70,8	74,6	79,9	43,8	46,2	46,2	48,6	21,2	22,9	24,6	31,3

Составлено по: [3].

Причем рост показателей достигнут в значительной мере, а в отдельных странах - в основном, за счет существенного увеличения расходов на импорт продуктов питания свободно конвертируемой валюты, что тяжелым бременем ложится на финансы практически всех рассматриваемых государств. Кроме того, приведенные данные представляют собой среднестатистические показатели и не отражают того факта, что потребление продовольствия значительной частью населения - его беднейшими слоями, относящимися к т.н. социальному дну, заметно меньше. Таким образом, национальные системы производства продовольствия пока не обеспечивают в должной степени потребности большей части населения стран Северной Африки.

Важно при этом оценить национальные природные ресурсы - как имеющиеся, так и реально вовлеченные в хозяйственный оборот. За исключением Мавритании и Египта, возделываемые площади в расчете на душу населения все же ощутимо превышали в конце XX в. соответствующий показатель по всем странам мира, а также по Африке и, в особенности, по Азии. Особенно заметно такое превышение в Судане, где оно составляет примерно двукратную величину в сравнении со среднемировым показателем. До некоторой степени это справедливо для Туниса, а также Ливии. Но даже там, где обеспеченность земельными площадями, пригодными для возделывания, была более менее удовлетворительной, в основном это - богатые земли.

Превышение затушевывает тот факт, что почти все страны Северной Африки испытывают острую нехватку поверхностных источников воды и атмосферных осадков, и потому сельскохозяйственное производство, в основном, опирается на засушливые богарные земли (за исключением Египта), в отличие от большинства азиатских, африканских и латиноамериканских стран.

Данные табл. 3 говорят о том, что, несмотря на реализацию программ расширения орошаемых площадей, в целом ситуацию в большинстве стран вряд ли можно назвать удовлетворительной. Исключение составляет лишь Египет, где возделываемые площади к началу XXI в. практически полностью охвачены орошением, т.к. расположены в долине Нила.

В большинстве стран региона - Алжире, Тунисе, Мавритании, Марокко, Судане - доля орошаемых площадей представляется весьма невысокой, если не сказать низкой. К тому же в некоторых из них отмечается тенденция к сокращению доли орошаемых земель, хотя она и без того существенно ниже соответствующих значений, в целом, по миру и в несколько раз (!) уступает показателю азиатских стран - основному ареалу распространения достижений «зеленой революции», для которых характерно относительное избытие осадков.

Реализация программ по расширению клина орошаемых земель в отдельных странах имела своим результатом рост орошаемого клина. Однако прогресс был медленным. И хотя в большинстве стран Северной Африки доля орошаемых земель в рассматриваемый период была выше, чем в среднем по континенту, это не меняет сути ранее данной оценки.

Таблица 3. Площадь ирригационных земель в странах Северной Африки, Азии, Африки и в мире, в целом; их доля в обрабатываемых площадях в 1990-2018 гг.

Table 3. Area equipped for irrigation in the countries of North Africa, Asia, Africa and other regions of the world (thousand ha), share of area equipped for irrigation in land area (%), 1989-2018

	1989-1991		1998		2018	
	тыс. га	доля, %	тыс. га	доля, %	тыс. га	доля, %
Алжир	394	5,2	560	6,9	1360	8,5
Египет	2620	98,9	3300	100,0	3823	100,0
Ливия	434	20,6	470	22,2	400	19,0
Мавритания	49	12,1	49	9,8	49*	9,8
Марокко	1258	13,3	1443	13,0	1530	13,5
Судан	1946	14,7	1999	11,5	1855	11,0
Тунис	328	6,7	394	7,8	476	9,3
Африка	11190	5,9	12520	6,2	15959	9,2
Азия	154580	30,5	191171	43,3	238406	52,0
Мир	243612	16,2	271432	18,0	338700	20,3

* Оценка.

Составлено и рассчитано по: [4].

Тревожно то, что динамика роста доли орошаемых площадей в ряде стран не очень значительна, и это свидетельствует о медленном процессе прогрессивных изменений в структуре обрабатываемых сельскохозяйственных площадей. В отдельных странах она даже снизилась, что следует признать серьезным просчетом в сельскохозяйственной политике, проводимой государством. И лишь рост, пусть и умеренный, абсолютного показателя величины клина орошаемых земель в большинстве рассматриваемых государств внушает некоторый оптимизм относительно возможности изменения в будущем ситуации к лучшему и в этой группе стран. В расчете на одного жителя в Алжире приходится примерно 0,034 га орошаемых земель, в Мавритании - 0,02, в Ливии - менее 0,1, в Египте и Марокко - 0,05, Судане - 0,07, Тунисе - около 0,05 га.

Между тем, если обратиться к Индии, где плоды «зеленой революции» не вызывают сомнения, клин орошаемых площадей в конце XX в. составил внушительную цифру - 59 млн га, а в расчете на одного жителя - 0,06 га. Но в Индии и ряде других стран распространения современных агротехнических приемов по-

следние были широко применены и на богарных землях, хотя в какой-то степени это стало возможным благодаря относительно высокому и стабильному уровню осадков. Другое дело - в странах Северной Африки: здесь дефицит осадков наряду с периодически повторяющимися засухами (3-4 года в десятилетие) сдерживает широкое распространение высокоурожайных сортов на богарных землях и единственно приемлемой альтернативой является развитие различных форм орошения [5].

Таким образом, не случайными представляются резкие колебания объемов сбора основных сельскохозяйственных культур, в т.ч. продовольственных, главным образом зерновых. В обширных зонах Сахеля, где преобладает богарное земледелие, падение производства продукции растениеводства в засушливые годы все еще является причиной массового голода среди местного населения.

Что касается оснащения отрасли современной сельскохозяйственной техникой, использования удобрений, пестицидов, прогресс в этих областях заметен, но он слабо или недостаточно коснулся основного массива землевладений - малых и части средних хозяйств.

При этом следует учесть, что в обширной и одной из наименее развитых стран региона, каковой является Судан, низкий уровень развития коммуникаций и, как следствие, низкий уровень товарного обмена, в т.ч. продовольственным зерном, влияет на остроту проявлений продовольственного кризиса.

Сказанное в отношении Судана в еще большей мере характерно для Мавритании и - до некоторой степени - для обширных внутренних провинций других стран региона, где сельская производственная инфраструктура слабо или недостаточно развита. На это указывает и относительно низкая плотность сети сельских дорог, и недостаточность современных транспортных средств, слабое развитие электрификации селений, дефицит складских помещений и холодильных установок, обеспечивающих сохранность урожая, недостаточная развитость мощностей по переработке сельскохозяйственной продукции и т.д. Их значения, порой, в несколько раз или даже на порядок меньше соответствующих показателей в промышленно развитых странах.

За 2000-е гг. положение не слишком изменилось, т.к. демографический рост «съел» весь достигнутый результат или значительную его часть. Согласно данным Всемирной продовольственной организации, при росте производства продовольствия в странах Северной Африки на импорт продовольствия все еще направляется львиная доля всех поступлений в свободно конвертируемой валюте - до 20-25%, и в некоторых странах она даже имеет тенденцию к росту. При этом увеличение производства продовольствия имеет свои пределы. Они определены ограниченностью водных источников, земельных угодий, пригодных для возделывания, интересами сохранения окружающей среды, стремительно растущей урбанизацией и т.д.

Широкое распространение мелких и мельчайших полунатуральных хозяйств, на которые приходится до 30-50% и более всех сельскохозяйственных угодий в рассматриваемых странах, отличающихся низкой товарностью хозяйств, неспособных даже в условиях пусть и ограниченной и недостаточно эффективной поддержки со стороны государства осуществлять производственные накопления, является дополнительным фактором, сдерживающим рост сельскохозяйственного производства, решение продовольственной проблемы.

Все вышеотмеченное указывает на то, что стабильным сельскохозяйственным ростом в той климатической зоне, в которой располагаются страны Северной Африки, может быть лишь при переходе к прогрессивным формам ведения товарного хозяйства, к поливному земледелию, существенному увеличению применения современных сельскохозяйственных материалов и орудий труда. Собственно, эти направления зафиксированы в программных документах, касающихся перспективных планов социально-экономического развития рассматриваемых государств [6].

Согласно данным *FAO*, в 2019 г. голод затронул 690 млн жителей планеты, что на 60 млн больше, чем в 2014 г. Примерно 20% жителей Африки недоедали. Численность голодающих в Африке в период с 2000 по 2019 гг. увеличилась на 51 млн человек и достигла 250 млн. Причем примерно половина жителей Черного континента в 2019 г. подвергалась угрозе голода в средней и крайне острой формах, и их проявление в Африке было «намного более острым, чем в других районах мира», затронув половину жителей континента. При этом, отмечается в годовом докладе *FAO*, потребление килокалорий, калорийность питания с 2000 г. возросла и в Африке [2, pp. 271-275].

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ ИНИЦИАТИВА ООН

В свете краткого обзора достигнутого за последние 2-3 десятилетия в решении продовольственной проблемы выдвинутая в 2020 г. Инициатива ООН по формированию «более здоровых, устойчивых и спра-

ведливо функционирующих национальных продовольственных систем», представляется своевременным и актуальным шагом, направленным на мобилизацию усилий мирового сообщества в интересах решения целого ряда взаимосвязанных острейших глобальных проблем современности [7].

В документах, подготовленных группами экспертов ООН к Саммиту по продовольственным системам (сентябрь 2021 г.) - «*Food Systems - Definitions, Concept and Application for the UN Food Systems Summit*», «*Ensuring Access to Safe and Nutritious Food for All*», «*Shifting to Sustainable Consumption Patterns*», «*Boosting Nature-Positive Production at Sufficient Scale*», «*Advancing Equitable Livelihoods and Value Distribution*», «*Building Resilience to Vulnerabilities, Shocks and Stresses*», - представлен тщательно разработанный и всесторонне аргументированный комплексный подход к решению в период 2021-2030 гг. актуальных ключевых проблем обеспечения населения планеты продовольствием - в соответствии с медицинскими нормами, адекватными национальными особенностями как развитых, так и развивающихся государств, включая страны Африки, с учетом современных знаний о предупреждении растущих угроз нанесения ущерба окружающей среде, и др. [8].

В документах экспертов ООН определены инструментарий и механизмы поэтапного достижения намеченных целей. Для их реализации необходимо на начальном этапе обеспечить на национальном уровне, т.е. в каждом государстве-члене ООН, обсуждение с принятием решений, которые лягут в основу национальных продовольственных систем и, если требуется, отдельные из них закрепить законодательно или иным способом (совместные декларации, социальный договор и т.п.). Обсуждение, рекомендуют эксперты, целесообразно провести с участием широкого круга организаций, включая государственные, представителей бизнес-сообщества, а также широких кругов общественности/общественных движений, заинтересованных в решении продовольственной и связанных с ней проблем.

При всей неоспоримой важности соблюдения общих для государств-членов ООН положений и рекомендаций по формированию комплексного подхода к достижению прогресса в решении наиболее существенных аспектов продовольственной проблемы в соответствии, в том числе, с «Целями устойчивого развития» (ЦУР), «Видением Африки-2063», целесообразно, применительно к государствам Северной Африки и континента, в целом, акцентировать внимание в ракурсе данной Инициативы ООН на следующих направлениях, целях и задачах:

- ликвидация голода в различных регионах/странах Африки, главным образом, расположенных в обширной зоне Сахеля, где вспышки голода ставят под угрозу жизни миллионов людей. На это в текущем десятилетии должен быть направлен целый ряд неотложных мер, прежде всего - поддержка наиболее массовой формы производства продовольствия - малых хозяйств/ферм (в основном это сектор натуральных хозяйств), а также сегмент малого агробизнеса; развитие орошаемого земледелия за счет использования различных источников воды; последовательный перевод богарных земель на орошаемые; распространение высокоурожайных сортов семян и более продуктивных пород домашнего скота; рост применения минеральных и органических удобрений. К этому следует добавить совершенствование всей системы оказания чрезвычайной продовольственной помощи населению, проживающему в зонах рискованного земледелия и наиболее подверженному угрозе голодной смерти, в особенности в периоды систематически повторяющихся засух, падежа домашнего скота;

- концентрация усилий по поддержке производства товарного продовольствия «для Африки» в регионах/странах континента, расположенных в наиболее благоприятных агроклиматических зонах, отличающихся наличием обильных наземных источников влаги - рек и озер, высоким уровнем осадков. Наиболее типичный пример в этом отношении - Судан, другие государства, расположенные в долинах крупных африканских рек и Великих африканских озер. Только за счет роста производства продовольствия в этих странах можно покрыть весь дефицит продуктов питания на континенте;

- развитие рыболовства - более эффективное вовлечение в хозяйственный оборот имеющихся в африканских странах возможностей, наращивание мощностей по вылову и сохранению улова, создание необходимых условий стабильного воспроизводства огромных запасов морепродуктов стран континента. По разнообразию и количественным показателям хозяйственное использование имеющихся ресурсов морепродуктов позволяет решить в принципе для десятков стран Африки проблему питания не только по количеству потребляемых калорий и протеинов, но и качеству самого питания, в особенности увеличения потребления протеинов животного происхождения;

- реализация программ в сфере развития сельской инфраструктуры. Прежде всего, сооружение промышленных холодильников, современных хранилищ различных видов продовольствия, что может позво-

лить прокормить население континента даже при нынешнем уровне производства сельскохозяйственной продукции за счет сокращения потерь, на которые приходится до 1/3 всей произведенной продукции; развитие сети дорог с целью более полного использования ресурсов внутреннего рынка продовольствия; реализация программ электрификации сельских районов, не только способствующих использованию современных технологий, но и резко улучшающих условия жизни сельского населения, квалифицированной рабочей силы, специалистов-аграриев;

- обеспечение структурной перестройки сельского хозяйства в пользу производства товарного продовольствия для местного рынка, а также высокодоходных, экспортных видов продуктов тропического земледелия, при опоре на рациональное использование сравнительных преимуществ, имеющихся в странах Африки;

- комплексному подходу соответствуют и более последовательный курс, направленный на предупреждение ущерба, наносимого окружающей среде, агроклиматическому потенциалу в целом, в т.ч. из-за недостаточного регулирования процессов урбанизации, растущего уничтожения лесов, истощения (не возобновляемых) подпочвенных вод, недостаточного использования современных технологий использования вод, в т.ч. капельного орошения, в сельском хозяйстве - главного потребителя влаги;

- важно подчеркнуть: формирование «более здоровых, устойчивых и справедливо функционирующих национальных продовольственных систем» имеет четко выраженный политический контент. Оно непосредственно связано с ликвидацией, преодолением вооруженных конфликтов на континенте, искоренением сетевого терроризма, подрывающих внутривнутриполитическую стабильность. Достижение прогресса на этом направлении окажет мощное влияние на инвестиционную активность национального и иностранного капитала, без чего немислим существенный подъем и стабильность в производстве продовольствия, в других, смежных сферах хозяйственной жизни, оказание экстренной продовольственной/ гуманитарной помощи и т.д.;

- вышеназванные и другие меры по развитию и трансформации сельского хозяйства, его отраслей, связанных с производством продовольствия, в той или иной степени, реализуются на протяжении десятилетий, в результате чего удалось на большинстве направлений добиться позитивного сдвига в решении продовольственной проблемы. Однако степень достигнутого, как и эффективность реализованных мер в рамках национальных программ развития и модернизации, существенно различается по странам. В этой связи особую важность представляет налаживание в африканских странах мониторинга происходящих процессов в данной области, оценка на этой основе достигнутого и распространение приобретенного в ходе реализации Инициативы опыта. Это должно стать неотъемлемой частью процесса формирования в период 2021-2030 гг. устойчивых продовольственных систем в мире в ракурсе «Целей устойчивого развития», «Видения Африки-2063» [9];

- существенное значение имеет также продолжение, в рамках переговорного процесса в ВТО, усилий развивающихся и немалого числа развитых стран мира, направленных на снятие препятствий по регулированию, точнее говоря - отказу от (массированного) субсидирования производства сельскохозяйственной продукции/продовольствия, гармонизации этих и других мер с регулированием таможенных тарифов и ограничений¹ [10]. Немалое значение имеют также перспективы создания зон свободной торговли (Африканская континентальная зона свободой торговли - *AfCFTA*), рост открытости внутренних рынков африканских государств, в том числе продовольственных [9].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ основных тенденций развития одной из ключевых отраслей экономики стран Северной Африки за последние 50 лет свидетельствует о том, что, несмотря на немалые трудности объективного и субъективного характера, решение продовольственной проблемы - реально выполняемая задача национального значения.

Ее достижение возможно уже в пределах видимой перспективы, чему, несомненно, будет способствовать реализация Инициативы ООН по формированию «более здоровых, устойчивых и справедливо функционирующих национальных продовольственных систем», опирающихся на комплексный подход к решению продовольственной проблемы.

¹ WTO. Report by the Chairman of the Trade Negotiations Committee. October 8-9, 2015. Azevedo welcomes G-20 Ministers' support for significant Nairobi outcome, G20 Trade Ministers Meeting, 6.10.2015.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Statistical Yearbook. 1998. UN, N.Y. 2001. Pp. 89-96; FAO. Production Yearbook. 1994. Rome, 1995. Pp. 233, 234; FAO. World Food and Agriculture - Statistical Yearbook 2020. Rome. Pp. 271-275.
2. FAO. World Food and Agriculture - Statistical Yearbook 2020. Rome. Tables 29, 30. <https://doi.org/10.4060/cb1329en>
3. FAO. Production Yearbook. 1994. Rome, 1995. Pp. 235, 236.
4. FAO. Production Yearbook. 1999. Rome, 2001. Pp. 3-5, 8, 11; FAO. World Food and Agriculture - Statistical Yearbook 2020. Rome. Pp. 90-94, 296-300.
5. Abdusahib al-Alvan. The Policy of Structural Adjustments and Economic Stability, its Influence on Agricultural Development and Solution of the Food Problem in Arab Countries. Beirut. 1999. Pp. 217-238. (In Arab.); Alternative Strategies for Achieving Food Safety in Arab States. Arab Society for Agricultural Development. Khartoum. 1994. (In Arab.); Sultan Abu-Ali. Egypt National Development Program. Egypt Vision of National Economy-2020. Center for Political and Strategic Researches. № 35. Cairo. 1996. (In Arab.)
6. United Nations. Food Systems Summit 2021. <https://www.un.org/ru/food-systems-summit/about> (accessed 08.05.2021)
7. 2021 Food Systems. Pre-Summit. United Nations. 26-28 July 2021. Rome. <https://www.un.org/ru/food-systems-summit> (accessed 29.07.2021)
8. Sustainable Development Goals. 17 Goals to transform our world. <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (accessed 31.07.2021); Agenda 2063. The Africa We Want. <https://au.int/en/agenda2063/overview> (accessed 31.07.2021)
9. Кoфaнoв И.Т., Ткaчeнкo A.A. Судьба ВТО: кризис или провал? *Азия и Африка сегодня*. 2017, № 2, с. 8-13.
Kofanov I.T., Tkachenko A.A. 2017. Destiny of WTO: Crisis or Failure? *Aziya i Afrika segodnya*. № 2. (In Russ.)
10. Морозенская Е.В. Африканская континентальная зона свободной торговли: первый шаг к созданию Африканского эко
Morozenskaya E.V. African Continental Zone for Free Trade: First step towards forming African Economic Community? (In Russ.). <https://www.imemo.ru/files/File/ru/comment/2018/Africa/03092018.pdf> (accessed 12.05.2021)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ткaчeнкo Aлeкcaндр Aлeкceвeвич, кaндидaт экoнoмичeских нaук, зaвeдующий Цeнтрoм изучeния стрaн Ceвeрнoй Aфpики и Aфpикaнскoгo Poгa, Институт Aфpики PAH. Мoсквa, Poccия.

Alexander A. Tkachenko, PhD (Economics), Head, Center of North Africa and African Horn Studies, Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia.

Ткaчeнкo Кoнcтaнтин Aлeкcaндрoвич, кaндидaт экoнoмичeских нaук, н.с., Цeнтp глoбaльных и стрaтeгичeских иccлeдoвaний, Институт Aфpики PAH. Мoсквa, Poccия.

Konstantin A. Tkachenko, PhD (Economics), Researcher, Center for Global and Strategic Studies, Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia.

Пocтyпилa в рeдaкцию (Received)
05.08.2021

Дoрaбoтaнa пocлe рeцeнзирoвaния (Revised)
11.09.2021

Пpинятa к пyбликaции (Accepted)
07.10.2021

Вызовы сельскому хозяйству Индии: на пути к новой зелёной революции?

© Шавлай Э.П.^a, 2021

^a Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0001-5380-7009; e.p.shavlay@imemo.ru

Резюме. Сельское хозяйство продолжает оставаться одним из наиболее значимых секторов экономики Индии. Страна демонстрирует успехи в целом ряде отраслей первичного сектора, постепенно увеличивая свой экспортный потенциал. Однако первая зелёная революция нанесла существенный ущерб ресурсам страны, в результате чего в постбиполярный период государство стало предпринимать действия, нацеленные на изменение устоявшихся практик прошлого столетия. Но и начавшаяся в 1990-х гг. вторая революция не решила всех накопившихся сложностей.

В этой связи цель автора - проанализировать существующие ключевые проблемы первичного сектора экономики и рассмотреть возможные ответы на них в сфере инновационных технологий. Автор приходит к выводам о том, что именно цифровизация сельскохозяйственной деятельности могла бы качественно повысить уровень доходов населения и эффективность первичного сектора как на внутреннем, так и на внешних рынках.

Вместе с тем, внедрение новых технологий невозможно без изменения институциональной среды и работы над социально-культурными факторами, оказывающими существенное негативное влияние не только на сельское хозяйство Индии, но и на все социально-экономические процессы в целом, а потому Нью-Дели потребуется принятие комплексных мер не только непосредственно на направлениях, связанных с первичным сектором экономики, но и в смежных с ним сферах.

Индийскому правительству предстоит провести комплексное реформирование своей экономики, иначе велика угроза расшатывания социальной стабильности. Постепенное внедрение инновационных решений и проведение цифровизации сельского хозяйства будет иметь относительно быстрый, видимый, но, в то же время, устойчивый эффект.

Ключевые слова: Индия, сельское хозяйство, инновации, институты, неэффективное управление, зелёная революция

Для цитирования: Шавлай Э.П. Вызовы сельскому хозяйству Индии: на пути к новой зелёной революции? *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 11. С. 13-21. DOI: 10.31857/S032150750017401-3

Challenges for India's agriculture: Towards a New Green Revolution?

© Ellina P. Shavlay^a, 2021

^a Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations
(IMEMO), Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0001-5380-7009; e.p.shavlay@imemo.ru

Abstract. Agriculture continues to be one of the most significant sectors of India's economy today. The country is successfully performing in a wide range of primary sector fields, gradually increasing its export potential. However, the first green revolution caused significant damage to the country's resources, as a result of which, in the post-bipolar period, the state began to take actions aimed at changing the established practices of the last century. However, the second revolution, which began in the 1990s, did not solve all the difficulties.

In this regard, the author's goal is to analyze the existing key problems of the primary sector and consider possible answers to them in the field of innovative technologies. The author comes to the conclusion that it is the digitalization of agricultural activities that could qualitatively increase the level of income of the population and the efficiency of the primary sector both in the domestic and foreign markets.

At the same time, the introduction of new technologies is impossible without changing the institutional environment and work on socio-cultural factors that have a substantial negative impact not only on India's agriculture, but on all socio-economic processes in general, and therefore New Delhi will need to take comprehensive measures on a large scale rather than limit oneself to the primary economic sector.

The Indian government has to carry out a comprehensive reform of its economy, otherwise there is a great threat of undermining social stability. The gradual introduction of innovative solutions and digitalization of agriculture will have a relatively quick, visible, but at the same time sustainable effect.

Keywords: India, agriculture, innovations, institutions, inefficient management, green revolution

For citation: Ellina P. Shavlay. Challenges for India's agriculture: Towards a New Green Revolution? *Aziya i Afrika segodnya*. 2021. № 11. Pp. 13-21. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750017401-3

ВВЕДЕНИЕ

Сельское хозяйство является одной из структурообразующих основ индийской экономики. Оно также имеет важное социальное значение, о чём свидетельствуют масштабные протестные выступления десятков тысяч фермеров, вызванные внесенными правительством 20 сентября 2020 г. изменениями в фермерское законодательство [1].

За три четверти века своей истории в качестве независимого государства Индии удалось достичь значительных успехов в сельском хозяйстве и перейти из реципиентов помощи Всемирной продовольственной программы ООН (*WFP*) в одного из крупнейших доноров этой организации. Занимая 7-е место в мире по территории и охватывая 15 климатических зон, Индия располагает одними из крупнейших сельскохозяйственных угодий¹ (по пахотным землям занимает 10-е место²) и, соответственно, стала одним из крупнейших производителей сельскохозяйственной продукции (см. *диагр.* 1).

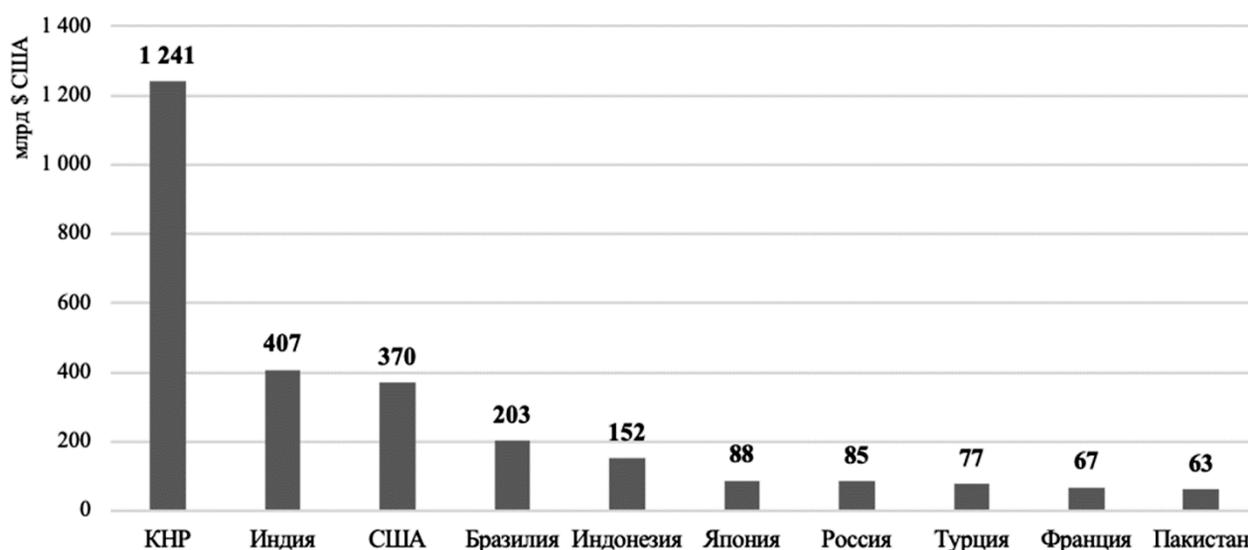

Диаграмма 1. Валовая стоимость сельскохозяйственной продукции в 2018 г. (топ-10 стран).

Bar chart 1. The Gross value of agricultural production in 2018 (top-10 countries).

Составлено по: FAOStat. <http://www.fao.org/faostat/en/#data/QV> (accessed 10.07.2021)

С середины 2000-х гг. доля сельского хозяйства в ВВП страны составляла, в среднем, 16-19%. Отметим, что именно первичный сектор стал единственным, показавшим положительную динамику роста в *COVID*-ный год (3,4% в постоянных ценах), за счет чего произошло увеличение его доли в ВВП практически до 20% [2]. Сельское хозяйство продолжает оставаться ключевым источником дохода для около 60% населения страны, что говорит о его значимости для населения Индии³.

В 2019 г. страна вошла в топ-8 стран-экспортеров сельскохозяйственной продукции (общая сумма \$39 млрд⁴), а при должном реформировании сектора имеет потенциал войти в пятерку⁵. При этом ведущими экспортными категориями являются молоко, бобовые и джут (первые позиции общемирового рейтинга), а также рис, пшеница, сахарный тростник, арахис, овощи, фрукты и хлопок⁶. Высокие показатели наблюдаются по производству специй, рыболовству и животноводству⁷.

Всё это стало возможным благодаря двум аграрным революциям, способствовавшим выведению сельского хозяйства на высокие позиции в мире.

¹ Agricultural land (sq. km). The World Bank. https://data.worldbank.org/indicator/AG.LND.AGRI.K2?most_recent_value_desc=true (accessed 15.06.2021)

² Indian Agriculture Industry Analysis. India Brand Equity Foundation. <https://www.ibef.org/industry/agriculture-presentation> (accessed 15.06.2021)

³ Agriculture in India: Information about Indian Agriculture & Its Importance. [https://www.ibef.org/industry/agriculture-india.aspx#:~:text=Agriculture%20is%20the%20primary%20source,%20in%20FY%20\(PE\)](https://www.ibef.org/industry/agriculture-india.aspx#:~:text=Agriculture%20is%20the%20primary%20source,%20in%20FY%20(PE)) (accessed 11.07.2021)

⁴ India can be among top-5 agri goods exporters with effective policies: Report. <https://www.ibef.org/news/india-can-be-among-top5-agri-goods-exporters-with-effective-policies-report> (accessed 25.06.2021)

⁵ Ibidem.

⁶ FAO in India - India at Glance. <http://www.fao.org/india/fao-in-india/india-at-a-glance/en/> (accessed 05.07.2021)

⁷ Ibidem.

СТАДИИ РАЗВИТИЯ ИНДИЙСКОГО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

В XX веке индийское сельское хозяйство прошло через общую для всех развивающихся стран стадию. Первая **зеленая революция**, пришедшаяся на 1960-1980-е гг., ознаменовалась внедрением удобрений и пестицидов, расширением спектра используемой техники, организацией мелиорации, распространением ирригационных систем и разведением высокоурожайных сортов зерновых культур [3, с. 156-157]. Главной целью тогда ставилось достижение продовольственной независимости, что и было успешно реализовано за счёт увеличения посевных площадей и урожайности, а потому «побочные эффекты» в виде ущерба для окружающей среды имели вторичное значение. Кроме того, технологии внедрялись не повсеместно, а в отдельных индийских штатах, что в итоге увеличивало и без того возрастающую региональную дифференциацию [4, pp. 938-939].

Считается, что **второй этап** начался вместе с перестройкой экономической политики страны в 1991 г. Экспортная ориентация экономики требовала новых методов ведения хозяйства и развития новых направлений, поскольку ресурсы, задействованные под сельское хозяйство, эксплуатировались экстенсивно и постепенно истощались. Встал вопрос об обеспечении эффективности первичного сектора, производительность которого уже невозможно было поддерживать на уровне, характерном для пика первой зелёной революции в 1970-1980-х гг. Да и ограниченное число возделываемых культур не могло удовлетворить потребности внешнего рынка [5, с. 57].

Важным стимулом к изменениям стала благоприятная рыночная конъюнктура, способствовавшая тому, что сельскохозяйственные продукты стали рассматриваться как приоритетные экспортные товары [6, p. 278]. В 1990-е гг. ряд секторов, таких как плодоводство, овощеводство, животноводство и рыбное хозяйство, показывали рост [7, с. 83]. Процесс поддерживался изменением экспортного регулирования (в 1995 г. Индия стала членом ВТО⁸), а также госстимулированием частных инвестиций в электрификацию сельского хозяйства и пищевую промышленность⁹.

Однако принимаемых мер было явно недостаточно для решения всех накопившихся проблем, да и действия государства носили достаточно ограниченный характер. Поэтому более справедливым было бы сказать, что зачатки **второй зелёной революции** пришлось на 2000-е гг., когда была принята Национальная сельскохозяйственная политика (*National Agricultural Policy*) [8, p. 4]. Она ознаменовала собой новый этап в развитии сельского хозяйства, поскольку предполагала внедрение биотехнологий, новшеств генной инженерии, энергосберегающих технологий, органических удобрений и ряд других решений, направленных на «экологизацию» первичного сектора [9].

Исходя из направлений технологического развития страны на вышеназванных двух этапах, можно сделать вывод, что основное внимание уделялось развитию производства сельскохозяйственной продукции. На первой стадии главной задачей было наращивание объемов производства простейших сельхозкультур с тем, чтобы обеспечить населения пропитанием и работой. Однако позднее на фоне роста внимания к деградации окружающей среды большее внимание стало уделяться качественным характеристикам развития отрасли, основанным на природо- и ресурсосберегающих технологиях, в т.ч. внимания к идеологии устойчивого развития (*sustainable development*). Согласно концепции ООН, данная идеология подразумевает такое развитие мировой экономики, которое бы решало такие социальные проблемы как неравенство и бедность, но при этом не ухудшало состояние окружающей среды.

Акцент был сделан на альтернативных способах ведения хозяйствования и ресурсоэффективных решениях, необходимых для восстановления и сбережения природных ресурсов, повышения урожайности и обеспечения населения не только достаточным количеством продовольствия, но и необходимым набором питательных веществ и микроэлементов. В частности, распространение получила основанная на принципах японского ученого Масанобу Фукуока концепция «натурального земледелия» [10, p. 7], агролесоводство, прецизионное (или, другими словами, максимально эффективное) сельское хозяйство [11, p. iii]. Акцент делается и на грамотном снабжении сектора водными ресурсами - например, посредством сбора дождевой воды, опреснении морской воды и капельной ирригации.

Между тем, при всех достижениях в сельском хозяйстве, страна всё еще сталкивается с целым рядом серьёзных проблем. И хотя индийское правительство стремится к улучшению условий жизни граждан, в связи с чем старается инкорпорировать Цели устойчивого развития в свою социальную и экономическую политику и проводит множество программ и инициатив, направленных на решение социально-экономических проблем - и, надо сказать, достигает на этом направлении существенных результатов, этих усилий всё ещё недостаточно¹⁰.

⁸ India and the WTO. https://www.wto.org/english/thewto_e/countries_e/india_e.htm (accessed 05.07.2021)

⁹ Agricultural Policies in India, p. 118. OECD Food and Agricultural Reviews. 2018. DOI: <https://doi.org/10.1787/24114278> (accessed 07.07.2021)

¹⁰ Nutrition and Food Security. United Nations in India. <https://in.one.un.org/un-priority-areas-in-india/nutrition-and-food-security/> (accessed 07.07.2021)

ВЫЗОВЫ ПЕРВИЧНОМУ СЕКТОРУ ЭКОНОМИКИ

Вызовы, стоящие перед Индией в сельскохозяйственной сфере, касаются, прежде всего, **продовольственной безопасности страны**, которую ФАО определяет как ситуацию, «когда все люди в любое время имеют физический и экономический доступ к достаточному количеству безопасной и питательной пищи, позволяющей удовлетворять их пищевые потребности и предпочтения для ведения активного и здорового образа жизни»¹¹.

Первоначально ключевым компонентом выступали именно наличие еды и доступ к питанию, однако впоследствии выше названное определение было дополнено требованием гарантировать надлежащий уровень качества питания. С 2009 г. ФАО формулирует данный параметр как «продовольственную безопасность и безопасности питания» в связке¹². Соответственно, теперь государство должно стремиться достичь такой ситуации, при которой «все люди в любое время имеют физический, социальный и экономический доступ к достаточному количеству безопасной и качественной пищи, позволяющей удовлетворять их пищевые потребности и предпочтения в условиях соответствующей санитарии и медицинского обслуживания для ведения здорового и активного образа жизни»¹³.

И если, с точки зрения статистики производства, по показателю достаточности питания, в целом Индия, как отмечалось ранее, даже превзошла необходимые значения (т.е. объема производимой сельскохозяйственной продукции более чем достаточно, чтобы прокормить всех граждан), фактически же продовольственная ситуация оставляет желать лучшего.

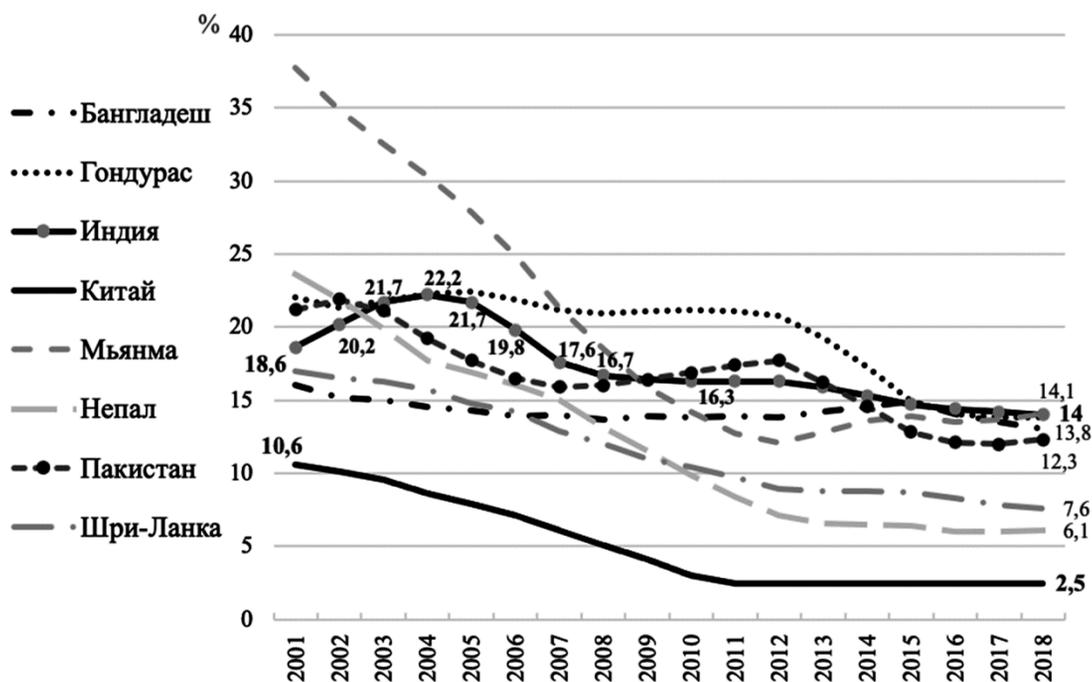

График 1. Процент недоедающего населения в странах Южной Азии¹⁴, Китае и сопоставимыми с Индией Мьянме и Гондурасе.

Graph 1. Undernourishment in South Asia, China, Myanmar, and Honduras (% of population).

Составлено по: Prevalence of undernourishment (% of population). The World Bank.

<https://data.worldbank.org/indicatorSN.ITK.DEFC.ZS> (accessed 11.04.2021)

Так, на 2018 г. 14% населения страны, или 195 млн человек, страдали недоеданием, по этому параметру Индия находится на уровне Мьянмы и Гондураса, показывая худший результат среди всех стран своего региона (см. *граф.* 1). Разрыв с КНР по этому показателю - почти в 6 раз¹⁵. Кроме того, по данным ФАО, 4 из

¹¹ Комитет по всемирной продовольственной безопасности. 39-я сессия, Рим, Италия, 15-20 октября 2012 г. Пункт V.a повестки дня. Термины и терминология, с. 6. <http://www.fao.org/3/MD776R/MD776R.pdf> (accessed 01.02.2021)

¹² Там же, с. 8.

¹³ Там же, с. 13.

¹⁴ На графике не отражены данные по Бутану и Мальдивской Республике, т.к. они не представлены в базе Всемирного банка (*прим. авт.*).

¹⁵ Там же.

10 детей (или около 47 млн) страдают от хронического недоедания или задержки роста, что в дальнейшем повышает риск возникновения хронических заболеваний и сказывается на нескольких последующих поколениях¹⁶.

Другими словами, если об Индии можно сказать, что в целом страна обрела продовольственную безопасность, часть ее населения продолжает недоедать. И вызвано это как бедностью некоторых слоев населения, так и рядом гендерных, возрастных, кастового и иных форм неравенства. Свою лепту вносят и проблемы с экологией, санитарными условиями, качеством питания и воды¹⁷.

Как показал недавний доклад Всемирного банка, даже по минимальной стоимости (а для Индии - это \$1,7 в день) рекомендуемая продуктовая корзина, при составлении которой учитывалась страновая специфика, недоступна для большей части населения [12, pp. 21-22]. Более того, даже имея доступ к необходимому количеству калорий, население продолжает страдать от дефицита микроэлементов. Этот аспект зачастую ускользает от мониторинга и, соответственно, целевых государственных программ [13, pp. 14-15].

Не менее важные и взаимосвязанные проблемы, сказывающиеся на секторе сельского хозяйства, - это **истощение природных ресурсов и ухудшение экологии**. Текущие показатели указывают на неспособность сельскохозяйственных мощностей удовлетворить потребности растущего населения. При этом нарушается почвообразование, исчерпываются и загрязняются водные ресурсы (подробнее см.: [14]), а площадь сельскохозяйственных угодий страны сокращается (см. *граф. 2*).

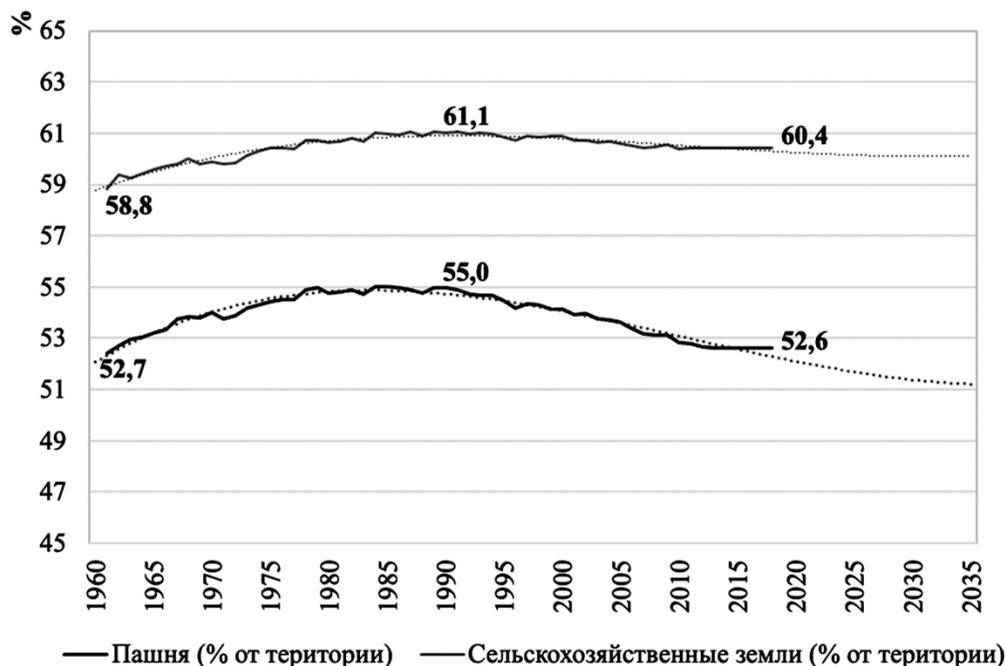

График 2. Проценты индийской территории, отведенные под пашни и сельскохозяйственные земли, в динамике (факт: 1961-2018 гг., полиномиальный тренд до 2035 г.).

Graph 2. Agricultural and arable land (% of land area): 1961-2018 (fact), 2019-2035 (forecast).

Составлено по: Agricultural land (% of land area) India; Arable land (% of land area). The World Bank.

https://data.worldbank.org/indicator/AG.LND.AGRI.ZS?locations=IN&most_recent_value_desc=false (accessed 12.06.2021)

Это связано с целым рядом причин - как **объективных** (природные катаклизмы: засухи, наводнения и т.д.), так и **антропогенных** (неэффективное управление ресурсами: экстенсивный способ ведения сельского хозяйства, перерасход подземных вод и пр.). При этом именно последние оказывают наибольшее негативное влияние на развитие первичного сектора.

К примеру, необходимость повышения урожайности в условиях сокращения посевных площадей приводит к увеличению использования химических удобрений и пестицидов (см. *табл.*), что крайне отрицательно сказывается на состоянии почв и подземных вод - последние обеспечивают большую часть питьевых нужд населения (для около 80% жителей сельской местности и 50% - городских жителей), а соответственно, их загрязнение приводит к ещё более серьёзным последствиям [15, pp. 327-328]. Низкая гра-

¹⁶ Nutrition and Food Security. United Nations in India...

¹⁷ SDG India Index: Baseline Report, p. 27. UN, NITI Aayog. https://niti.gov.in/writereaddata/files/SDX_Index_India_21.12.2018.pdf (accessed 22.02.2021)

мотность в отношении санитарных норм и отсутствие культуры гигиены [16, p. 257] (в общепринятом понимании) у большей части индийцев также усугубляют экологическую обстановку в стране [17, pp. 95-96].

Таблица. **Использование удобрений (кг/га пашни) в Индии**
Table. **Fertilizer consumption (kilograms per hectare of arable land) in India**

1961	1971	1981	1991	2001	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
2,2	16,6	37,3	78	108,2	180,7	163,1	156,5	163,5	171	165,9	170	175

Составлено по: Fertilizer consumption (kilograms per hectare of arable land). The World Bank. https://data.worldbank.org/indicator/AG.CON.FERT.ZS?locations=IN&most_recent_value_desc=true (accessed 12.06.2021)

Вместе с тем, перенаселенность деревень и низкая производительность труда в сельском хозяйстве в условиях сокращающихся фермерских угодий (маргинализации) и их убыточности, вызванная действием земельно-демографического комплекса, усложняют внедрение каких бы то ни было нововведений [5, с. 111]. И без того обремененные займами и кредитами земледельцы не могут вкладывать дополнительные средства в «устойчивые» решения, даже понимая их окупаемость в дальнейшем, вместо этого они ищут дополнительные источники дохода, что негативно отражается на эффективности их сельскохозяйственной деятельности [18, p. 19].

В целом, такое **несоответствие макро- и микроуровней развития** первичного сектора экономики представляет собой большой вызов для Индии. Оно складывается из общенациональных проблем с инфраструктурой, коррупции местных властей, непрозрачного распределения доходов между участниками сельскохозяйственной сферы, устойчивых трейдерских схем, неэффективного управления средствами и ресурсами, использования устаревших, неэффективных методов ведения хозяйства, неравномерного характера получаемой информации (отдельные сектора лучше изучены, чем другие).

ВОЗМОЖНЫЕ МЕРЫ ПОВЫШЕНИЯ ИННОВАЦИОННОСТИ ПЕРВИЧНОГО СЕКТОРА

Одним из возможных решений части отраслевых проблем могло бы стать внедрение новых технологий, или цифровизация сельского хозяйства.

В этой связи в 2007 г. индийское правительство принимает закон о **Национальной политике в отношении фермеров** (*National Policy for Farmers*), главным приоритетом которой провозглашается улучшение социально-экономического положения фермеров¹⁸. Именно такой политики придерживается и нынешний премьер-министр страны - Нарендра Моди, в 2016 г. заявивший о намерении к 2022 г. увеличить доход фермеров вдвое¹⁹.

В 2020 г. были приняты сразу три документа, направленных на повышение экономической эффективности фермерской деятельности и предоставление больших возможностей для повышения доходов - поправка к **Закону о товарах первой необходимости** (*The Essential Commodities Act*), **Закон о торговле сельскохозяйственной продукцией и коммерции** (поощрение и стимулирование; *The Farmers' Produce Trade and Commerce (Promotion & Facilitation) Act*) и **Закона о соглашении о ценовых гарантиях и сельскохозяйственных услугах** (*The Farmers (Empowerment and Protection) Agreement on Price Assurance and Farm Services Act*) [9].

Однако все они вызвали негативную реакцию со стороны многочисленных представителей т.н. «целевой аудитории». Фермеры опасаются отмены устанавливаемой государством минимальной цены, призванной гарантировать фермерам определенный доход, и усиления монополизации рынка сельхозпродукции. И это несмотря на то, что все три правительственные инициативы как раз способствуют более прозрачному и конкурентному формированию цен и позволяют крестьянам выбирать любого покупателя, а не ограничиваться государственными площадками (*mandis*) [19].

В этой связи предлагается создать платформы, позволяющие осуществлять транзакции напрямую между продавцом и покупателем, не прибегая к помощи посредников, деятельность которых, с одной стороны, сокращает и без того низкие доходы фермерских хозяйств, а с другой - приводит к искусственному завышению цен на продукты для конечного потребителя. В государственном секторе такой платформой является Национальный сельскохозяйственный рынок (*National Agriculture Market*, или **eNAM** - «общендийский электронный торговый портал, объединяющий существующие *mandis*²⁰ для создания единого нацио-

¹⁸ <https://agricoop.nic.in/sites/default/files/nppf2007%20%281%29.pdf> (accessed 20.06.2021)

¹⁹ Aim to double income of farmers by 2022, says Narendra Modi. *Deccan Chronicle*. <https://www.deccanchronicle.com/nation/current-affairs/280216/wish-to-double-the-income-of-farmers-by-2020-narendra-modi.html> (accessed 22.06.2021)

²⁰ Mandis - «рынок» на хинди.

нального рынка сельскохозяйственных товаров»)²¹. Такая платформа, созданная для онлайн-торговли сельскохозяйственными товарами, облегчает торговлю фермерам, торговцам и покупателям.

Решение правительства о расширении возможностей реализации сельскохозяйственной продукции вне этой платформы обусловлено в том числе тем, что трейдеры часто обманывали фермеров посредством неправильной калибровки весов, несанкционированных сборов и непрозрачного проведения аукционов. В результате, вместо содействия фермерам, *mandis* лишь сильнее загоняли их в кабалу, при этом не проводился должный контроль функционирования платформы, отчаянно нуждавшейся в модернизации²². Неудивительно, что выходом из сложившейся ситуации стали попытки вовлечения частного сектора в разработку максимально простых в использовании мобильных приложений типа *eBay*²³, позволяющих фермерам находить покупателей в шаговой доступности - что особенно важно для наиболее бедных слоев населения [20]. Впрочем, частный сектор привлекается не только к непосредственной цифровизации сельского хозяйства, но и к финансированию внедрения новых технологий и улучшения инфраструктуры, а также предоставлению займов фермерским хозяйствам: государственно-частное партнерство рассматривается как один из наиболее эффективных механизмов решения вопроса недоинвестирования в первичный сектор экономики [21].

Ещё одним примером новых технологий, целесообразность введения которых продиктована их влиянием на доходы фермеров, являются так называемые **холодовые цепи**. Такие цепи представляют собой совокупность оборудования и производственных процессов, предназначенных для сохранения скоропортящегося продукта (продовольствие, медикаменты и т. п.) в условиях низких температур на всём протяжении цикла от его производства (сбора) до потребления. сельскохозяйственной продукции на этапах её хранения и транспортировки²⁴. На сегодняшний день неэффективное функционирование подобных цепей является причиной до 40% потерь.

Помимо потерь такого характера, фермер также проигрывает в установке цен на свои товары, поскольку, учитывая индийский климат, он лишен свободы действий и стремится продать их как можно скорее, чтобы они не испортились, и потому вынужден предлагать их перекупщикам по минимальной цене²⁵. Безусловно, есть и другие возможные способы повышения доходов фермеров, но приведенные выше можно считать наиболее реализуемыми в кратко- и среднесрочной перспективе. Именно неравномерное распределение доходов от сельскохозяйственной деятельности и приводит к голоданию широких слоев населения.

Такой же негативный эффект оказывают и многочисленные институциональные проблемы, по сути, нивелирующие возможные позитивные результаты от цифровизации сельского хозяйства, на которую зачастую возлагаются завышенные надежды. Растет понимание того, что нельзя ограничиваться решением одних только чисто экономических проблем. Что необходимо учитывать также и внеэкономические факторы, решая их во взаимосвязи с социальными, политическими, этическими и правовыми проблемами. В противном случае не будет полноценной аграрной революции, которая бы позволила привести первичный сектор экономики в соответствие требованиям устойчивого развития, способствуя решению «больших вызовов» XXI в.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, «большие вызовы», среди которых выделяется проблема продовольственной безопасности, истощение ресурсов и стремительное ухудшение экологической ситуации вкрупне с отраслевыми проблемами сельского хозяйства, возникновение которых во многом связано с недостаточной продуманностью сельскохозяйственной политики прошлого столетия, однозначно требуют масштабного реформирования первичного сектора экономики.

Осознание значимости «экологического следа» и необходимости изменений в результативности сектора привели к новому этапу технологизации сельского хозяйства и соответствующей государственной политике, фокусирующейся теперь на двух основных составляющих - снижении вреда, наносимого хозяйственной деятельностью окружающей среде, и увеличении дохода фермеров. Достичь успеха на этих направлениях, безусловно, можно по-разному, но инновационные технологии и цифровизация представляются достаточно эффективными механизмами, не требующими колоссальных затрат, что отвечает интересам

²¹ eNamOverview. National Agriculture Market. <https://enam.gov.in/web/> (accessed 20.06.2021)

²² India Needs a Second Green Revolution. Council on Foreign Relations. <https://www.cfr.org/blog/india-needs-second-green-revolution> (accessed 23.06.2021)

²³ eBay - электронная торговая платформа, принадлежащая одноименной американской компании (*прим. авт.*).

²⁴ India's Third Agricultural Revolution, p. 5. Birmingham Energy Institute. <https://www.birmingham.ac.uk/Documents/college-energy/Publications/india-third-agricultural-revolution-birmingham-energy-institute.pdf> (accessed 29.06.2021)

²⁵ Ibid., p. 3.

индийского общества, неотъемлемой характеристикой которого является как раз-таки поиск «экономных» способов решения проблем. И здесь мы наблюдаем тенденцию, свойственную большинству индийских инноваций - их социальную ориентированность, подразумевающую низкие финансовые и ресурсные затраты (подробнее см.: [22]).

И хотя не оставляет сомнений тот факт, что инновационные решения необходимы на всей протяженности воспроизводственного цикла и очевидно стремление правительства поддерживать и поощрять инновационные идеи, призванные ответить на вызовы сельского хозяйства. Однако нельзя не заметить, что любые рекомендации центрального правительства наталкиваются на проблемы с имплементацией.

Большинство препятствий кроются на институциональном уровне: в частности, на уровне штатов, в ведении которых, по сути, и находится сельскохозяйственная политика, что не позволяет выстраивать единую и гармоничную стратегию по улучшению ситуации в первичном секторе и приводит к ситуации неравномерного распределения средств и ресурсов, а также на локальном уровне, отягощенном устоявшейся сетью посредников, не желающих сдавать свои позиции, кастовым и гендерным неравенством и целым рядом сложных социокультурных факторов. В результате, первичный сектор является тормозом экономического развития государства, усугубляющегося на фоне неравномерного распределения финансовых ресурсов между участниками сельскохозяйственной деятельности.

Нерешенность этих проблем будет иметь серьезные последствия для жизни всего более чем миллиардного населения Индии, а потому индийскому правительству предстоит провести комплексное реформирование, иначе велика угроза расшатывания социальной стабильности. Но начать можно и с небольших шагов - т.е. постепенного внедрения инновационных решений и проведения цифровизации сельского хозяйства в тех сферах, где это будет иметь относительно быстрый, видимый, но в то же время устойчивый эффект, и которые в дальнейшем смогут переломить негативную динамику в других отраслях первичного сектора экономики.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Dhaliwal T. The uprising of India's farmers: The significance and history behind the worldwide protests. *Global News*. <https://globalnews.ca/news/7518681/india-farmers-government-protests/> (accessed 21.03.2021)
2. Kapil S. Agri share in GDP hit 20% after 17 years: *Economic Survey. Down To Earth*. <https://www.downtoearth.org.in/news/agriculture/agri-share-in-gdp-hit-20-after-17-years-economic-survey-75271#:~:text=By%20Shagun%20Kapil&text=The%20share%20of%20agriculture%20in,the%20Economic%20Survey%202020%2D2021> (accessed 24.05.2021)
3. Дерюгина И.В. Цель сельского хозяйства Индии - экспортная ориентация: 25 лет экономической реформы (1991-2016). *Восток (Oriens)*. 2018. № 5. С. 154-166. DOI: 10.31857/S086919080001858-0
4. Deryugina I.V. 2018. India's agriculture and 25 years of economic reform (1991- 2016). *Vostok / Oriens*. № 5. (In Russ). DOI: 10.31857/S086919080001858-0
5. Prahladachar M. 1983. Income distribution effects of the green revolution in India: A review of empirical evidence. *World Development*, № 11, pp. 927-944. DOI: 10.1016/0305-750x(83)90055-4
6. Растяйников В. Г. Аграрная Индия: парадоксы экономического роста. Вторая половина XX в. - начало XXI в. М.: ИВ РАН. 2010. 128 с.
7. Rastyannikov V.G. 2018. Rural India: Paradoxes of Economic Growth (The mid-XXth century to the beginning of the XXIst century). Moscow. 128 p. (In Russ.)
8. India Transformed. 25 Years of Economic Reforms / Ed. by R. Mohan. New Delhi: Viking by Penguin Random House, India, 2017.
9. Дерюгина И.В. Сельское хозяйство стран Азии и Северной Африки: экономический рост и модернизация. М., ИВРАН, 2018. 288 с.
10. Deryugina I.V. 2018. Agriculture in Asia and North Africa: Economic Growth and Modernization. Moscow. 288 p. (In Russ.)
11. Chand R. India's National Agricultural Policy: A Critique. Institute of Economic Growth, Delhi University. http://awsassets.wwfindia.org/downloads/national_agriculture_policy_a_critique_1.pdf (accessed 19.03.2021)
12. Hassan N., Vardhan Y. Agricultural law in India: overview. Thomson Reuters, Practical Law. [https://uk.practicallaw.thomson-reuters.com/1-604-1046?transitionType=Default&contextData=\(sc.Default\)&firstPage=true#co_anchor_a779888](https://uk.practicallaw.thomson-reuters.com/1-604-1046?transitionType=Default&contextData=(sc.Default)&firstPage=true#co_anchor_a779888) (accessed 11.05.2021)
13. Dorin B. 2021. Theory, Practice and Challenges of Agroecology in India. *International Journal of Agricultural Sustainability*. DOI: <https://doi.org/10.1080/14735903.2021.1920760>
14. Gupta N., Pradhan S., Jain A., Patel N. Sustainable Agriculture in India 2021. The Food and Land Use Coalition. <https://www.ceew.in/sites/default/files/CEEW-FOLU-Sustainable-Agriculture-in-India-2021-20Apr21.pdf> (accessed 01.06.2021)
15. Dizon F., Wang Z., Mulmi P. The Cost of a Nutritious Diet in Bangladesh, Bhutan, India, and Nepal. Agriculture and Food Global Practice, World Bank Group. <http://documents1.worldbank.org/curated/en/715101615481097703/pdf/The-Cost-of-a-Nutritious-Diet-in-Bangladesh-Bhutan-India-and-Nepal.pdf> (accessed 11.05.2021)
16. Ramaswami B. Hunger and Food Security Concerns for India. *India and Sustainable Development Goals: The Way Forward. Research and Information System for Developing Countries*. http://ris.org.in/pdf/SDGs_Report_Chapter_2.pdf (accessed 16.06.2021)
17. Водные ресурсы Индии: экономические, политические и социальные аспекты. *Материалы научной конференции*. М., РАН, 2015. 298 с.
18. 2015. India's Water Resources: Economic, Political, and Social Aspects. *Materials of the Scientific Conference. Institute of Oriental Studies*. Moscow, 298 p.

15. Chaubey J., Singh S.K., Singh S., Arora H. 2020. Assessment of the impact of pesticide usage in groundwater aquifer of an agriculturally dominated area in North West India. *Water Practice & Technology*, Vol. 15, No. 2, pp. 327-342. DOI: 10.2166/wpt.2020.017
16. Nagla B.K. 2020. Problems of Sanitation in India: Does Culture Matter? *Sociological Bulletin*, № 69(2), pp. 252-269. DOI: 10.1177/0038022920923221
17. Kumar S., Jain A., Kar S. 2011. Health and environmental sanitation in India: Issues for prioritizing control strategies. *Indian Journal of Occupational and Environmental Medicine*, Vol. 15, No. 3, pp. 93-96. DOI:10.4103/0019-5278.93196
18. Balakrishnan P., Golait R., Kumar P. Agricultural Growth in India Since 1991. Department of Economic Analysis and Policy, Reserve Bank of India. <https://rbidocs.rbi.org.in/rdocs/content/pdfs/85240.pdf> (accessed 09.02.2021)
19. Волков К. Индийские фермеры собирают донорскую кровь для писем премьеру. *Российская газета*. <https://rg.ru/2020/12/23/indijskie-fermery-sobiraiut-donorskuiu-krov-dlia-pisem-premeru.html> (accessed 29.06.2021)
- Volkov K. Indian farmers collect donated blood for letters to the Prime Minister. *Rosyiskaya Gazeta*. Moscow. (In Russ.). <https://rg.ru/2020/12/23/indijskie-fermery-sobiraiut-donorskuiu-krov-dlia-pisem-premeru.html> (accessed 29.06.2021)
20. Boettiger S., Sanghvi S. How digital innovation is transforming agriculture: Lessons from India. McKinsey & Company. <https://www.mckinsey.com/industries/agriculture/our-insights/how-digital-innovation-is-transforming-agriculture-lessons-from-india#> (accessed 13.02.2021)
21. Hans A. PPPs and agriculture: driving India beyond the Green Revolution. World Bank Blogs. <https://blogs.worldbank.org/ppps/ppps-and-agriculture-driving-india-beyond-green-revolution> (accessed 17.05.2021)
22. Ustuzhantseva O.V. 2015. Institutionalization of Grassroots Innovation in India. *Current Science*. № 108, pp. 1476-1482.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Шавлай Элина Петровна, научный сотрудник, отдел науки и инноваций, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия.

Ellina P. Shavlay, Research Fellow, Department of Science and Innovation, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO). Moscow, Russia.

Поступила в редакцию (Received)
19.07.2021

Доработана после рецензирования (Revised)
12.08.2021

Принята к публикации (Accepted)
27.09.2021

Российские экономические инициативы в представлении жителей ЮАР

© Горелик Б.М.^a, 2021^a Институт Африки РАН, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0001-8839-3889; boris.gorelik@inafr.ru

Резюме. В последние годы Россия впервые стремится заявить о себе как о важном экономическом партнере Южной Африки, но сталкивается с «имиджевыми» проблемами, которые затрудняют экономическое взаимодействие с ЮАР. Образ России в массовом сознании южноафриканцев формируется, прежде всего, местными журналистами, политиками и общественными деятелями. В ЮАР нет популярных изданий и сайтов, которые бы последовательно поддерживали межгосударственные усилия по укреплению торгово-экономического взаимодействия с Россией.

Южноафриканцы рассматривают российские инициативы как альтернативу западному и китайскому влиянию на местную экономику. В южноафриканском массовом сознании уважение к западным ценностям, достижениям и культуре сочетаются с неприятием западной внешнеполитической и экономической гегемонии. Таким образом, южноафриканцы рассматривают Россию как противовес Западу, однако не как замену ему.

По-видимому, большинство южноафриканцев считают желательным экономическое сотрудничество с Россией. Но память о неудачных попытках взаимодействия с российскими госкомпаниями заставляет южноафриканскую общественность настоятельно относиться к крупным межгосударственным проектам.

Опыт российских частных компаний показывает, что эффективное сотрудничество с Южной Африкой возможно, если россияне готовы работать там долго и планомерно, адаптироваться к местным условиям и учитывать серьезную конкуренцию, в т.ч. со стороны западных и китайских фирм.

Ключевые слова: ЮАР, российско-южноафриканское сотрудничество, образ России, СМИ ЮАР, российские инвестиции

Для цитирования: Горелик Б.М. Российские экономические инициативы в представлении жителей ЮАР. *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 11. С. 22-30. DOI: 10.31857/S032150750017408-0

Russian economic initiatives as perceived by South Africans

© Boris M. Gorelik^a, 2021^a Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0001-8839-3889; boris.gorelik@inafr.ru

Abstract. In recent years, Russia has sought to establish itself as an important economic partner in South Africa for the first time. Russia has 'image' problems that have complicated its economic interaction with South Africa. The image of Russia in the collective consciousness of South Africans is formed primarily by local journalists, politicians and public figures. However, in South Africa, there are no popular publications and websites that consistently support the government's efforts to strengthen trade and economic cooperation with Russia.

South Africans see Russian initiatives as an alternative to the Western and Chinese influence on the local economy. For South Africans, their respect for Western values, achievements and culture is balanced by their rejection of the Western political and economic hegemony. Thus, South Africans see Russia as a potential counterbalance rather than a substitute for its Western partners.

Apparently, most South Africans consider economic cooperation with Russia desirable. But the failed and controversial attempts by Russian state-owned companies to participate in important government projects have made the South African public wary of such efforts.

The experience of Russian private companies shows that effective cooperation with South Africa is possible if Russian businesses are prepared to work there long and methodically, adapt to the local conditions and face stiff competition from Western and Chinese firms.

Keywords: Republic of South Africa, Russian-South African cooperation, image of Russia, South African mass media, Russian investments

For citation: Boris M. Gorelik. Russian economic initiatives as perceived by South Africans. *Aziya i Afrika segodnya*. 2021. № 11. Pp. 22-30. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750017408-0

ВВЕДЕНИЕ

По оценкам отечественных экономистов, ЮАР отличается наибольшей инвестиционной привлекательностью для российского капитала на континенте (наряду со странами Северной Африки). Тесные связи с

этим признанным региональным лидером могут укрепить политические и экономические позиции нашей страны на Юге Африки, поэтому российские власти считают сотрудничество с этой страной стратегически важным [1, с. 122-123]¹.

Тем не менее, торгово-экономические связи между Российской Федерацией и Южно-Африканской Республикой гораздо слабее политических [2, р. 1189]. Так, товарооборот между Россией и ЮАР в 2019 г. составлял чуть более \$1 млрд, и это самый низкий показатель среди стран БРИКС. Южноафриканский экспорт в Россию (\$827 млн) в 3 раза превысил российский экспорт в ЮАР (\$281 млн)².

В последние годы Россия стремится заявить о себе как о важном экономическом партнере Южной Африки. В ЮАР действуют сравнительно крупные производственные и горнодобывающие российско-южноафриканские предприятия. В то же время российскому бизнесу обычно не удается обосноваться в ЮАР надолго: лишь несколько лет проработали в этой стране КАМАЗ, Евраз и Норильский никель. Неудачи постигают и проекты с участием российского государства. Ни один из планировавшихся масштабных проектов российских госкомпаний в ЮАР (строительство АЭС Росатомом, разведка и добыча газа на шельфе Росгеологией) не осуществлен, несмотря на поддержку этих инициатив правительствами обеих стран.

Помимо объективных сложностей ведения бизнеса в ЮАР, Россия сталкивается с «имиджевыми» проблемами, которые затрудняют экономическое взаимодействие между нашими государствами. Российские госкомпании в Южной Африке и их сотрудничество с южноафриканскими госструктурами часто и не всегда обоснованно критикуются авторитетными местными СМИ, учеными, политиками и общественными деятелями. Отечественные африканисты считают, что необходимо «бороться за умы африканцев», формировать целесообразный образ нашей страны в массовом сознании жителей этого континента [4, с. 98]. Наша страна пытается использовать свои политические связи и авторитет для продвижения своих экономических интересов в Южной Африке, но, по-видимому, этих усилий недостаточно.

ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА РОССИИ В ЮАР

По сравнению с журналистами в прочих африканских странах, обозреватели в Южной Африке меньше зависят от мнений своих западных коллег. Ведущими информационно-аналитическими изданиями и сайтами в ЮАР владеет местный бизнес, за исключением концерна *Independent Media&News*, половина которого принадлежит китайским госкомпаниям.

И все же, как везде на континенте, эти СМИ получают большинство новостей о России от западных информационных агентств. У южноафриканских изданий нет корпунктов в нашей стране. Взгляды западных коллег, выбор тем и ракурсов в их статьях о России влияют на южноафриканских журналистов. Интернет позволяет познакомиться и с иными точками зрения, но лишь некоторые обозреватели в ЮАР, пишущие о России, пользуются этой возможностью.

Благодаря популярности и относительной самостоятельности печатных и электронных СМИ в ЮАР, южноафриканцы лучше информированы о международных отношениях, чем жители других государств этого континента [5, с. 138]. В этой стране более половины населения имеют доступ в Интернет (средний показатель по Африке южнее Сахары - около 20%). Почти 90% южноафриканцев старше 14 лет умеют читать (в Африке южнее Сахары, в среднем, - 65%)³. Поэтому образ России в массовом сознании южноафриканцев формируется не западными СМИ, как в большинстве африканских стран, а прежде всего - местными журналистами, политиками и общественными деятелями.

Но в Южной Африке нет популярных изданий и сайтов, которые открыто и последовательно поддерживали бы межгосударственные усилия по укреплению торгово-экономического взаимодействия с Россией. При этом южноафриканские СМИ иногда распространяют бездоказательные утверждения о намерениях и инициативах российского правительства в отношении ЮАР [6, с. 306, 314].

На представления южноафриканцев о России и российских инициативах также влияют материалы СМИ из других государств, включая Россию. В популярный пакет спутникового телевидения входит российский

¹ См. также: ЮАР сегодня. Коллективная монография. М.: ИАФР РАН, 2020. С. 122, 132.

² BRICS Joint Statistical Publication 2020; Brazil, Russia, India, China, South Africa. Moscow, Rosstat, 2020. Pp. 175-176.

³ Individuals using the Internet (% of population) - Sub-Saharan Africa. <https://data.worldbank.org/indicator/IT.NET.USER.ZS?locations=ZG> (accessed 22.06.2021).

государственный канал *RT*, вещающий на английском, одном из официальных языков ЮАР. Воздействие информации, поступающей через эти СМИ, в т.ч. через Интернет, может быть значительным. Кроме того, мнения образованных южноафриканцев о нашей стране складываются под воздействием публикаций южноафриканских политологов и историков в популярных и научных изданиях. Наконец, воздействие на представления большинства жителей Южной Африки о нашей стране оказывает западная массовая культура: популярные фильмы, видеосюжеты, телепередачи и художественная литература.

ИССЛЕДОВАНИЯ ЮЖНОАФРИКАНСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Знание о том, как российские инициативы воспринимаются южноафриканскими читателями, зрителями и слушателями помогло бы выработать способы корректировки этих представлений.

Попытки изучить образ России в южноафриканском массовом сознании уже предпринимались. В конце 1990-х преподаватель кафедры русистики Университета Южной Африки И.В.Гармашова воссоздала персонафицированный «портрет» россиян по материалам опроса около 300 южноафриканских студентов [7]. В первом десятилетии нынешнего века Центр исследований Юга Африки Института Африки РАН под руководством Л.Н.Рытова и при участии И.И.Филатовой провел анкетирование более 200 южноафриканцев для выявления их представлений о современной России [8]. Результаты этого опроса использованы в докладе МГИМО «Отношение населения и элиты африканских стран к ведущим мировым державам (Россия, США, Китай)» (2011) [9]. Данные по Южной Африке также были собраны и осмыслены коллективом под руководством д.и.н. Д.М.Бондаренко (ИАФР РАН, 2005-2007), хотя этот анализ представлений африканских элит о России базировался преимущественно на материалах других стран континента [10].

Стереотипы массового сознания выявляются, в том числе, на основе количественных данных, полученных социологическими методами, но таких сведений за последние 10 лет в моем распоряжении нет. По-видимому, с начала 2010-х гг. не проводилось подобных исследований.

За это время образ России и россиян в ЮАР изменился. Например, в 2000-е гг. южноафриканская пресса часто писала о нелегальной деятельности наших соотечественников. Утверждалось, что «русская мафия» в этой стране занимается вымогательством, контрабандой и торговлей людьми. Южноафриканские журналисты также освещали случаи дискриминации стриптизерш и проституток из России и других стран СНГ. Много было статей и о российских «невестах по переписке». [11, с. 205-219; 12, с. 199-209].

Но в последнее десятилетие такие репортажи почти исчезли. Раньше Россия в изображении СМИ представляла перед южноафриканцами (и другими жителями Африки) как страна «повального алкоголизма», криминала, высокой социальной напряженности и экономических потрясений [10, с. 85]. Сегодня это уже не так.

Многие выводы исследований 2000-х гг. справедливы до сих пор. Например, утверждение о том, что южноафриканцев и других жителей Африки тревожат сообщения местных СМИ о проявлениях расизма в нашей стране [9, с. 48; 10, с. 74]. Если в тогдашних публикациях речь обычно шла о нападениях и убийствах, то теперь - о бытовой дискриминации и предубеждениях, с которыми, по утверждениям южноафриканских журналистов, сталкиваются чернокожие в России.

Остается актуальным и тезис о том, что Россию на Юге Африки знают, прежде всего, как политическую силу. Жителям ЮАР лучше всего известны руководители нашей страны: Путин, Ельцин, Горбачев, Сталин и Ленин [7, р. 90; 13, с. 219]. Российская Федерация в массовом сознании южноафриканцев - это преемница СССР, но принципиально иная страна, с несоветской культурой и идеологией. Южноафриканцы, как и другие жители Африки, считают, что Россия унаследовала у Советского Союза право выступать во внешней политике наравне с США, Западной Европой и Китаем [8, с. 138; 10, с. 77, 88].

НЕОЩУТИМОЕ ПРИСУТСТВИЕ РОССИИ

По моим наблюдениям, южноафриканцы знают о том, что Советский Союз помогал африканским странам бороться против колониализма, а также поддерживал АНК и другие силы, стремившиеся ликвидировать апартеид. Это наследие воспринимается положительно, а иногда и с благодарностью. Но после распада СССР и демонтажа апартеида уже выросло новое поколение, и оно идет на смену тем представителям нынешней южноафриканской элиты, которые получали советскую помощь. Для молодежи (это почти половина населения страны) участие СССР в борьбе против апартеида - история предыдущих поколений.

При апартеиде для тех, кто сочувствовал борьбе черного большинства против дискриминации или участвовал в этой борьбе, СССР был доброй силой, надежным и бескорыстным помощником. Символом этой помощи был советский АК-47: это о нем зулусская песня «*Umshiniwami*» («Автомат»), которую исполнял на митингах ветеран борьбы с апартеидом, президент ЮАР Джекоб Зума. А противникам освободительного движения Советский Союз представлялся «империей зла», стремившейся захватить ЮАР и использовавшей для этого черных «террористов» в самой Южной Африке и соседних странах. Художники изображали СССР в виде медведя-великана, протянувшего когтистую лапу из северного полушария на юг Африки. Такой образ Советского Союза формировался десятилетиями, в т.ч. благодаря школьному курсу истории.

Сегодня история России в южноафриканских учебниках по-прежнему интерпретируется с «прозападных позиций» [14, pp. 57-62]. О Советском Союзе учитель рассказывает только в связи с Второй мировой войной и последующим противостоянием капиталистического и социалистического «лагерей». Даже в факультативном курсе истории для старших классов уделено мало внимания советской помощи движению против апартеида⁴.

В южноафриканском массовом сознании нет яркого образа современной России. Наша страна взаимодействует с политиками, чиновники и предпринимателями в ЮАР, но в жизни обычного южноафриканца ее влияние минимально. В Южной Африке не продаются российские потребительские товары. Из-за малочисленности русскоязычного населения там нет и русских магазинов и ресторанов. В ЮАР больше не выступают российские артисты, а небольшие культурные мероприятия, которые проводят общины российских соотечественников совместно с российскими дипломатами и представительством Россотрудничества при посольстве РФ, обычно не имеют резонанса в крупных СМИ. Наиболее важные события организуют южноафриканцы, среди них - ретроспектива картин южноафриканского художника русского происхождения В.Г.Третичкова в Южноафриканской национальной галерее (2011 г.), «Дни русской культуры» на ежегодном фестивале в городе Германусе (2021 г.) Впрочем, такие мероприятия проводятся не регулярно.

В стране нет культурных центров, финансируемых российским государством. Те частные организации, которые стремятся знакомить южноафриканцев с культурой нашей страны (например, винодельческое хозяйство «Хазендаль» в пригороде Кейптауна, где экспонируются предметы русского искусства из собрания владельца этого поместья - бизнесмена Марка Волошина, и проводятся камерные концерты русской музыки), сравнительно мало известны. В середине 1990-х гг. наш соотечественник, профессор А.Б.Давидсон основал в Кейптаунском университете Центр российских исследований [3, с. 259], который действовал успешно, но зависел от частного финансирования и просуществовал лишь несколько лет. Кафедры русистики в других университетах также давно закрыты. В южноафриканских вузах больше не преподается русский язык.

ЮАР МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ

В то же время конкуренты России постоянно присутствуют в южноафриканском информационном пространстве и массовой культуре. Влияние западной культуры, образовательных, политических и экономических инициатив США, Германии, Великобритании и Франции так же велико в ЮАР, как в других африканских странах. Стоит отдельно упомянуть и о том месте, которое занимает в массовом сознании Китай, целенаправленно воздействующий на общественное мнение в ЮАР.

В 1990-е гг. у Китая и России стартовые позиции в Южной Африке были похожими. Социалистическая КНР так же, как СССР, считалась геополитическим противником ЮАР при апартеиде и другом освободительного движения. Межгосударственные политико-экономические связи стали налаживаться лишь после ликвидации этого режима.

Но теперь Китай - один из основных торговых партнеров Южной Африки. Китайское государство содержит не менее 6 центров по изучению китайского языка и культуры в южноафриканских вузах. Государственное информационное агентство Китая «Синьхуа» предоставляет материалы СМИ ЮАР. Южноафриканский рынок наполнен потребительскими товарами китайского производства: их можно купить не только в обычных магазинах, но и в специализированных торговых центрах, принадлежащих предприни-

⁴ Curriculum and Assessment Policy Statement. Grades 7-9. Social Sciences. Pretoria: Department of Basic Education, 2011. Pp. 17-18.

мателю из Китая. Некоторые категории товаров (например, мобильные телефоны) стали доступны большинству южноафриканцев только после появления в продаже изделий китайского производства. В ЮАР выходят газеты на китайском языке, а также периодические издания на английском, принадлежащие концерну с китайским участием, работает множество ресторанов китайской кухни. Есть даже районы компактного проживания китайских иммигрантов, куда южноафриканцы приезжают, чтобы посетить местные кафе и продуктовые магазины.

Сотрудничество с Китаем и Россией помогает африканским государствам вести более самостоятельную политику. В тех странах, которые традиционно ориентировались на западные модели политического развития (ЮАР, Нигерия, Кения, Марокко, Тунис), элиты приветствуют западные экономические инициативы, но не желают дальнейшего роста политического влияния на континенте государств Западной Европы и США.

«Мы не забываем о своей колониальной истории, когда европейские экономики обеспечивали свою индустриализацию и развитие за счет добычи ресурсов из Африки, при этом сохраняя недостаточное развитие колоний, - заявил президент ЮАР С.Рамафоса по возвращении с первого саммита «Россия-Африка» 23-24 октября 2019 г. в Сочи. - Страны Африки по-прежнему пытаются прекратить изъятие ее ресурсов, теперь уже в виде нелегальных финансовых потоков в связи с коммерческими операциями, уклонения от налогов, скрытого распределения прибыли и нелегальной деятельности, которые обходятся континенту более чем в 50 миллиардов долларов ежегодно»⁵.

Южноафриканские политики и предприниматели тоже стремятся к балансу между взаимодействием с «Западом» (США, ЕС и Соединенное Королевство) и «Востоком» (Китай, Индия и Россия). Подобно России, Китай в ЮАР позиционирует себя, прежде всего, как экономического партнера, стремящегося к равноправным отношениям, свободным от патернализма.

Южноафриканские исследователи указывают на перспективность сотрудничества с Россией как партнером по БРИКС и постоянным членом Совета Безопасности ООН. Южная Африка нуждается в стратегическом партнерстве с Россией, чтобы наращивать экспорт, использовать российские технологии и привлекать прямые инвестиции для роста экономики и создания рабочих мест. Несмотря на это политологи в ЮАР склонны характеризовать политический режим в России и Китае как недемократический, авторитарный. В российской внешней политике их настораживает «явно антизападный» курс [15; 16; 17, р. 34].

РОССИЯ КАК НЕОДНОЗНАЧНАЯ АЛЬТЕРНАТИВА

Президентство Дж. Зумы (2009-2018) сопровождалось обвинениями, в т.ч. уголовными, в мошенничестве, вымогательстве, отмывании денег, коррупции и неудовлетворительном администрировании, выдвинутыми в отношении главы государства и его сподвижников. Большинство южноафриканских политологов и журналистов убеждены, что в те годы внешняя политика Южной Африки определялась не интересами страны, а финансовой выгодой для окружения президента и правящей партии [18, р. 69; 19, р. 161]. В ЮАР его энергичная поддержка сотрудничества между нашими странами вызывала подозрение, поскольку в массовом сознании деятельность этого президента была связана с коррупцией. Возможно, чтобы дистанцироваться от этих ассоциаций, преемник Зумы, президент С.Рамафоса, уменьшил интенсивность публичных межгосударственных контактов с Россией.

При выстраивании отношений с АНК Россия апеллирует к исторической памяти и благодарности участников освободительного движения в Южной Африке и их преемников во власти за многолетнюю помощь в борьбе против колониализма и апартеида. По мнению тех южноафриканских политологов, которые призывают к осторожности в отношениях ЮАР с нашей страной, последовательное и настойчивое обращение российских государственных деятелей и дипломатов к истории солидарности Советского Союза с освободительным движением, заявления о стремлении к равноправию и об аполитичности целей России на континенте - эффективный идеологический прием. Такая риторика, утверждают они, усиливает бдительность руководителей государства, вызывает желание отплатить добром за добро, что может привести к заключению невыгодных для Южной Африки соглашений с нарушением установленных законом процедур [20].

⁵ <http://www.thepresidency.gov.za/from-the-desk-of-the-president/desk-presi-dent%2C-28-october-2019> (accessed 14.10.2021)

Еще в 2000-х южноафриканские респонденты, признавая важность помощи СССР в борьбе против апартеида, высказывались за развитие российско-южноафриканских политических и экономических отношений на новом фундаменте. Российские исследователи заключили тогда, что «южноафриканцы - прежде всего, молодые, - ждут от России не идеологии, а конкретного экономического сотрудничества» [8, с. 140, 146]. Это характерно и для других стран Африки: их жители хотят, чтобы Россия выступала на континенте в качестве альтернативы западным партнерам, предлагая более выгодные и достойные варианты взаимодействия.

По моим наблюдениям, южноафриканцы, принадлежащие ко всем социальным и расовым группам, обычно доброжелательны по отношению к России. В южноафриканском массовом сознании уважение к западным демократическим ценностям и к достижениям западных предпринимателей, ученых и инженеров, а также любовь к западной культуре сочетаются с неприятием западной внешнеполитической и экономической гегемонии. Так что южноафриканцы рассматривают Россию как противовес Западу, но не как замену ему.

Южноафриканские обозреватели считают, что Россия достигает своих целей в Африке, прежде всего, за счет политических, нерыночных механизмов. Исследователи из ЮАР отмечают, что взаимодействие российских государственных компаний с африканскими политическими элитами для обеспечения местного административного ресурса ставит под угрозу развитие демократии и оздоровления власти на континенте. Редактор *Mail&Guardian* объясняет позицию своей газеты так: «Пока мало свидетельств того, что Россия лучше - или гораздо хуже - чем любая другая сверхдержава, которая хочет воспользоваться ресурсами и рынками Африки» [21].

Настороженность южноафриканских СМИ и политологов по отношению к экономическим инициативам, активно поддерживаемым российским государством, связана, помимо прочего, с воспоминаниями о скандале, который вызвало в ЮАР заключение межправительственного соглашения о стратегическом партнерстве и сотрудничестве в области атомной энергетики и промышленности (2014), впоследствии признанного южноафриканским судом неконституционным. Как утверждает президент Зума оказывал давление на членов своего правительства и других высокопоставленных чиновников для скорейшего подписания соглашения, что затрудняло независимую оценку целесообразности этого масштабного и затратного проекта [22]. В изученных нами статьях южноафриканских журналистов и ученых отказ от строительства АЭС силами «Росатома» в ЮАР представлен как свидетельство зрелости гражданского общества и действенности сдержек и противовесов в южноафриканской политической системе.

Поэтому намерения правительства этой страны осуществлять крупные проекты с участием российских госкорпораций привлекают пристальное внимание общественности [23; 24; 25]. Если правящий АНК относится к инициативам российских госкомпаний, в основном, доброжелательно, то оппозиционный Демократический альянс (ДА) - настороженно или отрицательно. Бывший лидер этой партии заявил, что соглашения с российскими госкомпаниями заключаются в ущерб ЮАР, но в интересах россиян и взятых ими в долгу южноафриканских «дельцов и авантюристов» [26].

В то же время в ЮАР, помимо правительства и связанных с ним структур, есть много сторонников экономического сближения с Россией. Например, это третья по популярности партия в Южной Африке - «Борцы за экономическую свободу» (БЭС). Подобно Зуме, президент БЭС Дж.Малема рассматривает нашу страну в качестве оппонента Запада. На его взгляд, правительство слишком тесно взаимодействует с западными странами, которые связаны с крупными белыми предпринимателями, но не настроены на равноправные отношения с ЮАР, поэтому стоит серьезно рассматривать альтернативные предложения России и Китая [27].

УСПЕХИ ЧАСТНЫХ КОМПАНИЙ

По моим наблюдениям, в ЮАР нет отрицательного отношения к российскому бизнесу как таковому. Деятельность частных российских компаний на южноафриканском рынке, в отличие от сотрудничества российских госкомпаний с местными государственными организациями (например, вышеупомянутая кампания против строительства АЭС Росатомом), обычно не подвергается критике СМИ в этой стране. Крупные предприниматели из России, успешно работающие на этом рынке, организуют совместные предприятия с фирмами, принадлежащими чернокожим южноафриканцам, создают рабочие места, налаживают местное производство и повышают квалификацию южноафриканских сотрудников.

Южноафриканские журналисты придирчиво изучают работу предприятий с участием российского капитала тогда, когда деятельность этих компаний причиняет ущерб южноафриканской экономике или когда есть основание сомневаться в обоснованности их привилегий [28; 29]. С возмущением писали южноафриканские журналисты и о крупной поставке в ЮАР непригодных к местным условиям микроавтобусов «ГАЗель», прозванных «машинами смерти» (*deathtrapsonwheels*) [30].

Так же, как жители других африканских стран, южноафриканцы были вовлечены в российскую финансовую пирамиду «МММ». Помимо высокой процентной ставки, их привлекал принцип работы этой системы, которая напоминала популярные на Юге Африки общества взаимопомощи или кредитные кооперативы (*stokvels*). Масштабы деятельности «МММ» были угрожающими, поэтому южноафриканские спецслужбы начали расследование российской пирамиды, а банки блокировали счета ее участников. Южноафриканские обозреватели предупреждали сограждан, что «МММ» - это «игра в русскую рулетку на ваши деньги»⁶.

Но эти скандалы не настроили южноафриканцев против российских негосударственных торгово-экономических инициатив. В 2017 г. дочерняя компания АО «Трансмашхолдинг» начала в ЮАР производство и обслуживание подвижного состава для железных дорог Африки, включая южноафриканскую систему экспрессов *Gautrain*. Одними из популярнейших в стране программ для защиты от киберугроз остается продукция «Лаборатории Касперского», которая открыла южноафриканский филиал около 20 лет назад. Южноафриканская компания *IMBS*, на треть принадлежащая ОАО «Северсталь» с 2016 г., производит металлургическое железорудное сырье для электросталеплавильных печей по собственной технологии. Крупнейшим отечественным инвестором в экономику ЮАР остается «Ренова»: ее южноафриканское предприятие *UMK* выдвинулось на 5-е место в этой стране по объемам добычи марганцевой руды⁷. Южноафриканские СМИ отзываются о деятельности этих компаний, в основном, нейтрально или положительно.

ВЫВОДЫ

По-видимому, большинство южноафриканцев считают сотрудничество с Россией желательным или необходимым. Южноафриканцы рассматривают российские инициативы в качестве альтернативы западному и китайскому влиянию на местную экономику. Образ России как продолжательницы традиций солидарности с народами Африки, последовательной противницы колониализма и неоколониализма привлекателен для южноафриканцев разных политических убеждений. И этот образ целесообразно культивировать.

Хотя неудачи и скандалы не дискредитировали в ЮАР торгово-экономическое взаимодействие с нашей страной, южноафриканскую общественность настораживают крупные межгосударственные проекты. Вряд ли практически обвинять южноафриканских скептиков в «руссофобии» и развязывании «антироссийских» кампаний⁸ (см., например: [31]).

Посол ЮАР в России, защитивший кандидатскую диссертацию в Советском Союзе, так охарактеризовал роль журналистов в южноафриканском обществе: «У нас очень сильные СМИ, и обычно они недоброжелательно настроены по отношению к правительству, но иногда и к крупному бизнесу. В большинстве своем СМИ выражают негативную точку зрения, но это имеет положительный результат. Например, СМИ активно следят за ситуацией с коррупцией в стране» [11, с. 163].

При работе с южноафриканскими СМИ и лидерами общественного мнения, скептически настроенными по отношению к российским экономическим инициативам, имеет смысл, прежде всего, разъяснять объективные преимущества российских предложений, указывать на их экономическую выгоду и сравнительную доступность.

Российское присутствие в ЮАР минимально. Южноафриканцы обычно знают Россию и россиян лишь понаслышке, что способствует формированию и поддержанию стереотипов. У жителей ЮАР мало возможностей общаться с россиянами или получать информацию о нашей стране из первых рук. Тем не менее,

⁶ MMM scheme is “playing Russian roulette with your money”. *Saturday Star*. 2016, 23 April, p. 5.

⁷ Manganese Matters: A metal of consequence for women and communities in South Africa affected by mining and the global energy transition. Amsterdam: Action Aid Netherlands; The Centre for Research on Multinational Corporations (SOMO), 2021. P. 26.

⁸ См., например: Arefiev A. 2020. “Secret nuclear deal” article was part of a Western smear campaign. <https://dailymaverick.co.za/article/2020-02-14-secret-nuclear-deal-article-was-part-of-a-western-smear-campaign>

опыт частных российских компаний показывает, что эффективное сотрудничество с Южной Африкой возможно, если россияне готовы работать там долго и планомерно, адаптироваться к местным условиям и учитывать серьезную конкуренцию, в т.ч. со стороны западных и китайских фирм.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сугаков Г.К. Сравнительная оценка инвестиционной привлекательности стран Африки для российского капитала. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2019, № 4 (49), с. 118-126. DOI: 10.31132/2412-5717-2019-49-4-118-126
2. Maryam J., Bandy U.J., Mittal A. Trade intensity and revealed comparative advantage: an analysis of Intra-BRICS trade. *International Journal of Emerging Markets*. 2018, Vol. 13, № 5, pp. 1182-1195. DOI: 10.1108/IJoEM-09-2017-0365
3. Давидсон А., Филатова И. Россия и Южная Африка: три века связей. М.: Высшая школа экономики, 2010.
4. Абрамова И., Фитуни Л. Новая стратегия России на африканском направлении. *Мировая экономика и международные отношения*. 2019, № 12, с. 90-100. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-12-90-100
5. Садовская Л.М. Коммуникации в системе политической культуры (взаимодействие элиты и масс, информированность африканцев). *Африка: особенности политической культуры. Ученые записки Института Африки РАН*. Вып. 12. М.: ИАФР РАН, 1999. С. 130-142.
6. Шубин В. Россия и Южная Африка: воображение и действительность. *Неприкосновенный запас*. 2020, № 132 (4), с. 304-317.
7. Garmashova I. South African perceptions of Russians: A personified portrait. *Language Matters*. 2001, vol. 32, no. 1, pp. 79-95. DOI: 10.1080/10228190108566173
8. Архангельская А.А., Филатова И.И., Шубин Г.В. Что думают о нас южноафриканцы? *Россия-Африка: новые ориентиры взаимоотношений*. М.: ИАФР РАН, 2010, с. 134-148.
9. Георги Д.Г., Георги Ф.В., Маслов А.А. и др. Отношение населения и элиты африканских стран к ведущим мировым державам (Россия, США, Китай). М.: МГИМО-Университет, 2011.
10. Бондаренко Д.М. Двуглавый орел на красном фоне: «советское наследие» в образе России в сознании африканцев. *Россия-Африка: новые ориентиры взаимоотношений*. М.: ИАФР РАН, 2010, с. 66-108.
11. Горелик Б.М. На темной стороне Земли. Российские женщины в Южной Африке. *Африка. Гендерное измерение. Серия «Гендерные исследования»*. Т. 12. М.: ИАФР РАН, 2010.
12. Горелик Б.М. Российская иммиграция в Южную Африку: вчера и сегодня. М.: ИАФР РАН, 2007.
13. Банщикова А.А. Образ России в Нигерии и Танзании: источники информации и некоторые аспекты восприятия. *Африканцы и россияне на перекрестках истории*. М.: ИАФР РАН, 2010, с. 216-222.
14. Halsall T., Wassermann J. 2018. A comparative investigation into the representation of Russia in apartheid and post-apartheid era South African History textbooks. *Yesterday and Today*. Vol. 19, July. DOI: 10.17159/2223-0386/2018/n18a4
15. Olivier G. 2021. How the country can succeed in its bid to be re-embraced by the world. *Business Day*. 13 January, p. 7.
16. Qobo M. 2010. Russia is an important country for SA to grow relations with. *The Sunday Independent*. 8 August.
17. Sidiropoulos E, Alden C. Inside the Russia-Africa Matryoshka: Summitry, Geopolitics and Resources. A Working Paper, October 2019. Pretoria: South African Institute of International Relations, 2019.
18. Hendricks C., Majazi N. 2021. South Africa's international relations: A new dawn? *Journal of Asian and African Studies*. Vol. 56, № 1, pp. 64-78. DOI: 10.1177/0021909620946851
19. Qobo M, Dube M. 2015. South Africa's foreign economic strategies in a changing global system. *South African Journal of International Affairs*. Vol. 22, № 2, pp. 145-164. DOI: 10.1080/10220461.2015.1054304
20. Callaghan N., Kachur D., Swilling M. 2020. China and Russia in Africa: Development allies or geopolitical opportunists? <https://www.dailymaverick.co.za/article/2020-08-05-china-and-russia-in-africa-development-allies-or-geopolitical-opportunists/> (accessed 02.06.2021)
21. Allison S. 2019. Russia in Africa: Soft power comes with hard edges. *Mail & Guardian*. 24 October.
22. Faull L. 2015. Exposed: Scary details of SA's secret Russian nuke deal. *Mail & Guardian*. 13 February.
23. Schoeman A. 2017. DA vra vrae oor Russe se kontrak. *Rapport*. 17 September, p. 8.
24. Williams M. 2018. Zuma's Russian roulette. *The Citizen*. 14 February.
25. Wa Afrika M., Jika T. 2017. Zuma's pals in R5bn gas deal. *Sunday Times*. 17 September, pp. 2-6.
26. Leon T. Fools are Russian in. *The Times* (Johannesburg). 2017, 6 September.
27. Haffajee F. 2020. Malema goes nuclear on Eskom's future. <https://www.dailymaverick.co.za/article/2020-03-01-malema-goes-nuclear-on-eskoms-future> (accessed 15.06.2021).
28. Khumalo A. 2016. Highveld Steel saga draws to a sorry close. *Sunday Times*. 21 February, p. 56.
29. Pressly D. 2010. ANC link to Russian mining venture emerges. *The Star*. 19 April.
30. Rademeyer J., Maker J. 2006. Exposed: New taxis are death traps. *Sunday Times*. 17 September, p. 1.

REFERENCES

1. Sugakov G.K. 2019. Comparative Assessment of Investment Attractiveness of African Countries for Russian Capital. *Journal of the Institute for African Studies*. № 4. Moscow. (In Russ.). DOI: 10.31132/2412-5717-2019-49-4-118-126
2. Maryam J., Bandy U.J., Mittal A. Trade intensity and revealed comparative advantage: an analysis of Intra-BRICS trade. *International Journal of Emerging Markets*. 2018, Vol. 13, № 5, pp. 1182-1195. DOI: 10.1108/IJoEM-09-2017-0365
3. Davidson A., Filatova I. 2010. Russia and South Africa: Three Centuries of Contacts. Moscow. (In Russ.)
4. Abramova I., Fituni L. 2019. Russia's new strategy in the African direction. *World Economy and International Relations*. Vol. 63, № 12 (In Russ.). DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-12-90-100

5. Sadovskaya L.M. 1999. Communications within the system of political culture (the interaction of the elite and the masses, the Africans' access to information). *Africa: Patterns of Political Culture. Journal of the Institute for African Studies*. Iss. 12. Moscow. (In Russ.)
6. Shubin V. 2020. Russia and South Africa: imagination and reality. *Emergency Supply*. № 132 (In Russ.)
7. Garmashova I. South African perceptions of Russians: A personified portrait. *Language Matters*. 2001, vol. 32, no. 1, pp. 79-95. DOI: 10.1080/10228190108566173
8. Arkhangelskaya A.A., Filatova I.I., Shubin G.V. 2010. What do South Africans think of us? *Russia-Africa: New Goals for Our Relations*. Moscow. (In Russ.)
9. Gerogi D.G., Georgi F.V., Maslov A.A. et al. 2010. The Attitude of the Peoples and the Elites of African Countries to the Leading World Powers (Russia, USA, China). Moscow. (In Russ.)
10. Bondarenko D.M. 2010. The double-headed eagle on a red background: "The Soviet legacy" in Russia's image in the consciousness of Africans. *Russia-Africa: New Goals for Our Relations*. Moscow. (In Russ.)
11. Gorelik B.M. 2010. On the dark side of the Earth. Russian women in South Africa. *Africa. A Gender Dimension. Gender Studies Series*. Vol. 12. Moscow. (In Russ.)
12. Gorelik B.M. 2007. Russian Immigration to South Africa: The Past and the Present. Moscow.
13. Banshchikova A.A. 2010. Russia's image in Nigeria and Tanzania: information sources and aspects of perception. *Africans and Russians at the Crossroads of History*. Moscow. (In Russ.)
14. Halsall T., Wassermann J. 2018. A comparative investigation into the representation of Russia in apartheid and post-apartheid era South African History textbooks. *Yesterday and Today*. Vol. 19, July. DOI: 10.17159/2223-0386/2018/n18a4
15. Olivier G. 2021. How the country can succeed in its bid to be re-embraced by the world. *Business Day*. 13 January, p. 7.
16. Qobo M. 2010. Russia is an important country for SA to grow relations with. *The Sunday Independent*. 8 August.
17. Sidiropoulos E, Alden C. Inside the Russia-Africa Matryoshka: Summitry, Geopolitics and Resources. A Working Paper, October 2019. Pretoria: South African Institute of International Relations, 2019.
18. Hendricks C., Majozi N. 2021. South Africa's international relations: A new dawn? *Journal of Asian and African Studies*. Vol. 56, № 1, pp. 64-78. DOI: 10.1177/0021909620946851
19. Qobo M., Dube M. 2015. South Africa's foreign economic strategies in a changing global system. *South African Journal of International Affairs*. Vol. 22, № 2, pp. 145-164. DOI: 10.1080/10220461.2015.1054304
20. Callaghan N., Kachur D., Swilling M. 2020. China and Russia in Africa: Development allies or geopolitical opportunists? <https://www.dailymaverick.co.za/article/2020-08-05-china-and-russia-in-africa-development-allies-or-geopolitical-opportunists/> (accessed 02.06.2021)
21. Allison S. 2019. Russia in Africa: Soft power comes with hard edges. *Mail & Guardian*. 24 October.
22. Faull L. 2015. Exposed: Scary details of SA's secret Russian nuke deal. *Mail & Guardian*. 13 February.
23. Schoeman A. 2017. DA vra vrae oor Russe se kontrak. *Rapport*. 17 September, p. 8.
24. Williams M. 2018. Zuma's Russian roulette. *The Citizen*. 14 February.
25. Wa Afrika M., Jika T. 2017. Zuma's pals in R5bn gas deal. *Sunday Times*. 17 September, pp. 2-6.
26. Leon T. Fools are Russian in. *The Times* (Johannesburg). 2017, 6 September.
27. Haffajee F. 2020. Malema goes nuclear on Eskom's future. <https://www.dailymaverick.co.za/article/2020-03-01-malema-goes-nuclear-on-eskoms-future> (accessed 15.06.2021).
28. Khumalo A. 2016. Highveld Steel saga draws to a sorry close. *Sunday Times*. 21 February, p. 56.
29. Pressly D. 2010. ANC link to Russian mining venture emerges. *The Star*. 19 April.
30. Rademeyer J., Maker J. 2006. Exposed: New taxis are death traps. *Sunday Times*. 17 September, p. 1.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Горелик Борис Моисеевич, кандидат исторических наук, ст.н.с. Центра исследований Юга Африки, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Boris M. Gorelik, PhD (History), Senior Researcher, Centre for Southern African Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию (Received)
16.07.2021

Доработана после рецензирования (Revised)
20.08.2021

Принята к публикации (Accepted)
15.10.2021

Identity politics in Korea-Japan trade dispute and its implications for the international trading system

© Irina A. Korgun^a, 2021

^a Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
HSE University, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0002-1496-4375; irinakorgun@yandex.ru

Abstract. This paper aims to analyse a trade dispute between Republic of Korea and Japan that started in summer of 2019. The dispute between two neighbours and allies may have wider international implications: currently, this dispute is being considered by the WTO and decision on it could impact how similar disputes are treated in future.

This research seeks to identify deeper mechanisms in development of the trade conflict and are rooted in events happened almost a century ago. The paper approaches the dispute from Korea's perspective. Careful examination of layers of the conflict and a chain of events that preceded and followed it reveals a complex interplay of interests between various social and political groups in Korea. A catalysing role of identity politics in dispute development and subsequent internationalisation is discussed. It is argued that complex interplay of interests in Korean politics had created a venue for subnational players to exert influence on their own government and the regional balance and on how the dispute with Japan is treated.

The paper contributes to studies of international actions (political and economic) based on identity that makes societies prefer repudiation of former injustices over immediate economic benefits and how such actions impact international trade. Research confirms that the hyper-interconnected nature of the world creates ways for identity movements to expand into the area of international trade policy. The paper also draws attention to the fact that such disputes undermine existing principles of the international trading system which currently does not have adequate tools for their resolution. Reduction of risks associated with similar disputes is in the interests of the international community and should base on blended solutions that incorporate institutional, political, and judicial elements.

Keywords: trade dispute, Republic of Korea, Japan, identity politics, WTO, export restrictions

Acknowledgement. This research was supported by the 2020 Korean Studies Grant Program of the Academy of Korean Studies (AKS-2020-R89).

For citation: Korgun I.A. Identity politics in Korea-Japan trade dispute and its implications for the international trading system. *Aziya i Afrika segodnya*. 2021. № 11. Pp. 31-38. DOI: 10.31857/S032150750017409-1

Торговый спор между Республикой Корея и Японией: политика идентичности и возможные последствия для международной торговой системы

© Коргун И.А.^a, 2021

^a Институт экономики РАН, Москва, Россия
НИУ ВШЭ, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0002-1496-4375; irinakorgun@yandex.ru

Резюме. В статье анализируется торговый спор между Республикой Корея и Японией, который рассматривается в ВТО как спор *DS 590*: «Япония. Меры, связанные с экспортом продуктов и технологий в Корею». Автор отмечает, что политика идентичности, которая наблюдается в корейском обществе в связи с политизацией исторического прошлого, способствовала обострению давнего конфликта, его перетеканию из социально-политической сферы в экономическую.

Исследование обращает внимание на отсутствие международных механизмов для разрешения подобных споров, в т.ч. внутри ВТО. Это может подорвать действующие принципы международной торговой системы. Чтобы снизить риски, связанные с подобными спорами, международному сообществу необходимы механизмы их разрешения, включающие институциональные, политические и юридические элементы.

Ключевые слова: торговый спор, Республика Корея, Япония, политика идентичности, ВТО, экспортные ограничения

Для цитирования: Korgun I.A. Identity politics in Korea-Japan trade dispute and its implications for the international trading system. *Aziya i Afrika segodnya*. 2021. № 11. С. 31-38. DOI: 10.31857/S032150750017409-1

INTRODUCTION

Current international environment is characterised by intensified geopolitical and economic rivalries. The US-China trade war is perhaps the most obvious case of tensions but aside from it, there are many other conflict situations which are smaller in scale but nonetheless are important for regional and international economy. Understand-

ing how such conflicts shape, evolve and spill over to the international level threatening stability and resilience of global trade and economic order is important for creating protective mechanisms against risks associated with them.

This paper takes a closer look at a recent trade dispute between Republic of Korea (further Korea or South Korea) and Japan that started in summer 2019 and currently is pending in the WTO Dispute Settlement Body as dispute *DS 590*. The paper approaches analysis of the dispute from Korea's perspective and identifies a catalysing role of identity politics in its development and subsequent internationalisation. By doing so, the paper contributes to studies of international 'political action based on collective identity' [1] and how they come to impact international trade. Research further expands this idea suggesting that the hyper-interconnected nature of the world creates ways for identity movements to expand to the area of international trade policy. The paper discusses certain implications that this dispute has for the global trading system represented by the WTO.

Research uses an interdisciplinary approach bringing in ideas from economics, international relations, and social science. It relies on general methods of science like induction, deduction and thought experiment. Obtained results have significance for understanding the mechanics of conflict development (here 'conflict' is used in a narrow sense of international relations meaning disagreement between parties on some issue) and how identity politics can impact the process. The paper also presents complex relations between East Asian countries where heritage of Japanese colonialism and World War II continues to exert influence over politics despite deep interconnectedness of regional economies through trade and investment.

THEORETICAL WORKS ON IDENTITY POLITICS

Mobilizing identities of various kinds have become a 'constituent part of contemporary global politics' [1] rendering life to a phenomena of identity politics. Today in a globalized and hyper-connected world, identity politics has become a marker of activity aimed at bringing people in groups around shared needs, values or interests. These identity groups believe that they possess valuable resources for social change [2]. Because of this belief, identity groups are instrumentalized to achieve broader political goals both domestically and internationally. Referring to the situation in the US, a noted political science scholar Francis Fukuyama noted that influence of identity politics over domestic policy was becoming bigger and bigger, particularly in the 21st century [3]. Some scholars suggest that this influence could be even more significant and can lead to a global 'clash of peoples' as a result [4].

There is no strict criterion that makes a political movement into an example of 'identity politics'. Rather, the term signifies a loose collection of political projects, each undertaken by representatives of groups that hitherto been neglected, erased, or suppressed¹. Identity politics relies on an idea, that there is something like a "shared identity" amongst people in a particular group. But also, in identity politics movements' *identity* demands recognition and respect for oneself as different [5]. According to W.Connolly (a political theorist known for his work on democracy, pluralism), capitalism, 'an identity is established in relation to a series of differences that have become socially recognized' [6]. The "identity" of identity politics is closely linked to the experience within 'social structures that generate injustice', and the possibility of a shared repudiation for the past. The latter serves as 'mobilising single axis' for activist in identity politics movement [7].

The scope of political movements that may be described as identity politics is broad: the examples used in the philosophical literature are predominantly of struggles for recognition and social justice by groups of citizens within western capitalist democracies, but indigenous rights movements worldwide, nationalist projects, or demands for regional self-determination use similar arguments. Identity politics, according to A.Taiiaki (a professor in Indigenous governance and political science from Canada), appeals to a time before oppression, or a culture or way of life damaged by colonialism, imperialism, or even genocide [8].

So, based on what theory offers identity politics includes several essential features which are a (1) group of people, (2) mobilized around an idea that (3) they are different due to their experiences within society that (4) can be characterised as neglect or suppressed or unjust and (5) seeking for recognition of their rights within a country's policy landscape.

An important thing to note is that identity-based politics can only be conceptualised within a liberal-capitalist logic [9]. Institutionalized liberal democracy is a necessary condition of a possibility for contemporary identity politics. Under liberal democratic order, "identities are the locus and nodal point by which political structures are played out, mobilized, reinforced, and sometimes challenged" [10]. Globalisation has intensified identity politics. Hyper-connectivity of the world [11] makes political landscape increasingly porous, so it lets various social movements seek their identification by demanding change in policies.

Globalization aided identity politics movements 'by providing accessible media and activist platforms as well as intergovernmental support through which they can amplify their claims', write experts on identity movements

¹ Stanford Encyclopaedia of Philosophy. 2020. Identity politics. <https://plato.stanford.edu/entries/identity-politics/> (accessed 25.02.2021)

M.Thiel (Florida International University) and R.Coate (UofSC) [1, p. 11]. These claims may have underlining economic motives but in certain cases psychological aspects are more prevalent. In one of the recent research papers by the famous economists G.Grossman (Princeton University) and E.Helpman (Harvard University) showed that when it comes to support for policies, identity politics can lead public to prefer policies that do not bring them immediate economic gains [12]. Scholars T.Besley (London School of Economics) and T.Persson (Stockholm University) specify further that social identity choices like psychological feelings of association with a group, community, and understanding that a group may benefit collectively can lead public to support policies that do not bring immediate material benefits [13]. The aspects of identity groups discussed above are relevant for the Korea-Japan trade dispute. Shared feelings about the historic past mobilised Korean society around social movements for the rights of the victims of Japanese colonisations. This shared sentiment made Korean public to support policies that increased rather than dissolved tensions between the two countries notwithstanding economic losses.

THE KOREA-JAPAN TRADE DISPUTE

The trade dispute between Korea and Japan formally started on July 1, 2019 when Japan announced restrictions on export to South Korea of three chemical components essential for productions of electronic chips and LED displays - hydrogen fluoride gas, fluorinated polyamide, and photoresists. Japan is one of the largest world producers of these three chemicals and Korean firms - Samsung Electronics and SK Hynix, leading producers of electronic - are its major customers. Dependence on Japanese supplies of these products ranges from 40% to 95% (see *Table*) meaning that switching to alternative suppliers is not easy. As *table* shows, in case of photoresists and fluorinated polyamide there is in fact little alternative to Japanese supplies.

Table. Korea's sources of photoresists, fluorinated polyamide, hydrogen fluoride gas, 1000 USD

Indicators	Photoresists	Fluorinated polyamide	Hydrogen fluoride gas
Import value from Japan	298,891	19,726	66,587
Share of Japan in total import (%)	93.2	84.5	41.9
Total import value	320,692	23,336	159,512
Korea's major suppliers	Japan: 298,891	Japan: 19,726	China: 82,974
	US: 18,508	Taiwan: 1,719	Japan: 66,857
	Belgium: 2,639	Malaysia: 996	Taiwan: 9,062
	China: 573	China: 662	US: 532

Constructed by author.

Source: Korea International Trade Association. www.kita.net (accessed 10.03.2021)

On August 2, 2019 Japan excluded Korea from the 'whitelist' of 27 trusted trade partners. This particular measure meant that export of a wider range of 'strategic items' - 1,115 parts and components in total - needed approval if they were to be exported to South Korea. For justification of these measures, Japanese government has brought up a security concern pointing out that there is a possibility that listed products, which are of dual use, could have fallen into the hands of North Koreans and can be used for military purposes [14].

Japan's decision was condemned by Seoul as these restrictions created uncertainties for big corporations like Samsung and SK Hynix, Korea's electronic industry and the Korean economy overall. Uncertainties could have had a further ripple effect in regional supply chains and affected businesses and consumers in different parts of the world. In retaliation, Seoul removed Japan from its own 'whitelist' on August 12, 2019, effective as of September 18, 2019.

As a part of its efforts to overhaul Japan's restrictions, Seoul brought a case against to the WTO Appellate body where it is pending as dispute DS590: Japan — Measures Related to the Exportation of Products and Technology to Korea. Initially, other WTO members were reluctant to deal with the case considering it to be a bilateral matter. The security concern proposed by Japan in explanation of its actions was another factor why there was reluctance to deal with the matter in the WTO. Article XXI of the General Agreement on Tariffs and Trade (GATT) acknowledges "security exceptions" that countries may have, and its rather difficult to argue against it. But in the end Korean delegation managed to set up a WTO panel on June 29, 2020, and several members joined as 3rd party observers.

The nature of the interests from third parties is partially related to the fact that there have been recently two disputes involving the national security exception in Article XXI of the GATT. The Appellate Body in WTO has ruled in favour of Russia in its dispute with Ukraine 2019 and Saudi Arabia in 2020 in its dispute with Qatar, both countries used the national security exception like Japan. Rarely used since GATT inception in 1947, two rulings that upheld Article XXI over a span of just two year draws particular attention to Korea-Japan dispute. In certain sense,

the decision on it will be fateful for the future considerations of similar disputes.² But even more importantly, the dispute may influence decisions by other WTO members on high-technologies that fall into the category of dual-use functions.

IDENTITY POLITICS IN KOREA-JAPAN DISPUTE

Korea and Japan, both strategic allies to the US, have an unresolved historical issue that periodically puts strain on bilateral relations. The issue concerns the rights of forced labour and 'comfort women'³, who suffered suppression and abuse during the Japanese colonial rule. After Korea's transition to democracy in 1990's, these women, their relatives and human right lowyers have mobilized into a movement around an idea to demand official apology and seek settlement from Japanese government. So, one can observe distinct elements of identity movement and political context necessary for its development in Korea mentioned in the theoretical part of this paper.

In 1965 Korea and Japan signed the normalisation treaty of 1965 that supposedly settled colonial legacy claims with a monetary settlement [16]. Under this agreement, Japan paid retributions of \$300 million (equivalent to \$2.4 billion as of summer 2019). Another \$200 millions were received in loans and additional \$300 millions in loans were given for a private trust [17]. Upon its signing, Japan 'enacted Law 44 that nullified right of requests from Korean individuals' [Ibid.].

But Korean side has a different approach to the past settlement. Members of the movement claim that the 1965 treaty concerned only official and neglected individual parties. Therefore, they have the right to seek compensation from the Japanese government for oppression they experienced in the past.

In 2000's the 'comfort women' question started to gain more weight in South Korean political landscape. In 2011 civil rights groups began bringing cases to Korean courts against big Japanese companies like Mitsubishi and Nippon asking them to compensate the victims and their families for past humiliations. After long litigation the matter had been decided in 2018 by Korea's Supreme Court which ruled that Nippon steel Mitsubishi Heavy Industries had to compensate South Korean survivors of forced laborers with about \$89,000 each [18; 26]⁴.

In essence, the amount of compensation \$89,000 awarded by the court is not very significant but it is the legal aspect of the issue that matters for the Japanese side. For Japan, the normalization treaty meant that it had repaid for its colonial legacy. In addition, it made two other attempts in 1994 and 2015 to settle down the 'comfort women' issue. But Seoul rejected both the Asian Women Fund initiative in 1994 and Japanese donation of 10 billion yen, or \$8.3 mln, to an association of women - victims of colonial period in 2015 [19]. So, for the Japanese government continuing civil groups' claims and the ruling of Supreme Court undermined foundations of trustful relationship set in the 1965 agreement. So, it decided to remove certain economic preferences that Korea enjoyed as a result of the normalization treaty including shipping of strategic materials to Korea that were changed from special to normal ones applied to other countries.

Korea has a different perspective on the issue of apology and donations. The 'comfort women' movement claims that failure of the Japanese government to recognize that women were forced into labor make Japanese intentions, including an official apology made in 2015, only an official act that does not come from the heart. They demand a 'sincere apology' and 'victim-oriented approach'. So, the difference in how two sides view the essence of the conflict (legal vs emotional) becomes a considerable strain and complicate the dispute resolution.

Certain facts suggest that the decision to go ahead with the claims was not done solely by the Korean activists. Considering that this dispute is now unfolding at the international level, Korean government has a large amount of bargaining power to persuade the public in the necessity of acceptance or rejection of an apology and donations. In this context, a position of Korea's president Mun Jae In is important for understanding the dynamics of the dispute.

Borrowing from Putnam, a scholar who did one of the pioneering studies on two-level games, Mun Jae In can be considered a principal negotiator in conflict with Japan. The principal-agent theory suggest that the principal negotiator is not serving as a mere formal link between international and domestic levels [20]. He has his own consideration and preferences that he tries to address. There are three motives that could theoretically influence him - enhancing his standing, shifting the balance of power, and pursuing his concepts of national interest. Thus, Korean president's choices in dealing with the social movement and its claims in order to achieve his objectives could have influenced the course of the dispute.

Mun Jae In has built his career as a human and labor rights lawyer. He worked closely with previous President Rho Mu Huyn, another prominent and popular civil rights person in Korea's history, so he needed to match up to

² Generally speaking, 'states would like to be free to evade their trade obligations by defining the measures deemed necessary to defend national security interests' [15].

³ Effectively 'comfort women' were forced into sexual slavery at the military units in Korea and Manchuria. The war time legacy had an important influence on the national identity [29].

⁴ A dozen other cases involving 70 Japanese companies - including Toshiba, Panasonic and Nissan - are still pending in lower courts.

the image with his actions [21]. This could led Mun’s government to decide in favor of a more aggressive tone in the matter of historic past. It was Mun’s decision to re-consider a settlement with Japan proposed by the previous government of Park Geun Hye. He decided to return the funds that Abe government donated in 2015⁵.

Two other Mun Jae In’s initiatives that contributed to building tensions in relations with Japan were to invite an activist Lee Yong-soo, a representative of the ‘comfort women’ rights movement, to meet the U.S. President Donald Trump and to add an annual Memorial Day for Japanese Forces’ Comfort Women Victims to the country’s calendar. So, as a Harvard scholar Pandey writes ‘Japanese reparations have become increasingly politicized in South Korea’ [19, p. 17]. The general atmosphere that preceded a trade conflict with Japan was not conducive for a constructive dialogue on disagreements. Instead, it encouraged bitter feelings about colonial past.

Politicization reached its peak when after Japan announced its trade restrictions Korean unions started to boycott popular Japanese clothing brands like UNIQLO and MUJI, Japanese beer and Japanese premium automakers - Lexus and Honda. These companies saw a sharp decrease in sales. For example, sales of Toyota cars decreased 36.7% for 2019, while Nissan experienced a drop of 39.7%. One of the strongest negative effects from the boycott campaign took place in the tourism sector.

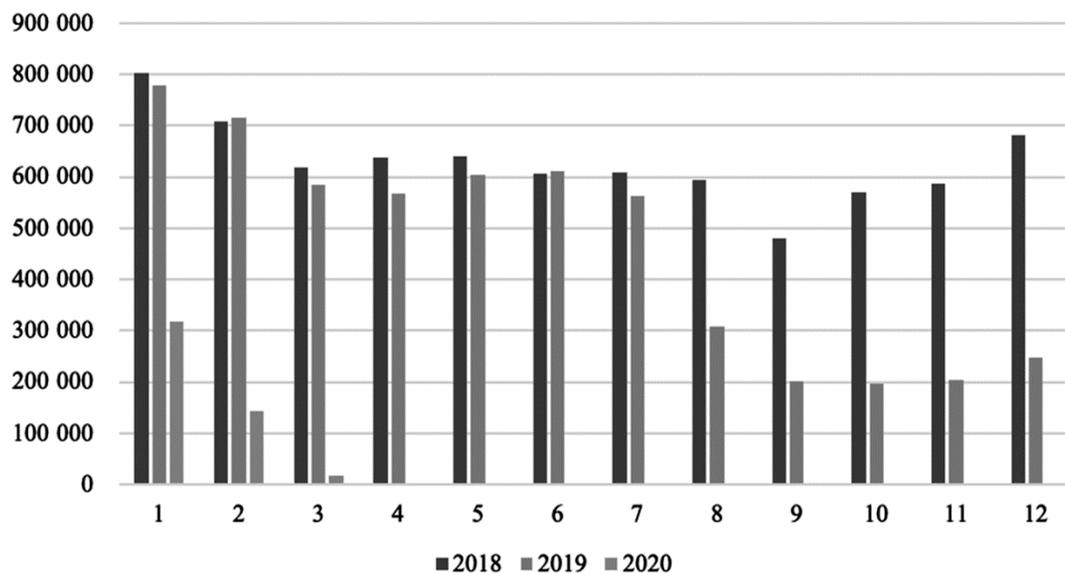

Figure 1. Number of Korean visitors to Japan by month, 2019-2020. Created by author.
Source: Korea Statistical Service. <https://kosis.kr/> (accessed 05.04.2021)

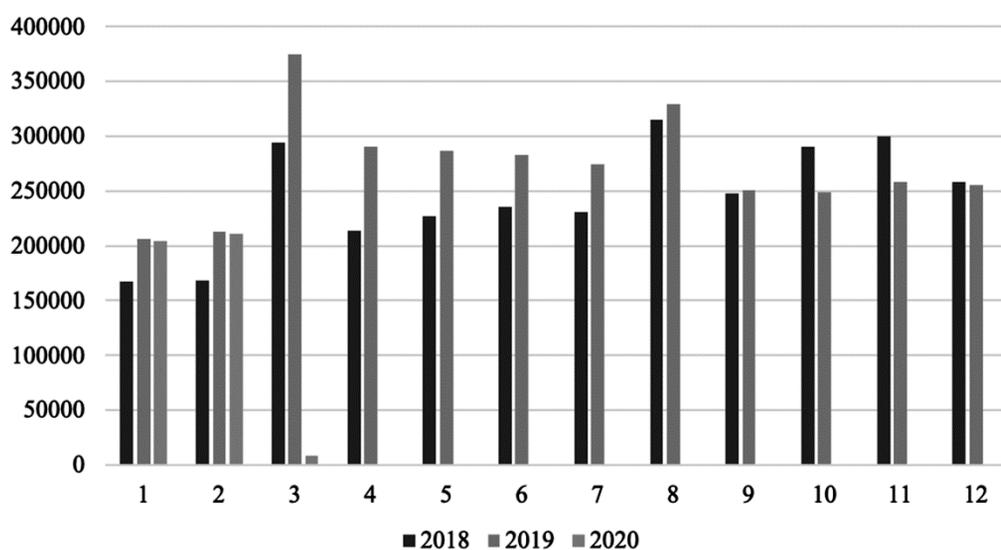

Figure 2. Number of Japanese visitors to Korea by month, 2019-2020. Created by author.
Source: Korea Statistical Service. <https://kosis.kr/> (accessed 05.04.2021)

⁵ South Korea will not renegotiate 'comfort women' deal with Japan. *Financial Times*. 2018, January 8. <https://www.ft.com/content/3e21906e-f50e-11e7-88f7-5465a6ce1a00> (accessed 27.03.2021)

Number of Koreans visiting Japan fell by 7.61% in July and 48% in August compared with the previous year and remained low through the end of 2019 to the early 2020 before the COVID-19 pandemic started (see *Figure 1*). Because the decrease was very sharp, supposedly, some regional economies in Japan that were receiving large numbers of Korean tourists did not have time to adjust. For example, Kyushu, where Koreans made up almost 50% of all foreign tourists, and Okinawa had to deal with massive cancellations of flights and hotel bookings. The number of Japanese tourists in Korea was little affected by the dispute: number of incoming Japanese tourists in the second half of 2019 was similar to the previous years (see *Figure 2*).

Politicization played in the interests of the president's party that was seeking re-election. In spring 2019 before the conflict started in July, Mun Jae In's approval rating fell as low as 30% and he needed to be more proactive in order to divert public attention and let his party win Parliamentary elections in 2020. Effectively, president's resolute actions against Japan brought him more political weight in public's eyes. 73% of the population supported government's action in what they consider an unresolved historical dispute [22]. Supposedly, it contributed to success of the ruling party in Parliamentary elections: Mun's Democratic Party and DP's Platform party took 180 parliamentary seats out of 300 [23].

A factor that helped Mun's government and consolidated support from the public was that in Korea there is very little social disagreement about the Japanese colonial legacy. This meant that the government did not have to take into account expectation of various domestic stakeholders and 'to make and sell outcomes to international and domestic audiences' [24] like in other cases of identity politics. Social identity choices [14] that includes psychological feelings of association with a group, community, and understanding that a group may benefit collectively made public to prefer policies that did not bring them immediate material benefits. Even if relations between Korea and Japan are economically beneficial for Korea as a whole, Koreans chose to support historically disadvantaged groups because it would give a nation a sense of repudiation for the past misfortunes.

Another potential stakeholder, the US that could have reasoned both party into dialogue was not actively engaged under the Trump Administration because it perceived both Japan and Korea as 'security free-riders' [25]⁶. And neither Korea nor Japan were willing to see a deeper US involvement.

IMPLICATIONS OF KOREA-JAPAN TRADE DISPUTE FOR THE INTERNATIONAL TRADING SYSTEM

Korea-Japan dispute might sound like a rather narrow and regionally confined subject, but it is a subject with a global relevance. It sheds light on yet another aspect in which identity politics and broader - nationalism - can spread into trade policy of countries and make them act aggressively even if they are known as moderates in their trade tactics. The Korea-Japan dispute is a reflection of what Heath [27] calls 'the increasing entanglement between national security policy and "ordinary" economic regulation'.

Examination of Korea-Japan trade conflict conducted in this paper is not full as it needs information on how the political process and a public discussion that accompanied unfolding of the 'comfort women' issue in Korea and subsequent Korea's court rulings developed in in Japan. But even with its limitations it reveals how a complex interplay of interests in Korean politics has created a venue for 'subnational players to exert influence on their own governments and the regional balance' [28]. Moreover, now considered by the WTO Dispute Settlement Body the case can become a precedent for future decisions.

There are several key points with regard to the global trading system that can be taken away from Korea-Japan trade dispute. First, the dispute shows fragility of the hyper-connected system characterized by high fragmentation in international production and trade. Actions of one of the participants of global value chains targeted even at a smaller part of a global production and distribution process can have a ripple effect on the international level. It did not happen in case of the Korea-Japan dispute but there is abundant evidence of associated risks from Covid-19 pandemic.

Second point comes out of the previous one. Interconnectedness of the world through trade and production links make it tempting to exploit inter-dependencies in order to influence decision-making process in non-economic areas or for reasons of competition. This represents a process of 'weaponization' of trade and demonstrates how 'our existing models for separating security measures from ordinary economic regulation' are being undermined [31].

Third point is a slightly narrow one: in the face of Korea-Japan dispute the WTO it has to deal with a matter that has a non-economic component instead of focusing on a task of trade facilitation and development. Such cases take long time to resolve, drain scarce human resources and time.

⁶ It is not yet clear what position the current Biden Administration will take on the matter. But it seems that the US Department of State has condemned actions of Japanese Imperial government as it considers 'the trafficking of women for sexual purposes by the Japanese military during World War II was an egregious violation of human rights' but is interested that parties work together towards a mutually acceptable solution. See: Japan's wartime sexual slavery 'egregious violation of human rights': US State Department. *The Korea Times*. 19.02.2021. https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2021/02/113_304285.html (accessed 04.03.2021)

In way, Korea-Japan trade dispute and other similar disputes tell a story of a triumph of national security concern over non-discrimination principle. Dissatisfaction with the past events or present state of things and perceived threats to a country's economic status may help explain the rise of identity politics and nationalism and their blend into trade practices. Korea-Japan case demonstrates how identity politics culminates into nationalism that can be seen in many countries today and how this nationalism further spills into international arena. If such practices are not regulated by the international trading system, its functioning will be inhibited in the future. Already at this stage deteriorating relations between the two countries had an impact on the process of election of the General Director of the WTO. A candidate from Korea Yuo Myung-hee struggled to obtain support from Japan in her bid despite her rich experience.

There is nothing with identity politics as such. But in the context of international trading system cultural and historic factors similar to the ones found in the case of Korea-Japan trade dispute may divert resources and attention away from serious thinking on how to resolve nascent issues of the trading system itself and improving its efficacy. The dispute under discussion reflects fragility of international trading system in the face of non-economic concerns and further confirms the need for new set of rules and safety valves to deal with similar emergencies.

CONCLUSION

From the viewpoint of dilemmas of collective action, two countries Korea and Japan would be much better off in the absence of the dispute or if the countries would have found a solution that would satisfy both parties. But so far this has not happened, and the matter that used to be an issue in bilateral relations has become a matter decided by a multilateral institution. The overarching question is this matter that involves national security argument on Japan's side and identity politics element on Korea's side can be effectively reconciled through international economic framework. Another part of the problem is whether existing international regulation inside WTO allows its judges to manage the case effectively.

From a regional perspective, East Asia has a number of unresolved historical matters and Korea-Japan is only one of those. The matter has been persisting for decades and one of the reasons why it had not been aggravated is supposedly, strategic alliance with the US that both countries have and that serves as a safety valve. But even this alliance cannot guarantee reconciliations. The full resolution of the colonial legacy can be hard to achieve in reality, and the issue may escalate depending on political climates in two countries. Because identity politics has become a global phenomenon international community needs instruments to address similar cases through blended mechanisms of institutional and judicial nature. Such mechanisms would provide needed balance between economic, political, social and even historic considerations when deciding on matters similar to the one presented in this paper. They will also create opportunities to spare the international trading system from unwanted risks and enhance resilience of its structures towards shocks.

In conclusion, it is worth mentioning that there is nothing wrong with the identity politics as such: it is neither positive nor negative, but obviously it is not neutral. And solutions that the international community seeks to address will influence world economic order and its ability to respond to challenges in the future.

REFERENCES

1. Thiel M., Coate R. 2010. Identity Politics and Political Identities: Local Expressions in a Globalizing World. *Identity politics in the age of globalization*, ed. by Roger Coate, Markus Thiel. First Forum Press, p. 207. ISBN: 978-1-935049-26-5
2. Preston P.W. (1997). Political/cultural identity: Citizens and nations in a global era. SAGE Publications Ltd. <https://www.doi.org/10.4135/9781446279335>
3. Fukuyama F. 2018. Identity. The Demand for Dignity and the Politics of Resentment. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2018, p. 91.
4. Muller J. Clash of People. *The New York Times*, 29.02.2008. <https://www.nytimes.com/2008/02/29/opinion/29iht-edmuller.html?smid=url-share> (accessed 25.02.2021)
5. Kruks S. 2001. Retrieving Experience: Subjectivity and Recognition in Feminist Politics, Ithaca, NY: Cornell University Press, p. 85.
6. Connolly W. (2002). Identity\Difference: Democratic Negotiations of Political Paradox. Minneapolis: University of Minnesota Press, p. 64.
7. Carastathis A. 2017. *Intersectionality: Origins, Contestations, Horizons, Lincoln*. NB: University of Nebraska Press.
8. Taiaiake A. 1999. Peace, Power, and Righteousness: An Indigenous Manifesto. Oxford: Oxford University Press.
9. Kumar A., Elliott-Cooper A., Iyer Sh., Gebrial D. 2018. An Introduction to the Special Issue on Identity Politics. *Historical Materialism*, 26(2): 3-20, pp. 5-6.
10. Martín Alcoff L.M., Hames-García S.P. Mohanty Moya P.M.L. 2006. Identity Politics Reconsidered. New York: Palgrave Macmillan, p. 7.
11. Rodrik D. 2011. The Future of Economic Convergence. *NBER Working Papers 17400*, National Bureau of Economic Research, Inc. https://www.nber.org/system/files/working_papers/w17400/w17400.pdf (accessed 07.05.2021)

12. Grossman G.M., Helpman E. 2020. Identity Politics and Trade Policy. *NBER Working Papers 25348*. National Bureau of Economic Research, Inc.
13. Besley T., Persson T. (2019, March 29). *The Rise of Identity Politics. Working Papers, LSE*. <https://www.lse.ac.uk/economics/Assets/Documents/personal-pages/tim-besley/working-papers/the-rise-of-identity-politics.pdf> (accessed 10.05.2021)
14. Hosokawa R., Sugihara J. (2019, July 25). Japan has cited weak South Korean oversight and cases of "inappropriate" exports to justify the tighter controls. *Asia Nikkei*. <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Japan-South-Korea-rift/Tokyo-and-Seoul-clash-at-WTO-as-third-countries-look-other-way> (accessed 07.05.2021)
15. Magi L. 2020. The effect of the WTO dispute settlement crisis on the development of case law on national security exceptions: A critical scenario. *QIL, Zoom-in 69*, pp. 29-47.
16. Johnson K. Why Are Japan and South Korea at Each Other's Throats? *Foreign Policy*. 15.07.2019. <https://foreignpolicy.com/2019/07/15/why-are-japan-and-south-korea-in-a-trade-fight-moon-abe-chips-wwii/> (accessed 15.06.2021)
17. Ishikida M.Y. 2005. Toward Peace: War Responsibility, Post-war Compensation, and Peace Movements and Education in Japan. *iUniverse*. 130 p. P. 21.
18. Choe S.H., Rich M. \$89,000 verdict is tearing Japan, South Korea apart. *The New York Times*. 13.02.2019. <https://nytimes.com/2019/02/13/world/asia/south-korea-slave-forced-labor-japan-world-war-two.html?module=inline> (accessed 15.06.2021)
19. Pandey I. 2019. Tigers on the prowl South Korea, Japan, and the Futility of Symbolic Disputes. *Harvard International Review*, May 1. <https://hir.harvard.edu/tigers-on-the-prowl/> (accessed 17.06.2021)
20. Putnam R. 1988. Diplomacy and Domestic Politics: The Logic of Two-Level Games. *International Organization*, 42(3), pp. 427-460.
21. Sotetsu R. Moon's anti-Japanese policy at the root of fractured relations. *Japan Times*, 28.08.2019. <https://www.japantimes.co.jp/news/2019/08/28/national/politics-diplomacy/moons-anti-japanese-policy-root-fractured-relations/> (accessed 07.05.2021)
22. Shin H.H., Smith J. South Korean political leaders vow to work together to resolve Japan dispute. *Reuters*. July 18, 2019. <https://www.reuters.com/article/us-southkorea-japan-laborers-moon/south-korean-political-leaders-vow-to-work-together-to-resolve-japan-dispute-idUSKCN1UD1HK> (accessed 27.03.2021)
23. Kim S.Y., Lee M.J. (3rd LD) Ruling party wins landslide in parliamentary elections amid pandemic. *YNA*, 16.04.2020. <https://en.yna.co.kr/view/AEN20200416004453315?section=national/politics#none> (accessed 20.04.2021)
24. Thompson W.R., Ganguly S. 2011. Asian Rivalries: Conflict, Escalation, and Limitations on Two-level Games. California: Stanford Security Studies. P. 195.
25. Kelly R. 2019. Interview. Cit. by William Gallo (2019, July 17). US Expands Mediating Role in South Korea-Japan Dispute. *VOA News*. <https://www.voanews.com/east-asia-pacific/us-expands-mediating-role-south-korea-japan-dispute> (accessed 06.03.2021)
26. Choe S.H., Rich M. \$89,000 verdict is tearing Japan, South Korea apart. *The New York Times*. 13.02.2019. <https://nytimes.com/2019/02/13/world/asia/south-korea-slave-forced-labor-japan-world-war-two.html?module=inline> (accessed: 17.06.2021)
27. Heath J.B. 2019. The New National Security Challenge to the Economic Order. *129 Yale Law Journal 1020*.
28. Aggarwal V.K., Lee S.J. (eds). 2010. Trade Policy in the Asia-Pacific: The Role of Ideas, Interests, and Domestic Institutions. *The Political Economy of the Asia Pacific*. New York: Springer.
29. Shin G.W., Sneider D. (eds). 2016. Divergent Memories: Opinion Leaders and the Asia-Pacific War. Stanford University Press, California, 376 p.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR / ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Коргун Ирина Александровна, кандидат экономических наук, ст.н.с., и.о. зав. Центра российской стратегии в Азии, Институт экономики РАН; доцент, Школа востоковедения НИУ ВШЭ, Москва, Россия.

Irina A. Korgun, PhD (World Economy), Senior Researcher, Acting Director, Center for the Russian Strategy in Asia, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences; Associate Professor, School of Asian Studies, HSE University, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию (Received)
19.09.2021

Доработана после рецензирования (Revised)
25.10.2021

Принята к публикации (Accepted)
10.11.2021

Ислам, исламизм и экстремизм

DOI: 10.31857/S032150750017391-2

Оригинальная статья / Original article

Сегментированный терроризм в зоне Сахары-Сахеля. Период первый: 2007-2015 гг. Часть 1

© Пономарев И.В.^а, 2021

^а Институт Африки РАН, Москва, Россия

ORCID ID: 0000-0002-8848-3750; ilia.ponomarev@gmail.com

Резюме. В статье рассматривается динамика взаимодействия и эволюции экстремистских группировок, тесно связанная с кланово-кастовыми структурами туарегов и сахарских арабов. В контексте борьбы с терроризмом проблема мисрепрезентации данных в научной литературе выходит на первый план, что показано на примере «Организации Аль-Каида в странах исламского Магриба». Фрагментация и устойчивость как этой, так и других вооруженных группировок, сложные траектории их расхождений и альянсов могут быть изучены только путем выявления причин их поддержки со стороны локальных элит и отдельных групп населения, внешних и внутренних источников финансирования.

Контртеррористическая проблематика крайне политизирована и требует особого внимания к методу исследования, концептуальным рамкам и простой достоверности фактов: для верификации данных используется системно-хронологический анализ контекста и метод триангуляции данных.

Стратегии выживания, к которым вынуждено прибегать население зоны Сахары-Сахеля, имеют мало общего с теоретическими построениями о «нексусе» между терроризмом и криминалитетом, ставшими столь популярными в последнее время. Характеристика экстремистских группировок как гибридных (криминально-террористических) затемняет ведущую роль в них наиболее последовательной части джихадистов, составляющих их системообразующий костяк. Даже после распада или отделения от головной группировки, они продолжают террористическую деятельность, формируя новые альянсы, за которыми стоит не только идеология или прагматизм, но и локальные кланово-кастовые структуры.

Выводы исследования актуальны для текущей политической конъюнктуры в Мали, Нигере и Буркина Фасо, а также прилегающих к ним областей Алжира и Мавритании.

Ключевые слова: методология, антитеррористическая проблематика, мисрепрезентация данных, кланово-кастовые структуры, контрабанда, туареги, сахарские арабы

Для цитирования: Пономарев И.В. Сегментированный терроризм в зоне Сахары-Сахеля. Период первый: 2007-2015 гг. *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 11. С. 39-45. DOI: 10.31857/S032150750017391-2

Segmented terrorism in the Sahara-Sahel zone. The first stage: 2007-2015. Part 1

© Ilia V. Ponomarev^а, 2021

^а Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ORCID ID: 0000-0002-8848-3750; ilia.ponomarev@gmail.com

Abstract. The article deals with complex dynamics of interaction and evolution of extremist groups in the context of clan-cast structures of Tuareg and sub-Saharan Arabs. The “war on terror” has long posed the problem of data misrepresentation in the studies of “Al-Qaeda in land of Islamic Maghreb”. Resilience and fragmentation of this and other terrorist organizations, the trajectory of their divisions and alliances can be only understood in the context of their connection with local elites, ethnic rivalries, reasons of youth recruitment, foreign and domestic resource generating practices. This context-sensitive approach is generally missing in the crime-terror nexus studies.

There is little or no ideology-free and reliable information in the field of counter-terrorism - every single fact demands verification. To this end, the research applies the methods of a triangulation of primary and secondary sources and a systematic chronological and contextual investigation of all the facts, events and personalities referred.

Contrary to the widespread wisdom, strategies of survival used by different actors in the Sahara-Sahel zone are incompatible with the crime-terror nexus models. The conceptual framing of terror-groups as hybrid, crime-terror enterprises, is misleading because it obscures the pivotal function of hard-core jihadists as a backbone of the whole structure. Parting with one extremist organization, they create another one or seek to establish new alliances to support their cause and terror activities. Not exclusively ideology or pragmatism constitutes the basis of these alliances, but as well local clan-cast structures.

The research is relevant for the current political situation in Mali, Niger, Burkina Faso, and adjusted regions of Algeria and Mauritania.

Keywords: methodology, war on terror, data misrepresentation, clan-cast structures, smuggling, Tuareg, sub-Saharan Arabs

For citation: Ponomarev I.V. Segmented terrorism in the Sahara-Sahel zone. The first stage: 2007-2015. Part 1. *Aziya i Afrika segodnya*. 2021. № 11. Pp. 39-45 (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750017391-2

ВВЕДЕНИЕ

На сегодняшний день в зоне Сахары-Сахеля (ЗСС) действуют самые различные вооруженные группировки - лишь некоторые из них признаны ООН и РФ террористическими. Однако этот термин стал настолько перегружен оценочными суждениями и политическим прагматизмом, что использовать его в научном исследовании необходимо в определенных концептуальных рамках: допустимо говорить о «террористических актах», но такие термины, как «наркотерроризм» и «*crime-terror nexus*» требуют проблематизации. В фокусе данной статьи три тесно связанные проблемы: взаимоотношения, структура и эволюция экстремистских группировок в ЗСС; их предполагаемая связь с «криминалитетом»; мисрепрезентация данных в эпоху информационного противостояния.

Так как многие вооруженные группировки в ЗСС берут начало или связаны с организацией «Аль-Каида в странах исламского Магриба» (общепринятый акроним - АКИМ; араб. - *Tandh im Al Qaeda fi Bilad Al Maghrib Al Islami*), литература, посвященная ей, преобладает как по количеству работ, так и по качеству их теоретического осмысления. Несмотря на раздававшиеся ранее призывы (см., напр.: [1]) расширить концептуальные рамки описания АКИМ, «необходимость выйти за рамки линейного или циклического понимания эволюции, претерпеваемой джихадистскими¹ группировками» [2, р. 1] остается актуальной.

Некоторые исследователи видят выход в том, что «намного более полезно анализировать то, как стратегия развития экстремистских группировок зависит от конкурирующих и фрагментированных политических элит, вовлечения маргинализованной молодежи, отделения вооруженных фракций или иностранной/региональной поддержки» [3, р. 505]. Но академическое осмысление терроризма в ЗСС продолжает страдать от подхода, подменяющего анализ контекста политизированным дискурсом о «несостоявшихся государствах», «вакууме власти» и «связи (нексусе) между терроризмом и криминалитетом».

В этой связи отмечается, что «стандартная неолиберальная *doxa*², приписывающая “неконтролируемым территориям” причины возникновения дестабилизирующих сил» [4, р. 252], не уделяет должного внимания ни специфике самих территорий, ни специфике этих сил. Исследования антропологов и историков свидетельствуют, что в зоне Сахары-Сахеля не существует «вакуума власти», т.к. функции контроля находились и находятся в руках локальных кланово-кастовых структур [5; 6]. Поэтому не стоит переоценивать даже роль неких новых «квазигосударственных образований» в регионе, выдвигаемых на первый план в оригинальной концепции немецких этнологов [7].

Учитывая рассмотренные методологические предпосылки, можно заключить, что необходимы определенное отстранение от дихотомических концептуальных рамок и контекстный подход [ср.: 8]. Хотя контекстному анализу экстремистских группировок в ЗСС посвящено немало обзоров, среди них лишь немногие опираются на высокие академические стандарты (см., напр.: [9; 10; 11; 12]).

Ряд ученых уже давно указывает на политику США как одну из ключевых причин разрушения мира и стабильности в регионе ЗСС [13; 14]. Наоборот, некоторые авторы, особенно афилированные с военными академиями и университетами США [15; 16], идут путем апологетики этой политики. Антрополог Дж.Кинан так характеризует происходящее: «Военная разведка и спецслужбы Алжира и США обрушили целый поток дезинформации на индустрию “экспертов по терроризму”, консервативных идеологов, академических и медиа обозревателей, общепринятой культурой которых является метод “вырезать и вставлять”, что превращает их в послушных исполнителей воли администрации, которая действует на основе принципов “контроля реальности” (по Оруэллу) и “то доказано, что много раз сказано”» [13, р. 42].

Методологически такого рода исследования строятся на схемах, заимствованных из ставшей модной последние десятилетия литературы о «нексусе» между терроризмом и криминалитетом (см., напр.: [17; 18])³, для которой как раз и характерно вставлять в отвлеченно-теоретическую парадигму примеры, вырванные из локального контекста. Более того, все эти работы, заключая от частного к общему, часто делают одну и ту же методологическую ошибку: вовлеченность отдельных представителей экстремистской организации в криминальную деятельность интерпретируется как свидетельство вовлеченности всей организации.

Рассмотренные методологические трудности проясняют некоторые историографические дилеммы. Так, одни ученые утверждают, что АКИМ предоставляет охрану и/или взимает пошлины с наркотрафика (см., напр.: [16; 17; 19]), а другие обоснованно подвергают это сомнению (см., напр.: [20; 21]). Как показывает ряд исследователей, вовлеченность АКИМ в неформальную политэкономию зоны Сахары-Сахеля намного сложнее плоских утверждений о «протекционном рэкете»: перераспределение ценных ресурсов в

¹ В статье синонимично используются термины «джихадисты» и «моджахеды» (араб. - *مجاهدون, مودجيدون*), происходящие от одного арабского глагола *джāхада* (جاهد), означающего «бороться», «отдавать все силы».

² От лат. *orthodoxa* - правоверная [установка].

³ Научная литература об АКИМ очень обширна, поэтому приводятся ссылки только на наиболее типичные для определенного историографического направления работы.

регионе осуществляется на основе таких реципрокных отношений, как кланово-кастовая протекция, конкордат (в том числе на уровне госвласти), дары уважения при пересечении чужой территории, взаимовыручка в тяжелых экологических условиях [1; 4; 22].

Частным случаем указанной дилеммы являются конфликтные мнения об известном алжирском моджахеде Мохтаре Бельмохтаре - одной из центральных фигур данной статьи: одни авторы описывают его как тесно связанного с наркотрафиком [12; 23; 24], другие же, лично его знавшие, опровергают это [25; 26]. Как сам М.Бельмохтар, так и другие лидеры АКИМ неизменно подчеркивали в интервью прессе свою твердую позицию в отношении запретного (*харам*) в исламе, чему есть подтверждения в независимых источниках⁴.

Цель предлагаемой статьи - выявить и обобщить наиболее достоверные факты, процесс верификации которых осуществлялся в 3 этапа:

I. Проработка исторического контекста и региональной политической экономики (см.: [27]).

II. Составление базы данных по современному региональному экстремизму, включающей как научные исследования различного уровня, так и публикации в англо- и франкоязычном интернете за 2007-2021 гг., среди которых многостраничные интервью, пресс-релизы и перехваченная переписка вооруженных группировок.

III. Каждый факт, приводимый в статье, системно сопоставлялся, как минимум, в 5-7 единицах базы данных.

Такой системно-хронологический метод позволил обработать большие объемы информации и выявить ложные историографические тренды. Учитывая перегруженность литературы и источников (особенно прессы) по изучаемой проблематике мифами, далее в основном приводятся ссылки на наиболее сбалансированные научные работы.

САХАРСКИЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ АКИМ

Хотя алжирская «Салафитская группа проповеди и вооруженной борьбы» (*Al-Jama'a As-Salafiyalil Da'awal Qital*) принесла клятву верности (*байа*) Усаме бен Ладену 11 сентября 2003 г., только три года спустя и в тот же день другой лидер «Аль-Каиды» - Айман аз-Завахири официально признал ее. О переименовании же в АКИМ было объявлено 26 января 2007 г. [21, р. 919; 22, р. 70]⁵. Все это время сахарские подразделения АКИМ активно действовали в малодоступных районах ЗСС, наиболее прочно укоренившись в области Тимбукту (Мали): посредством брачных союзов с арабками из кланово-кастовой структуры *берабиш*: преимущественно кланы *альвасра* и *уляд идрис* [9, pp. 21-22; 36, р. 184; 22, pp. 78, 122].

Как отмечают аналитики, по отношению к местному населению АКИМ «действовала как исламская благотворительная организация», раздавая медикаменты, продукты и горючее [11, р. 18]. Во время кризиса 2012 г. это проявилось особенно широко, однако основа таких отношений с местным населением была заложена гораздо ранее [4, pp. 252-258; 8, р. 8; 10, р. 17]. Широкие финансовые возможности появились у АКИМ благодаря тем средствам, которые ее сахарские подразделения неоднократно получали в качестве выкупа за заложников (прежде всего - европейских) - по разным оценкам, от 35 до 50 млн евро за период 2008-2012 гг. [12, pp. 70-71]. Посредниками в переговорах о заложниках выступали малийские бизнесмены и политики, подозреваемые в причастности к наркотрафику, что и породило целый ряд далеко идущих гипотез. Наиболее обоснованная из них говорит лишь о прагматических связях: за деньги бизнесмены снабжали моджахедов всем необходимым, а политики использовали вес АКИМ как баланс по отношению к другим вооруженным группировкам [20, pp. 8-10; 11, pp. 13-14; 22, pp. 117-125].

Широкие возможности сахарских подразделений АКИМ привлекли много желающих среди местного населения вступить в ее ряды. В течение 2010-2012 гг. появились подразделения, состоящие преимущественно из представителей определенных локальных кланово-кастовых структур. В условиях ЗСС число их комбатантов существенно варьировалось, хотя они носили традиционные для исламских армий названия: *катйба* (батальон, *كتيبة*) и *сариййа* (рота, *سرية*).

Ниже указаны⁶: название подразделения, командир, этническая основа и центр района дислокации конкретных подразделений:

- катйба «*Тарик ибн Зийад*»⁷: Абдульхамид Абу Зейд - алжирец Мохаммед Гадири (1965-2013); алжирцы и другие выходцы из Магриба, незначительное число туарегов и *фульбе* (гг. Тессалит и Тин-Заватен - на восточной границе Мали с Алжиром);

⁴ Ссылка на источники не приводится из-за их экстремистского контента.

⁵ Здесь и далее дается дата публичного пресс-релиза организации с первым упоминанием ее названия.

⁶ Составлено по: [2; 19; 22; 28]. Следует отметить, что к 2010-2012 г. информация о подразделениях АКИМ, появлявшаяся ранее [напр.: 29], устарела: часть подразделений была передислоцирована, сменила состав или лидера.

⁷ По имени средневекового арабского полководца.

- катйба «Аль-Мулассамун»⁸: Халид Абуль Аббас - алжирец Мохтар Бельмохтар (р. 1972); мавританцы, сахарские арабы *берабиш* и *ламхар* (г. Лернеб - на западной границе Мали с Мавританией);

- сарийя «Аль-Ансар»⁹: Малик Абу Абделькарим Ат-Тарги - малиец Хамада аг Хамада (уб. 2015); малийские и нигерские туареги, но преимущественно из конфедерации¹⁰ *ифорас* (г. Кидаль - центральная часть северного Мали);

- сарийя «Аль-Фуркан»¹¹: Абдалла аш-Шингити - мавританец Мухаммад Лемин улд¹² Хасан (уб. 2013), затем мавританец Абдеррахман Талха; мавританцы и арабы *берабиш* (г. Тимбукту и оазис Таудени - западная часть северного Мали);

- катйба «Юссуф ибн Ташфин»¹³: Абу Абдельхаким Аль-Кидали - малиец Седан аг Хита; преимущественно туареги но точно состав и дислокация в Мали - неизвестны.

Таким образом, к 2013 г. из 5 сахарских подразделений АКИМ два возглавлялись малийцами (туарегами) и одно - мавританцами, а все основные районы дислокации находились в Мали. Номинально все эти подразделения должны были подчиняться главе «Сахарского эмирата» (СА), который, в свою очередь, был подотчетен только самому эмиру АКИМ - Абдельмалику Друкдалю (1970-2020). На деле же перечисленные подразделения не всегда координировали свои действия с главой СА, не говоря уже о А.Друкдале, находившимся за тысячи километров в северном Алжире. В конце 2012 г. эмиром «Сахарского эмирата» стал Яхья Абуль-Хаммам - алжирец Джамаль Юкаша (1978-2019), возглавлявший до этого сарийю «Аль-Фуркан» [28, р. 4; 22, pp. 80-81].

МУДЖАО

«Движение за единобожие и джихад в Западной Африке», или МУДЖАО¹⁴, было создано 12 декабря 2011 г. [4, р. 259].

2011 год стал судьбоносным для стран зоны Сахары-Сахеля во многих отношениях. В результате падения режима М.Каддафи в сентябре и октябре 2011 г. в северное Мали пошли колонны джипов «Тойота-Ландкрузер» - типа пикап с приваренным к открытому кузову вооружением: 12,7 и 14,5 мм пулеметами или легкой артиллерией. Это были туареги, служившие в «Исламском легионе» и других ливийских спецподразделениях. Когда на их сторону стали переходить туареги из рядов малийской армии, они сформировали «Национальное движения освобождения Азавада - НДОА» (*Mouvement national de libération de l'Azawad*) [30, pp. 8-10; 31, pp. 128-132].

В январе 2012 г. НДОА подняло восстание и быстро вытеснило правительственные силы из северной части Мали: в немалой степени благодаря активной поддержке джихадистских группировок, которые вначале скрывали свое участие за громкой медиакампанией НДОА, взявшего курс на создание «Республики Азавад» [8, pp. 2-7; 30, pp. 10-16; 31, pp. 132-134].

Для дальнейшего изложения важно подчеркнуть, что боевой костяк НДОА составили туареги из кланово-кастовых структур *иднан* и *имрад* [22, р. 131; 30, pp. 11, 27].

Ко времени описываемых событий в сахарских подразделениях АКИМ было немало опытных бойцов из стран зоны Сахары-Сахеля: особенно из Мавритании и Мали, но также из Нигера, Сенегала, Буркина Фасо и Чада [12, pp. 75, 77; 4, р. 259]. Приток доступного вооружения из Ливии дал им возможность создать свою собственную организацию. Ей и стало МУДЖАО, очень быстро вобравшее в себя много молодых рекрутов, прежде всего, *фульбе* и *сонгаев* [9, р. 15; 10, pp. 11-13; 32, р. 15]. Неслучайно первые публичные заявления МУДЖАО апеллировали к автохтонным движениям джихада *фульбе* XIX века [4, pp. 259, 264; 9, р. 9], которыми так богата история Западной Африки (см.: [27, с. 43-60]).

Поддержав вначале туарегов НДОА в борьбе с правительственными войсками, моджахеды затем совместными усилиями обратились против него: к середине 2012 г. сепаратисты были вытеснены на периферию [30, pp. 14-17; 31, pp. 134-140]. Хорошо координированные действия джихадистских группировок [28, pp. 5-6; 8, р. 6; 22, р. 135] противоречили тому, что они раздираемы непримиримой враждой, как полагали

⁸ Букв. «с закрытыми лицами» - имеется в виду часть тюрбана, который носят на голове туареги, оставляя его край свободным, чтобы можно было закрыть лицо от пыли. В Сахаре термином «*mulaththamūn*» традиционно обозначались берберо-язычные племена.

⁹ В сахарском контексте «*ансарам*» (араб. - защитники) традиционно называли себя те, кто претендовал на статус потомков Мухаммада.

¹⁰ На яз. туарегов *томашек* конфедерация кланов обозначается термином «*ettebel*».

¹¹ Араб. «священное писание»; имеется в виду Коран.

¹² Связки «улд» и «аг» означают «сын» у сахарских арабов/мавров и туарегов, соответственно.

¹³ Третий имам и первый султан (1061-1106) династии Альморавидов.

¹⁴ В названии организации на арабском «*Jama'at al-Tawhid wal-Jihad fi Gharb Ifriqiya*» стоит термин «таухид», отсылающий к исламской концепции единобожия, но на французский его перевели как «единство» (*Mouvement pour l'unicité etlejihaden Afrique del'Ouest*), откуда и пошли акронимы *MUJAO* (фр.) и *MUJWA* (англ.), теперь общепринятые.

некоторые наблюдатели (см. напр.: [19, pp. 3-4]). Заняв совместными усилиями ключевые центры северного Мали, моджахеды педантично разделили сферы влияния: МУДЖАО и «Аль-Мулассамун» закрепились в Гао, подразделения «Тарик ибн Зийād» и «Аль-Фуркан» - в Тимбукту, а в Кидале полновластным хозяином стала новая группировка «Ансар ад-Дин» (см. ниже) [22, pp. 134-135; 28, p. 7; 12, p. 78]. Именно эти города играют важную роль в транссахарской торговле.

Как признает большинство экспертов, поддержку МУДЖАО оказали лица из кланово-кастовой структуры *ламхар*, которые связаны с контрабандой - это Султан улд Бади, Шериф улд Тахер, Мохамед улд Ахмед Дейа, Баба улд Шейк, Мохамед улд Матали [2, p. 9; 4, pp. 259-263; 8, p. 4; 9, p. 25; 20, p. 5; 22, pp. 124-125]. Арабы *ламхар* контролируют простирающуюся к северо-востоку от Гао долину Тилемси, через которую уже много десятилетий осуществляется контрабанда: автомашин, бензина, товаров первой необходимости, сигарет, нарковеществ [32, pp. 4-16; 33, pp. 4-12].

С другой стороны, лидеры МУДЖАО, мавританцы Хамада улд Мохамед Хейру и Аднан абу Валид ас-Сахрауи, имели тесные связи с ПОЛИСАРИО и привели за собой часть его бойцов [4, p. 259; 8, p. 4]. Официально борющийся за независимость Западной Сахары - Фронт ПОЛИСАРИО (*Frente Popular de Liberación de Saguía el Hamra y Río de Oro*) уже много лет вовлечен в нелегальную торговлю оружием, в связи с чем подозревался и в контактах с Мохтаром Бельмохтаром, командиром «Аль-Мулассамун» - одного из батальонов АКИМ [34].

После освобождения в январе-феврале 2013 г. основных городов на севере Мали миротворцами в ходе «Операции Серваль» (подробнее см., напр.: [37]) арабы-коммерсанты сразу же отделились от МУДЖАО, ища прикрытия у новосозданных вооруженных этногруппировок, подписавших вскоре ряд мирных соглашений с властями [10, pp. 14-27; 33, pp. 1-18; 32, pp. 15-16]. Подводя итог, один из туарегов-бизнесменов заметил: «Некоторые переходили со стороны малийской армии на сторону сепаратистов, затем джихадистов, затем французов - это все те, кто вовлечен в наркотрафик» [32, p. 9].

В результате всех этих процессов МУДЖАО распалось.

«АНСАР АД-ДИН»

Группировка «Ансар ад-Дин» (араб. - защитники веры) впервые публично заявила о себе 11 марта 2012 г., хотя сообщения о ее создании появились еще в декабре 2011 г. Ее костяк составили моджахеды из подразделений АКИМ - «Аль-Ансар» (командир Ат-Тарги) и отчасти «Юссуф ибн Таушфин». Однако звезду молодого моджахеда Ат-Тарги затмевал его близкий родственник Ийад аг Гали (р. 1958), игравший с начала 1990-х гг. важную роль в сепаратистском движении туарегов: он стал неоспоримым лидером новой группировки [2, pp. 9, 17; 10, p. 16; 11, pp. 17, 19]. Хотя оба лидера «Ансар ад-Дин» принадлежали к клану *ирйакен* туарегов *ифорас*, им удалось временно привлечь на свою сторону и некоторые другие кланы этой конфедерации: *афелла* и *ифергумессен* [22, pp. 106, 120, 130-133]. А так как среди командиров среднего звена «Ансар ад-Дин» были и представители *берабиш*, то под их защиту встали кланы *бушбейха* и *ульд идрис* этой кланово-кастовой структуры арабов [8, pp. 4, 7; 12, p. 79; 36, p. 252].

За этими маневрами стояла логика кланово-кастовых структур. *Ифорас* и *берабиш*, арабы *кунта* и *ламхар*, туареги *иднан* и *имрад* являются давними соперниками в сфере бизнеса, контрабанды и политики, хотя и могут вступать во временные союзы между собой [33, pp. 5-20; 22, pp. 124-125; 36, pp. 187-188; 14, pp. 63, 70].

Исторически туареги *имрад* были кастой низкого статуса¹⁵ в различных конфедерациях туарегов, а арабы *ламхар* схожим образом платили дань арабам *кунта*, которые, в свою очередь, часто опирались на военный союз с *ифорас* [5, pp. 103-125; 6, pp. 5-10]. Именно поэтому, когда *ламхар* стали ключевыми спонсорами МУДЖАО, а *имрад* и *иднан* составили костяк НДОА, джихадисты *ифорас* смогли объединить вокруг себя другие кланы, хотя их главы и стояли на умеренных исламских позициях. В самом конце 2012 г. то же самое попытались сделать и моджахеды-*берабиш*, близкие Мохтару Бельмохтару - Умар улд Хамаха (уб. 2013) и Санда улд Буамама объявили о создании группировки «Ансар аш-Шария» (араб. - ревнителю шариата) [35, pp. 6-7; 22, pp. 78, 135-137]. Однако последующие события быстро изменили ситуацию не в ее пользу, и она сошла со сцены.

Когда в январе 2013 г. наступление «Ансар ад-Дин» на южное Мали, осуществлявшееся при поддержке АКИМ и МУДЖАО, провалилось, основная часть *ифорас* и *берабиш* сразу же отделилась от Ийада аг Гали, сформировав независимые вооруженные группировки, которые объявили о лояльности властям Мали [24, pp. 4, 9; 32, p. 16; 22, pp. 139-142]. Джихадистское ядро «Ансар ад-Дин», напротив, продолжало вести партизанскую войну и одновременно обеспечивать местное население защитой [10, pp. 16-17]. Постепенно вес и влияние людей И. аг Гали среди маргинализованных групп местного населения нарастал.

¹⁵ На яз. томашек *imghād* (ед.ч. *amghid*) означает «вассалы».

«АЛЬМОРАВИДЫ»

Группировка «Альморавиды»¹⁶ была создана 8 августа 2013 г. в результате союза, который заключили два видных полевых командира - Мохтар Бельмохтар и Аднан абу Валид ас-Сахрауи (уроженец Западной Сахары). Последний возглавлял батальон МУДЖАО, состоявший из наиболее убежденных джихадистов [2, р. 10; 11, pp. 20, 22]. Алжирец М.Бельмохтар - более сложная фигура: пройдя подготовку в военно-полевых лагерях в Афганистане в начале 1990-х гг., он проявил себя как один из самых глубоко убежденных и последовательных моджахедов в ходе гражданской войны в Алжире (в 1990-х гг.) [26, pp. 20-45; 22, pp. 77-78].

Созданию группировки «Альморавиды» предшествовали важные события. В ноябре 2012 г. *катйба* «Аль-Мулассамун» была переименована в «Аль-Мувакки'ун би-д-дима - АМД» (араб. - подписывающиеся кровью), что отражало частные разногласия между М.Бельмохтаром и эмиром АКИМ А.Друкдалем. Через четыре дня после начала «Операции Серваль» в январе 2013 г. именно АМД взяла на себя ответственность за захват крупного газоперерабатывающего завода «Тигентурин» в Ин-Аменас (юго-восточный Алжир), что М.Бельмохтар охарактеризовал как ответ со стороны «Аль-Каиды» на французское вторжение [21, р. 923; 22, pp. 89-93].

Алжирские власти отказались от переговоров с М.Бельмохтаром, которые тот предлагал, и начали штурм обширной территории завода: около 800 заложников было освобождено, но 38 погибли¹⁷. Боевики действовали с территории южной Ливии, ставшей с того времени убежищем для моджахедов [12, pp. 79, 83; 24, р. 12]. В мае 2013 г. двойной удар по «западным интересам» был нанесен в северном Нигере: смертники атаковали урановую шахту в Арлите и военную базу в Агадесе. Во всех этих акциях важную роль играли как моджахеды М.Бельмохтара, так и Аднана абу Валида ас-Сахрауи [4, р. 261; 20, р. 5; 24, р. 12]. Когда в августе было объявлено о слиянии группировки М.Бельмохтара и МУДЖАО, на деле у ас-Сахрауи оставалась лишь небольшая сплоченная группа: 29 джихадистов погибли при штурме в Ин-Аменас.

Однако альянс между М.Бельмохтаром и ас-Сахрауи распался, когда последний провозгласил в мае 2015 г. приверженность группировки идеям ИГИЛ/ДАИШ, а первый поспешил это опровергнуть [11, р. 19]. Вскоре стало известно, что М.Бельмохтар сохраняет тесные связи с Яхья Абуль-Хаммамом - командиром «Сахарского эмирата» АКИМ. Совместными усилиями они осуществили в столицах Мали (ноябрь 2015) и Буркина Фасо (январь 2016), а затем в курортном городе Кот-д'Ивуара (март 2016) крупные теракты, направленные против мирного населения [2, pp. 10-12; 4, р. 2]. Наконец, 18 января 2017 г. моджахеды М.Бельмохтара, используя смертника, атаковали базу ООН в Гао: погибли около 80 военнослужащих и более 100 были ранены [10, р. 17; 11, р. 1]. Еще в декабре 2015 г. эмир А.Друкдаль объявил о воссоединении АКИМ и «Альморавидов» [21, р. 914; 22, р. 96], что подтвердилось в марте 2017 г.

Но об этом будет подробно сказано далее.

(Окончание следует)

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Marret J. L. 2008. Al-Qaeda in Islamic Maghreb: A "glocal" organization. *Studies in Conflict & Terrorism*. Vol. 31. DOI: 10.1080/10576100802111824
2. Bencherif A. 2017. From resilience to fragmentation: Al Qaeda in the Islamic Maghreb and jihadist group modularity. *Terrorism and Political Violence*. DOI: 10.1080/09546553.2017.1351956
3. Dowd C., Raleigh C. 2013. The myth of global Islamic terrorism and local conflict in Mali and the Sahel. *African Affairs*. Vol. 112 (448). DOI: 10.1093/afraf/adt039
4. Raineri L., Strazzari F. 2015. State, secession, and jihad: The micropolitical economy of conflict in Northern Mali. *African Security*. Vol. 8 (4). DOI: 10.1080/19392206.2015.1100501
5. Norris H.T. 1986. *The Arab Conquest of the Western Sahara*. Harlow: Longman.
6. Lecocq B. 2010. *Disputed Desert. Decolonisation, Competing Nationalisms and Tuareg Rebellions in Northern Mali*. Leiden: Brill.
7. Hüsken T., Klute G. 2010. Emerging forms of power in two African borderlands. *Journal of Borderlands Studies*. Vol. 25 (2).
8. Lecocq B., Mann G., Whitehouse B., Badi D., Pelckmans L., Belalimat N., Hall B., Lacher W. 2013. One hippopotamus and eight blind analysts: a multivocal analysis of the 2012 political crisis in the divided republic of Mali. *Review of African Political Economy*. DOI: 10.1080/03056244.2013.799063
9. Pellerin M. 2017. *Les trajectoires de radicalisation religieuse au Sahel*. Notes de l'Ifri. Paris: Ifri.
10. Sandor A. 2017. *Insécurité, effondrement de la confiance sociale et gouvernance des acteurs armés dans le centre et le nord du Mali*. Montréal: Centre FrancoPaix.

¹⁶ Название отсылает к берберской династии (*al-Murābiṭūn*) XI-XII вв., в свою очередь берущей название от «пограничной военной крепости» (*ribāṭ*), в переносном значении подразумевающей «крепость ума в вере», «аскетизм» и «самопожертвование».

¹⁷ Algeria hostage crisis: the full story of the kidnapping in the desert. *The Guardian*, 25.01.2013. <https://www.theguardian.com/world/2013/jan/25/in-amenas-timeline-siege-algeria> (accessed 16.06.2021)

11. Ba B., Bøås M. 2017. Mali: a political economy analysis. Oslo: NIIA.
12. Lacher W., Steinberg G. 2015. Spreading local roots: AQIM and its offshoots in the Sahara. *Jihadism in Africa: Local Causes, Regional Expansion, International Alliances*. Berlin: GIISA. Pp. 69-83.
13. Keenan J. 2007. The banana theory of terrorism: Alternative truths and the collapse of the 'second' (Saharan) front in the war on terror. *Journal of Contemporary African Studies*. Vol. 25 (1). DOI: 10.1080/02589000601157055
14. Gutelius D. 2007. Islam in Northern Mali and the war on terror. *Journal of Contemporary African Studies*. Vol. 25 (1). DOI: 10.1080/02589000601157063
15. Detzi D., Winkleman S. 2016. Hitting them where it hurts: A joint interagency network to disrupt terrorist financing in West Africa. *Studies in Conflict & Terrorism*. Vol. 39 (3).
16. Pham J.P. 2011. The dangerous "pragmatism" of Al-Qaeda in the Islamic Maghreb. *The Journal of the Middle East and Africa*. Vol. 2 (1).
17. Chelin R.Ph. 2018. From the Islamic state of Algeria to the economic caliphate of the Sahel: The transformation of Al Qaeda in the Islamic Maghreb. *Terrorism and Political Violence*. DOI: 10.1080/09546553.2018.1454316
18. Rosato V. 2016. "Hybrid orders" between terrorism and organized crime: The case of Al Qaeda in the Islamic Maghreb. *African Security*. DOI: 10.1080/19392206.2016.1175877
19. Ould Bah M.F. 2013. The political economy of conflicts in Northern Mali. *ECOWAS Peace and Security Report*. № 2. Dakar: ISS.
20. Lacher W. 2013. Challenging the myth of the drug-terror nexus in the Sahel. *WACD Background Paper*. № 4.
21. Boeke S. 2016. Al Qaeda in the Islamic Maghreb: Terrorism, insurgency, or organized crime? *Small Wars & Insurgencies*. Vol. 27(5). DOI: 10.1080/09592318.2016.1208280
22. Thurston A. 2020. Jihadists of North Africa and the Sahel: Local Politics and Rebel Groups. Cambridge: University Press.
23. Harmon S.A. 2014. Terror and Insurgency in the Sahara-Sahel Region: Corruption, Contraband, Jihad and the Mali War of 2012-2013. Farnham, GB: Routledge.
24. Grégoire E. 2013. Islamistes et rebelles touaregs maliens: alliances, rivalités et ruptures. *Echo Géo*. DOI: 10.4000/echogeo.13466
25. Fowler R.R. 2011. A Season in Hell: My 130 Days in the Sahara with Al Qaeda. Toronto: Harper Collins.
26. Salim L.M. 2014. Le Ben Laden du Sahara: Sur les traces du jihadiste Mokhtar Belmokhtar. Paris: La Martinière.
27. Пономарев И.В. (Отв. ред.). 2020. Исламские радикальные движения на политической карте современного мира. Том 4. Зона Сахары-Сахеля и Африканский Рог. М.: ИАФР РАН.
- Ponomarev I.V. (Ed.). 2020. Radical Islamic movements on the global political map. Vol. 4. The Sahara-Sahel zone and the African Horn. Moscow. (In Russ.)
28. Abu al-Ma'ali M.M. 2012. Al-Qaeda and its allies in the Sahel and the Sahara. Al Jazeera Center for Studies.
29. Botha A. 2008. Terrorism in the Maghreb. The transnationalization of domestic terrorism. *ISS Monograph Series*. № 144. Dakar: ISS.
30. Mali: Avoiding Escalation. 2012. *Africa Report*. № 189. Dakar & Brussels: ICG.
31. Mémier M. 2012. Le Mali. *Systèmes de conflits et enjeux sécuritaires en Afrique de l'ouest*. Dakar: Gorée Institute. Pp. 123-146.
32. Tinti P. 2014. Illicit trafficking and instability in Mali: Past, present and future. Geneva: GIATOC.
33. Drug trafficking, violence and politics in Northern Mali. 2018. *Africa Report*. № 267. Dakar & Brussels: ICG.
34. Moniquet C. (Ed.). 2010. Le Front Polisario et le développement du terrorisme au Sahel. Brussels: SISC.
35. Ibnein A. 2013. Oumar Ould Hamaha: A case study of the bridges between three groups. *Centre's Note*. № 3. Geneva: GCTAT.
36. Raineri L. 2016. Seeing like a smuggler: Security practices in north Mali's Sahara and the geopolitics of "ungoverned spaces". PhD Thesis. Scuola Superiore Sant'Anna.
37. Филиппов В.Р. «Плохая новость» для Эммануэля Макрона. *Азия и Африка сегодня*. 2020, № 4. DOI: 10.31857/S032150750009087-7
- Filippov V.R. 2020. "Bad news" for Emmanuel Macron. *Aziya i Afrika segodnya*. № 4. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750009087-7

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Пономарев Илья Вячеславович, кандидат исторических наук, ст.н.с. Центра цивилизационных и региональных исследований, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Ilya V. Ponomarev, PhD (History), Senior Researcher, Centre for Civilization and Regional Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию (Received)
19.07.2021

Доработана после рецензирования
(Revised) 10.09.2021

Принята к публикации (Accepted)
12.11.2021

Corporate social responsibility of the mining companies in Tanzania

© Mtasigazyu P.^a, 2021

^a The Mwalimu Nyerere Memorial Academy, Karume Campus,
Zanzibar, Tanzania.

ORCID ID: 0000-0003-4635-0025; p.anton75@yahoo.com

Abstract. This paper sets out to examine the neglected research area of corporate social responsibility (CSR) of the Mining Companies in Tanzania, and was guided by the following specific objectives: 1) to examine tax payment compliance of the mining companies in Tanzania; 2) to explore the extent to which mining companies donate local communities services in Tanzania; 3) to investigate the compliance of environment management Act of 2015; 4) to explore the challenges facing Tanzania in enforcing CSR of the mining companies.

A case study design was used and the methods of data collection were interviews and documentary reviews. 74 respondents were selected by the author through purposive sampling. The findings revealed that there is poor practice of CSR due to none compliance of the mining companies on paying tax, environmental pollution in Tighthe river in north Mara, inadequate compensations to the relocated local communities in Tanzania as well as low contribution of mining companies to the National economy that have turned the Country into resource curse. Also, it was noted that some challenges such as weak legal enforcement and lack of government stake in the mining companies resulting into myth of mining companies' social responsibility in Tanzania.

It is therefore concluded that the government should increase its stake in Mining Companies as it is in Botswana and also establish comprehensive legal and regulatory framework for effective and efficient CSR in Mining sector in Tanzania.

Keywords: Tanzania, mining sector, mining companies, corporate governance, corporate social responsibility

For citation: Mtasigazyu P. Corporate social responsibility of the mining companies in Tanzania. *Aziya i Afrika segodnya*. 2021, № 11. Pp. 46-55. DOI: 10.31857/S032150750017392-3

INTRODUCTION

The subject of corporate social responsibility (CRS) is very important in Tanzania mostly because of it is still a relatively new subject in corporate governance, and there are quite a few researches done about this field. Although responsible thinking and caring for the surrounding have become more important and popular, Tanzanian society is still generally demanding bigger responsibility from mining companies and organizations¹.

In this regards, the practice of CSR is still largely voluntary despite having legislations such as the Extractive Industries Act of 2015, The Mining Act of 2010, The Petroleum Act of 2015 and The Environmental Management Act of 2004 that have provisions that require companies to have CSR. Fortunately, government together with the rise of civic society have taken bigger lead and turned their attention to more socially responsible companies.

In the mining sector, some of the companies subscribing to CSR principles are Barrick Gold with its much publicized "responsible mining" approach, Anglo Gold Ashanti, Resolute Mining, and Tanzanite one². In Tanzania mining companies' social responsibility has become a national agenda because the country has unique geological environment that hosts a variety of economic minerals.

The most famous deposit is the Lake Victoria Greenstone Belt in the central and north-central parts of the country, but there are viable resources of various minerals in the north-east and the south-west as well. During the British colonial era (1918-1961) mineral production and revenue were mainly from gold, diamonds, lead, mica, salt and tin. Gold was at a peak level in 1940 when it contributed to about 90% of the value of the mineral production [20]. The discovery of large diamond deposits in Shinyanga region in 1940 and the subsequent establishment of Williamson Diamond Mine Ltd (WDML) led to a dramatic rise in the national mineral revenue.

During Independence (since 1961) the mining sector still failed to attract the kind of large and modern investment seen in other sectors of the Tanzanian economy throughout the late 1970s and the 1980s. Consequently, the mines in operation during this time period were those established by colonialists and run by the government after independence and did not lead to immediate changes in the mining sector. In the early 1960s, the contribution of mining to Gross Domestic Product (GDP) averaged was 3-4% [20]. In the period 1960 to 1966, however, the last

¹ World Bank. 1996. The World Bank Participation Source. The International Bank. Washington D.C.

² Ibidem.

big gold mines at Geita and Kiabakari closed down. Following political changes in 1967³, a number of industries were nationalized and mining sector included in this reform.

In the liberalization period up to the 1980s, diamond production from Williamson Diamond Mine accounted for more than 70% of the total value what was the equivalent to \$435 million of mineral production in Tanzania⁴. As production at WDML continued to decline, contribution of the mining sector to GDP fell to about 1% (equivalent to \$218 million) in 1988 and its contribution to national revenue was only 0.3%⁵. There was little investment in the sector, and due to price regulations and lack of market, the greater share of recovered gold and gemstones were smuggled out of the country. According to official figures, the total gold production was only 800 kilograms in 1981-1989 [12]. This nominal production in mining companies signified mundane corporate social responsibility at that time in Tanzania.

In 1986, Tanzania agreed to a structural adjustment programme designed by the World Bank and IMF. Internal and external trade was liberalized, and the government opened up for foreign investment in the country [20]. In Tanzania, the liberalized mining legislation of late 1990s, which offered lucrative contracts to international mining companies, did not encourage an upgrading of Tanzania's Artisanal Small Miners sector to a medium-scale mining operations⁶.

In 1967, Arusha Declaration transformed the entire mineral sector that not only included mining but also mineral trading and mineral value addition activities. A mineral sector was State-directed economic development strategy. The strategy directed, among other things, that medium to large scale private owned investments in the mineral sector was not to be allowed without State participation of not less than 51%. All means of production were to be nationalized and became public investments, whereby the mining industry was not spared. The Arusha Declaration was the guiding flare to achieve this noble goal of public ownership of means of production including a mineral sector.

The liberalization of mining, accompanied by the legalization of the buying and selling of gold and gemstones through banks and designated dealers, had immediate effects [5]. In 1991, mineral sales increased almost 70%. This dramatic raise is attributed to record gold production and sales mainly by small-scale miners⁷.

The economic reforms also entailed a boom in large scale mining. Foreign investors were invited to enter the country's mining sector, and since the late 1990s, Tanzania has received large capital inflows [14]. In addition to Geita Gold Mine and the AFGEM Tanzanite mine major mining establishments include Kahama Mining (owned by the Canadian company Barrick, the third largest gold company in the world), Afrika Mashariki Gold Mines, Golden Pride Project, Buhemba Gold Mine, and WDML⁸. The increase of the multinational companies was not a problem if there is a conducive enforcement of legal framework and privatization policy which presupposes effective mining Companies' social responsibility.

Alongside these large establishments, there are thousands of people engaged in small scale mining. In the Tanzanian context, the terms artisanal and small scale miners are seldom differentiated. However, in the 1998 Mining Act, a small scale miner "is the holder of a mineral right through a Primary Mining License issued by the Commissioner for Minerals" [19]. A survey conducted for the World Bank in 1996 estimated that 550 000 people were directly employed in small scale mining⁹. Another study estimated that by the late 1990s, the sector employed somewhere between 500 000 and 1.5 million employees with Geita Gold Mine having 2400 employees [6].

These figures continue to be widely quoted, since no baselines on mining have been conducted since then, and since national surveys like the Household Budget Survey and the Labour Force Survey have little information on mining activities. However, the mining Act of 1998 entailed a number of changes which have resulted in an increase in small scale mining over the last 6 years [19].

At the moment, there are 5 600 small-scale claim holders for minerals, gemstones, stones and salt in the country, but many are dormant due to lack of capital. If we estimate that two thirds of the claim holders, 3 700, are active, and that each mine has 30-60 mine workers, it means that there are some 170 000 small scale mine workers in the country. Several observers have referred to the relationships within small scale mining as exploitative, since mine workers generally work for food and shelter only in the period before actual extraction is begun [6; 12].

The contribution of the mining sector to national revenue was only 0.3% equivalent to \$36 million in 1998 while after the establishment of the Mining Act in 1998 artisanal miners decreased and the relationship with small scale miners was exploitative in nature implying that at this juncture the Mining Companies' CSR was trivial and

³ The Arusha Declaration, which was passed on January 29, 1967, summarized Tanzania's commitment to socialism, espouses the importance of national self-reliance and debates the nature of development. The document was originally written by Julius K. Nyerere, who served as the first president of Tanzania between 1964 and 1985 (*author's note*).

⁴ 2013. Ministry of Energy and Mineral and Mineral Audit Agency Report. Dar es Salaam.

⁵ 2013. Mining Companies Annual Reports, Dar es Salaam.

⁶ World Bank. 1996...

⁷ Africa Peer Review Mechanism (APRM) Report, 2010/2012. Corporate Governance in Tanzania. Tanzania.

⁸ Ibidem.

⁹ Ibid.

mundane. So this study seeks to examine the mining CSR by focusing on the legal compliance of the mining companies, ethical compliance that focuses on companies acting justly and fairly, and well as the economic responsibility of the mining corporations to the local communities in Tanzania.

STATEMENT OF THE PROBLEM

Tanzania is endowed with huge amount of minerals which have contributed to development of the mineral sector especially from the liberalization period in 1980's to 2021. This period has witnessed an increase of the multinational companies in Tanzania coming to invest in mineral sector. These companies include Mine Resolute Gold established in 1998, Anglo Gold Ashanti - in 2000, Barrick Gold Corp and Afgem Tanzanite - in 2001, Afrika Mashariki Gold - in 2002, and Meremeta Co. Ltd Gold established in 2003.

These companies are obliged to comply on corporate social responsibility by acting in accordance with to Environmental Management Act of 2005, Mining Act of 1998, Corporate Tax Act and other ethical standards guiding the operation of the mining companies in Tanzania. Observance of the fore mentioned obligations have caused a formal debate (in decision making bodies such as parliament and local councils) and informal debate (discussion) in the areas where these companies are operating, particularly rural areas especially when they operate hazardingly.

Therefore, this study seeks to unfold whether the mining companies comply to CSR and if not why is it so?

LITERATURE REVIEW

In an attempt to accurately define the concept of CSR it is argued that no single definition has dominated past researches. It is also argued that CSR is the umbrella that covers a variety of Stakeholders, Corporate Philanthropy and Corporate Social Policy [3].

In Tanzania, CRS is widely understood as philanthropy ("doing good with part of the profit") and thus refers to charitable community support projects in most cases [15]. In the contemporary global business environment, CSR generally refers to sustainable business performance, i.e. the principle to generate profit itself in a socially and environmentally responsible way. Community involvement and development is part of CRS, but other aspects, such as labour practices/human rights, environmental friendly production methods, and fair and transparent operating practices are equally important [1].

However, in an endeavour to have a holistic view, this paper accepts all these definitions and their similarities and interprets all concepts as one, using the term "CRS". Besides, this is the case in Tanzania where the term CRS endorses all social, environmental and corporate actions of the Mining Companies that affect positively or negatively the people's lives [2; 4], and illustrates that CRS relies on 2 fundamental values that have constituted the basic premises for the development of its thinking: First, businesses operate at the satisfaction of society, and Second, businesses act as a moral representative within society [4]. The cornerstone of the economic system and the main role of every corporation is to be profitable by the selling of products and services that have demand. CRS includes all the economic, ethical, juristic and philanthropic demands that society requires from them at any given moment of their operations [6].

A very important step for the launch of CSR was the Green Paper on CSR which presented by European Commission¹⁰ and defines CSR as "a concept where Companies integrate social and environmental concern in their business operations and in their interaction with their stakeholders in a voluntary basis". An intense globalization movement in issues such labour, human rights and transparency are part and parcel of CSR [13; 16].

Studies indicate that the companies which include their stakeholders in their planning and implementation of CSR programmes stand higher chances of succeeding in their social responsibility and sustainability than those that formulate and implement CSR programmes independently [9]. Full stakeholder participation means involvement of the beneficiaries from the preparatory stage of problem identification, intervention identification, project financing, project implementation and project monitoring and evaluation. This involves interaction with and among people concerned¹¹. Therefore, the process of stakeholders' involvement means stakeholders are present and engaged in the process of analyzing, planning and design, taking action, evaluation and review.

Furthermore, it is noted that CSR projects that do not involve communities where they are based stand a greater chance of either failing from reaching their objectives or being rejected by their intended beneficiaries. Community involvement is not just about being nice; it is a central pillar in the business of CSR. Some external secondary stakeholders in Tanzania are rejecting or ignoring local CSR projects affecting them, which raises a question of whether they have been consulted at all in the relevant decision making¹².

¹⁰ European Commission, 2002. Corporate Social Responsibility: a business.

¹¹ World Bank .1996...

¹² Ibidem.

Using the experience of communities in the area of the Geita Gold Mine (GGM) in Tanzania and stakeholders, this paper analyses the relationship between CSR and involvement of non-consumer stakeholders in decision making processes and their outcomes. The use of a combination of interviews with key informants, and focus groups to obtain information, opinions and perceptions of company administrators, business people, government actors and local community members fills analytical gap between claims on CSR success stories made by companies and the experience of people on the ground. It was found out that key leaders in the local communities who were neglected in the CSR decision making process were led to view the projects as redundant or irrelevant. It is further recommended that for an autonomous, robust and sustainable CSR project, a company needs to be inclusive, by integrating local key representatives at every stage of the CSR project's life. In addition, it further that for CSR projects to be genuinely appreciated, and to meet the goals it sets with communities as the beneficiaries of transformation, the CSR projects need to be monitored carefully and audited regularly. The fore mentioned study was based on stakeholders' participation and engagement in corporate social responsibility but it does not consider the compliance of mining companies on corporate social responsibility in Tanzania which this research paper seeks to unravel.

METHODS AND MATERIALS

This sub-section presents the methods for data collection, sampling techniques and procedures and methods of data analysis.

Purposive sampling was applied for selecting respondents from the mining companies because they have the role of ensuring CRS in mining companies in particular to the government, citizens, and other stakeholders in Tanzania. Another criteria for using purposive sampling is the issue of extreme case purposive sampling where the researcher expects that the mining companies and local communities have rich information with regard to mining companies and CRS. The sample size is presented in *table 1*.

Table 1. Sample size and its Composition (N=74)

S/№	Category of respondents	Total number of respondents
1	Artisanal miners	16
2	Mining Companies Respondents	6
3	Ordinary citizens	52
4	Total No. of respondents	74

Source: Field data (April, 2021).

This study surveyed selected documents about mining companies' social responsibility in Tanzania written in different context across the world. Literature from Tanzania and experiences from global context were analyzed. In the analysis, major themes were drawn from research objectives of the study. Hence data were grounded on themes and all data were qualitative.

In fact, this was a monitoring study to check whether mining companies in Tanzania adhere to CRS by complying to the environmental Management Act, paying corporate taxes, donations, protecting human rights in their operations as intended. It was therefore an exploratory study which though to uncover experience of complying on CRS to different stakeholders and challenges hindering CRS of mining companies in Tanzania. The qualitative paradigm was selected because of its underlying assumption that a phenomenon is likely to be examined in detail in order to be understood [8; 11]. Also, a comprehensive documentary review was undertaken with regard to the management of the Mining Companies' operations in Tanzania and research questions under investigation.

Content analysis was adopted in analyzing the data obtained from documentary review and in-depth interviews and cross tabulation was used in data collected. Under Content analysis technique, data were systematically classified into defined categories comprising patterns of related information sub-themes. For instance, the data collected on tax payment compliance of the mining companies in Tanzania and the extent to which mining companies donate local communities services in Tanzania were analysed based on these sub-themes. This method of data analysis facilitated the making of inferences from the qualitative data. On the other hand, cross-tabulation was used to analyze the quantitative data that were mainly obtained from the field and documentary review.

PRESENTATION OF THE FINDINGS AND DISCUSSION

This sub-section presents the findings on CRS in particular how the mining companies in Tanzania donated services to local communities and preserved the environment as well as paying taxes. The large scale mining compa-

nies include Mine Resolute Gold (with investment of \$77 million), Anglo Gold Ashanti (\$450 million), Barrick Gold Corp (\$280 million), Afrika Mashariki Gold (\$72 million), Meremeta Co. Ltd Gold (\$65 million) and Afgem Tanzania (with investment of \$20 million).

Tax payment compliance of the mining companies

In examining tax payment compliance of mining companies as company's CRS, the attention was paid on the extent to which companies pay corporate taxes as well as small scale miners in Tanzania. The findings are presented in *table 2* for further details.

Table 2. The responses on whether mining companies complied with tax payment

S/Nº	Category of respondents	Mining companies paid taxes	Mining companies did not pay taxes	Total Nº of respondents
1	Artisanal miners	2 (25%)	14 (75%)	16 (100%)
2	Mining Companies Respondents	00	6 (100%)	6 (100%)
3	Ordinary citizens	20 (38.5%)	32 (61.5%)	52 (100%)
4	Total No. of responses	22 (29.7%)	52 (70.3%)	74 (100%)

Source: Field data, April, 2021.

Table 2 indicates that majority of respondents, i.e. 52 (70.3%) constituting of 14 (75%) artisanal miners, 6 (100%) respondents from the mining companies, 32 (61.5%) ordinary citizens stated that the mining companies were not paying corporate tax to the Tanzanian government. Nevertheless, the minority of the respondents had the view that the mining companies were paying taxes. This view was shared by 22 (29.7%) respondents such as 2 (25%) artisanal miners, 20 (38.5%) ordinary citizens, who maintained that the mining companies paid taxes to the government.

The findings show that in the year 2019, the contribution of mining revenue tripled to about 1% in mineral revenue collection from \$84.5 million in 2015/16 to \$202.7 million - from July 2019 to April 2020 of total domestic revenue, but this is still very low compared to Botswana where the mineral industry provides about 50% of Government revenue [17].

Up till now, none of the companies have started paying the 30% corporate tax since they have not yet recovered their capital expenditure. As the major mining companies advance to their full capacity and start to pay the corporate tax, the revenue to the government is expected to rise significantly. It is interesting to note that the much-debated royalty makes up less than a third of the total revenue income from the sector. In fact, tax on foreigners and local employees' salary ("pay as you earn" - *PAYE*) add up to more than the amount paid in royalties¹³.

Many people argue that the tax holidays and other incentives that have been granted to investors were too generous. There is also a feeling among both government officials and ordinary people that companies may not declare the correct amount that they are producing and that they in this way evade taxation. A common complaint is also that the 3% is indeed too low. The government set up the commissions to look into these issues because the public has been complaining that the mineral sector is not contributing enough to the national¹⁴.

The commissions and the public suggested that the Government should consider increasing royalty rates on minerals produced so as to boost Government revenue. This suggestion has also been shared by different committees formed by the Government to review the performance of the mineral sector¹⁵. The low revenue collection from the mineral sector is contrary with the purposes of establishing the Tanzania Mineral Audit Agency (TMAA) under the Ministry of Energy and Minerals which has been established to facilitate the maximization of Government revenue from the mining industry through effective monitoring and auditing and to ensure sound environmental management in the mining areas.

Also there have been the political commitments revealed through political speeches. For instance, in his inaugural address to the nation in December, 2005, President Jakaya Kikwete outlined the need for Tanzania to benefit from the mining sector. Furthermore, during his May Day Speech in 2006, he promised to review the mining contracts to ensure that the nation is benefiting from minerals. The same month the committee was formed to review the Mineral Development Agreement signed with the companies. In September 2006, the Review Committee submitted its report to the government, recommending both substantive changes to the mining and fiscal laws relating to mining.

¹³ 2009. Ministry of Energy and Minerals and Tanzania Mineral Audit Agency (TMAA) Report on Minerals Royalty Forms and Rates Applicable in the Mining Industry; 2017. Ministry of Mineral Report, Dar es Salaam.

¹⁴ 2017. Ministry of Mineral Report, Dar Es Salaam; 2013. Mining Companies Annual Reports, Dar es Salaam.

¹⁵ Ibidem.

Some of the proposal included state participation in development of infrastructure at the mines, corporate tax to be paid at the start of production and not after recovering investments costs, compensation for people displaced by mining to be pegged to the values of mineral exploitation on their land, and the mining companies to contribute to a government funds for environment rehabilitation¹⁶.

In 2015, when 5th phase President Hon. Dr. John Pombe Joseph Magufuli came into power, there were significant reforms in the mining sector aimed at promoting revenue collection and CRS. There have been a number of changes in the Mining industry and more expected due to the 2017 Minerals Act. The government of Tanzania is trying to make the sector more attractive but there are still several punitive or restrictive regulations.

The changes in the legislations have increased the royalties increasing from 4% to 6% and an introduction of 1% clearing fees on the value of all minerals exported from the country. Also, the new laws give the government of Tanzania an ability to acquire 16% of shares from major mining companies on free carrying basis. The amendments led to the establishment of Joint Venture Company known as Twiga Minerals Corporation Ltd between the Government (16% shares) and Barrick Company (84% shares); and payment of compensation of \$100 million from Barrick Company as initial settlement of the agreed \$300 million.

In this case, the Mining Regulations on Local Content, which came into effect in January 2018, requires mining companies to have bank accounts in a Tanzanian-owned bank in the country. This government's decision is in line with changes in mining laws aimed at curbing illicit financial flows in the mining sector. Yet, most of the major gold miners had not started paying corporate tax in the fourth phase regime (2005-2015); instead they only pay royalties, local levies and other taxes. So despite of setting the commissions, tax evasion continues in many mining companies. This irregularity is underscored by for instance TMAA indicated that no single mining company has started paying 4% of royalty and in the same period only two companies (not mentioned in the report) were paying 30% of the corporate tax which most of the companies have not been paying¹⁷.

But this trend has slightly changed since the 5th phase government came to power in 2015, as a result of TMAA's efforts; at least \$64.8 million in additional corporate income tax has been collected since 2009, accounting for roughly 7% of mining tax receipts between 2009 and 2017. This amount only includes tax adjustments relating to hedging arrangements and the consolidation of income for tax purposes. The total amount of additional tax revenue attributable to TMAA is likely to be higher¹⁸. Also, the generous tax concession means that mining companies are able to avoid declaring a taxable income.

The latest report of the Tanzania Extractive Industries Transparency Initiative (TEITI) generated local newspaper headlines on the issue of payment of corporation tax by mining companies. According to TEITI, just a single mine in Tanzania, Golden Pride owned by Resolute Tanzania Ltd, paid corporation income tax amounting to Tsh. 71.1 billion (\$0,309 million) for the year ended 30th, June 2011. This revelation triggered debate on whether or not the government was truly earning enough taxes from gold mining industry¹⁹.

While figures in the TEITI report were corroborated by, the former Minister for Energy and Minerals, Prof. So-speter Muhongo, announced in Parliament in his 2013/14 budget speech in May that 3 gold mines - Geita Gold Mine, Tulawaka Gold Mine and Golden Pride Mine - actually paid Tsh. 467.7 billion (\$20,3 million) in corporate tax [18]. Corporate tax is paid to government after investor companies, not just in the mining sector, recoup their capital expenditures, and this is common practice under tax law around the World.

TAX COMPLIANCE OF SMALL MINERS IN TANZANIA

The findings indicate that when it comes to collecting revenue from small scale miners, the government does not seem to have enough resources for a proper management. Out of 153 quarterly reports to the mining office in Mererani, only 5 claim holders report that they have had production²⁰. The percentage reporting taxable profit is a little more than 3%. A medium scale miner in Rwamgasa, Geita, showed the team evidence that as a medium scale miner he had paid royalties, but said that Manager of his company had never paid any taxes on the salaries of 100 employees, and that he saw no reason of paying taxes from the salaries of his employees.

This is the clear indication that medium and small scale miners do not pay income taxes as required. In fact, this is a clear indication of weak CRS in Tanzania with regard to the companies and small scale miners not paying taxes. Since 2015 to 2021, the multinational companies were paying taxes which in long run mining sector's contribution to the government's coffer rose from Tsh. 161 billion (\$7 million) in 2014 to Tsh. 528 billion (\$22.9 million) in 2020. The sector accounts to 52% of all foreign currency and commands 51.9% of the value of the exported products.

¹⁶ Africa Peer Review Mechanism (APRM) Report, 2010/2012....

¹⁷ 2013. Ministry of Energy and Mineral and Mineral Audit Agency Report. Dar es Salaam.

¹⁸ Ibidem.

¹⁹ 2013. Mining Companies Annual Reports, Dar es Salaam.

²⁰ 2017. Ministry of Mineral Report, Dar es Salaam.

DONATIONS BY MINING COMPANIES DONATED TO LOCAL COMMUNITIES

This paper examined the extent to which mining companies donated services to local communities. These services include water, health, education services and any other support provided by these Companies to local communities.

Table 3. The responses on whether mining companies donated services to local communities

S/N ^o	Category of respondents	Mining companies donated services to local communities	Mining companies did not donate services to local communities	Total N ^o of respondents
1	Artisanal miners	8 (50%)	8 (50%)	16 (100%)
2	Mining Companies Respondents	3 (50%)	3 (50%)	6 (100%)
3	Ordinary Citizens	22 (42.3%)	30 (57.7%)	52 (100%)
4	Total No. of responses	33 (44.6%)	41 (55.4%)	74 (100%)

Source: Field data, April, 2021.

The findings presented in *table 3* indicated that a slight majority of respondents 41 (55.4%) were of the view that mining companies did not donate services or any other support to the local communities surrounding them. On the other hand, 33 (44.6%) were of the view that mining companies donated services and other support to the local communities.

Donations are integral part of corporate social responsibility. In Tanzania, the companies' investment in social development is registered by the Ministry of Minerals and incorporated into the calculations of the total revenue contributions of the sector under the rubric "donations". Also, there was a break-down of the donations to community development by the largest mines in the period from 1999 to 2016. Of the \$17 million donated by the companies in the whole period, \$12 million, or 70%, was spent on water and roads²¹.

However, critical voices from the citizens and non-government organizations argue that the companies' investment in these sectors is simply for their own benefit. They typically repair roads leading to the mine only, and draw water pipes that they themselves need. People's suspicion about the "selfish" motives of mining companies when it comes to community development is partly confirmed by the fact that such donations have gone markedly down after the initial infrastructure for the mining companies was in place. Donations in 2002 were only 1/5 of the level in 2000²². On the positive side, donations to education projects have increased over the years and were the largest post in 2019.

The Ministry of Minerals also registers how much the various companies spend on human resource development, i.e. training of their employees. Since 1997, the major mining establishments have spent more than \$7 million on training of approximately 7500 people. Training may range from providing basic training in machine operation to sponsorship of professional levels²³. The long term effect of this human resource development is hard to quantify, but it will last even after the closure of the mines.

In other cases the management of Geita Gold Mine is concerned about CRS and of creating a positive image of the mine in Tanzanian society. Since 2000, the mine has spent close to \$4 million on development projects. Almost half of this amount, \$2 million, was spent on a 22 km long water pipe which was drawn from Lake Victoria²⁴. Three villages along the route have been provided with water taps on the condition that they protect the entire pipe from damage and sabotage [17].

People in Geita town are bitter because they have not benefited from the pipe and they presently have an acute water situation. GGMs \$1 million rehabilitation of the Geita-Ilogi road, on the other hand, benefits a large number of people since it has facilitated transport to Dar es Salaam substantially. In addition to their investments in roads and water, the company has supported a number of development projects within health, education and income generating, as well as more ad hoc donations to various organizations and events.

The most interesting aspect of Geita Gold Mining's community support, however, is their yearly support directly to the District Council. Since 2002 to 2019, Geita Gold Mining has agreed to support the District with Tsh. 150 million (\$137 614) per year. According to the District Planning Officer, the company agreed to do this when requested by the Council at the Investors Forum Meeting to contribute to development. The council had referred to the practice of another foreign investor to convince GGM to follow their example.

²¹ Ibidem.

²² Ibid.

²³ 2013. Ministry of Energy and Mineral and Mineral Audit Agency Report. Dar es Salaam.

²⁴ Ibidem.

The Geita Gold Mining development fund is managed by a committee made up of the District Commissioner, the District Executive Director, three members of parliament, the Chief Councillor, and the Human Relations Officer of GGM. Through the fund, as well as other development projects, the company has managed to build a comparatively good reputation in terms of corporate social responsibility. Just looking at the amount of money donated is misleading.

A number of informants argued that considerable sums of money have been lost due to corruption. One of the respondents from Geita region is open in his critique:

"... the money provided by GGM for the projects which pass through the District Council is not fully utilized for the intended projects, instead (it is used) to promote individual projects ... The people cannot do anything about the corruption because they are not informed of the money, neither the projects".

According to several informants, money has not only been lost, but projects that were intended for certain villages have been redirected to villages where central officials had their personal interests. As a result of the irregularities, GGM has now decided that they will no longer let the Tsh.150 million go through the District Council. Instead, the council is asked to come up with a concrete building project that they need funding for, and then GGM simply provides the building, using its own contractors. Several stake holders criticize this solution, as the local communities are not involved in the process and are not given the chance of neither employment nor voluntary participation.

In fact, these donations are not benefiting the local communities because of irregularities and corruption associated to them. Also, the measure taken by Geita Gold Mine suggests denying local people's participation in their development projects.

MINING COMPANIES COMPENSATION TO THE CITIZENS RELOCATE/DISPLACED

This section examined whether mining companies provided compensation to their surrounding communities fairly and timely. The findings indicate that majority of respondents, i.e. 46 (62.2%) were of the view that mining companies did not compensate the surrounding communities after being relocated due to the commencement of the mining activities. On the other hand, 28 (37.8%) of respondents had the view that Mining companies compensated the communities relocated on time.

The documentary findings indicated that the re-opening of Geita Gold Mine in 1999, a village called Mtakuja had to be relocated. The company paid the money for compensations, but left it to the government and District Council to deal with the practicalities. It turned out that at least 857 people who were entitled for compensation never received their money²⁵. Apparently, the lists contained fake names, while people who were actually living in the village were never registered. Some people were also said to be fooled to sign for money that they never received. Mining officer at Geita stated as follows:

"An elderly man was supposed to be compensated with Tsh. 20 million (\$18 348). The officials had the money ready in 500 shilling notes. When the old man spent a long time counting at the counter, they told him that he was wasting their time and ordered him to just sign and then move on. He did so and later realized that he had been paid Tsh. 5 million only. He lost 15 million!"

The government's Prevention of Corruption Bureau investigated the case in 2002. Two GGM employees and a number of civil servants were found guilty. In February 2004 it was decided that the government should offer Tsh. 600 million (\$260.869) to those who had not been properly compensated. People in Geita still have the feeling that the "big fish" got away with their crime, and there are all kinds what levels of government were involved and who benefited from the compensation money. Similar problem of inadequate compensation to local people occurred in Nyangoro village where African Mashariki Gold Mines carried out the campaign to force villagers to accept inadequate compensations which actually is against human rights and good CRS.

Poor compensation is also against environmental Management Act of 2004 which provides for the compensations to persons or communities who will have been victims of corporation's actions, and also it is the violation of human and property rights.

ENVIRONMENT MANAGEMENT COMPLIANCE OF THE MINING COMPANIES IN TANZANIA

The environment is the top agenda in the most economic and social activities in the World today. Tanzania adopted a policy on environment back in 1997. This was followed by establishment of an institution to deal with the environmental issues in the country namely the National Environmental Management Council (NEMC) in 1983. This study investigated whether the mining companies were complying with environment management in Tanzania as required by the environment management Act, 2005.

²⁵ 2013. Mining Companies Annual Reports, Dar es Salaam.

The findings indicate that a slight majority of respondents, i.e. 41 (55.4%) were of the view that the mining companies did not comply with environment management Act of 2005 because these mining companies polluted water in rural communities; soil erosion was experienced and the houses were getting fracture on their walls. This view was shared by 8 (50%) artisanal miners, 3 (50%) Mining companies respondents, 30 (57.7%) ordinary citizens. On the other hand, 33 (44.6%) respondents composed of 8 (50%) artisanal miners, 3 (50%) Mining companies' respondents and 22 (42.3%) Ordinary citizens said that the mining companies complied with environment management Act of 2005.

The findings on poor environment management were further revealed by companies which did not compensate environmental damages resulting from their activities. For example, in North Mara where Barrick has a mining site, the tailings dam was freely running into the pastures and fields, and heavily contaminated waters from the processing plant adversely affected the local people by leaking into their water sources.

The report further found that chemical spill in the Tigithe river in Kibasula ward caused 2534 households were affected and 4 heads of the cattle died after drinking water. This was contrary to the Mining Act of 1998 section 96 which states that "*The license offered shall be utilized without causing any harm to the land owners or the rightful residents*". So this environmental pollution presupposes that the question of corporate social responsibility specifically the mining company's responsibility of environment and local people protection has not been adequately realized in Tanzania.

This observation is in line with Bomani Commission Report which states that:

*"Tanzania does not benefit sufficiently from multitude of natural resources in the land as it further states that small scale miners were demoralized because of being left out in law and protocol enforcement in the mining industries, this group of people has been in fight with multinational mining companies"*²⁶.

THE CHALLENGES FACED BY TANZANIA IN ENFORCING CORPORATE SOCIAL RESPONSIBILITY IN THE MINING SECTOR

Let me try to unfold the setbacks hindering effective mining companies' social responsibility in Tanzania.

1. Government ownership of the share in the mining companies.

This paper notes that lack of the government stake in the mining companies in Tanzania could explain as to why CRS in Tanzania has not been done. In this case, Tanzania does not own any share or stake in the mining companies as such the multinational companies own the stake by 100%. Thus the question becomes how government can hold the companies accountable while it has neither financial share nor constituted to the management team of the company. In case of Tanzania, ownership concentration of the government is not found in the mining companies, and the ownership structure provide shareholders with the responsibility to monitor the management and appointment of the board of directors which undermined the government on holding accountable and making multinational companies accountable to the local community and nation at larger.

The findings indicate the irregularity in companies' management not only in mining corporations. It is seen in companies listed in Dar es Salaam stock exchange that control from 20-75% equity stake of the shares²⁷. This stake suggests that large shareholders are assuming control and monopoly; hence boards of directors are accountable to the shareholders as opposed to government of Tanzania.

2. Weak enforcement of the laws in Tanzania.

The findings indicate that the challenge in Tanzania is weak enforcement of the laws and regulations. All 100% respondents in this study had the view that "corporations may also not act ethically because they know that even if they did not behave ethically, they will be still safe". The Business Registration and Licensing Authority (BRELA) is one of the institutions that is said to have limited capacity as overseer of the company's operations. The weak enforcement of laws is seen in the environment laws and anti-corruption strategies that have caused rampant corruption in mining contracts, and local government leaders who are bribed to convince the villagers to accept inadequate compensations. Also the effort to create acceptable ethical practices are undermined by collusion, rent seeking behaviors, corruption and lack of corporate integrity.

RECOMMENDATIONS AND CONCLUSION

Government should encourage better practices of corporate governance regarding business society relationship by abolishing the involvement of senior government officials and members of the parliament in the corporate boards of directors so as to deter conflict of interest and political entrepreneurship. The government should increase its stake in the Mining companies by 51% of the shares so that it gains its strong control in mining sector.

²⁶ Bomani Commission Report, 2007...

²⁷ Africa Peer Review Mechanism (APRM) Report...

As noted in this study, it is concluded that the CSR of the mining corporations is hardly implemented because mining companies have been given too generous conditions as such the country is turned into resource curse. Therefore, the government need to establish corporate governance legal framework, increase government stake in the mining corporations, as well as strengthen organizational and social capital so that local people and their government can hold accountable the companies as well as be able to harness the CSR of the Mining Companies in Tanzania.

Many studies are still needed in mining companies in Tanzania. In this regard, other researchers may wish to conduct the same study and focus on mining companies from 2020 to gain insights into experience of the implication of CSR in Tanzania. Another study may be carried out on accountability in the mining companies in Tanzania.

REFERENCES

1. Achieng O. 2004. Policy and Management for Benefits from Mining. Two Case Studies: BCL in Botswana and Ongopolo in Namibia. Bergen: Chr.
2. 2001. Perspectives on Corporate Citizenship / Andriof, J. and McIntosh M., (eds.), Sheffield UK: Greenleaf Publishing.
3. Andriof J. and Waddock S. 2002. Unfolding Stakeholder Engagement / Andriof J., Waddock S., Husted B. and Rahman S.S. (ds.).
4. 2002. Tanzanite. Tanzanian Affairs. Issued by the Britain-Tanzania Society (73). *California Management Review*, Vol. 26, No. 2, pp. 53-63.
5. Bryceson F.D. & Jönsson B.J. Tanzania Artisan Gold Mining: Present & Future Geographical & Earth Sciences. University of Glasgow: Presentation at Britain-Tanzania Society Seminar, SOAS, London, 15 March, 2012.
6. Lange S. 2006. Benefit Streams from Mining in Tanzania: Case Studies from Geita and Mererani, CMI report, Chr. Michelsen Institute.
7. Drucker P. 1984. The New Meaning of Corporate Social Responsibility. P. Gibbon. Uppsala: Nordiska Afrika institutet.
8. Gall M.D., Borg W.R., Gall J.P. 2003. Educational Research: An Introduction (7th ed). White Plains, New York: Longman.
9. Gooyert V.de, 2012. Group Model Building: From stakeholder theory to stakeholder practice. Proceedings of the 30th International Conference of the System Dynamics Society, St. Gallen, Switzerland.
10. Havnevik Kjell J. 1993. Tanzania. The Limits to Development from Above. Instrument: concepts, evidence and research directions. Uppsala ; Tanzania: Nordiska Afrika institutet; Mkuki na Nyota Publ. P. 343.
11. Kothari C.R, 2004 (2nd ed.). Research Methodology, Methods and Techniques. New Age International (P) LTD Publishers. Delhi, India.
12. Kulindwa K., Oswald M., Fanuel S. and Hussein S. 2003. Mining for Sustainable Development in Tanzania. Dar es Salaam: Dar es Salaam University Press.
13. Kweka A. 2004. AFGEM suffers legal setback IPP Media, 2004. <http://www.ippmedia.com/ipp/observer/2004/05/02/10026.html> (accessed on, 2021)
14. Isaksen J., Ben F. and Lange S. 2006. Benefit Streams from Mining in Tanzania: Case Studies from Geita and Mererani. Tanzania.
15. Mader K. 2012. Corporate Social Responsibility in Tanzania, Dar es Salaam.
16. Maignan I. and Ferrell O.C. 2004. Corporate social responsibility and marketing: An Integrative Framework. *Journal of the Academy of Marketing Science*. Vol. 32, pp. 3-19.
17. Botswana, 2008. Mineral Investment Promotion-2008, Republic of Botswana.
18. Mondera A. 2004. After the Flood in Merelani (*also may be accessed on* <http://www.mondera.com/learn/tanzania.asp> (accessed 14.07.2021))
19. Mwaipopo R., Wilson M., David N., and Elanor F. 2004. Increasing the Contribution of Artisanal and Small-Scale Mining to Poverty Reduction in Tanzania. Dar es Salaam: Department for International Development (DFID).
20. Petro S Magai S.P and Márquez-Velázquez A. 2011. Working Paper No. 04/2011 Tanzania's Mining Sector and Its Implications for the Country's Development, Competence Center "Money, Finance, Trade and Development" HTW-Berlin - Treskowallee 8, 10318 Berlin.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR / ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Paul Mtasigazy, PhD (Public Administration), Lecture, The Mwalimu Nyerere Memorial Academy, Karume Campus, Zanzibar, Tanzania.

Пол Мтасигазя PhD (Public Administration), преподаватель, Мемориальная академия Мвалиму Ньерере, кампус Каруме, Занзибар, Танзания.

Поступила в редакцию (Received)
04.04.2021

Доработана после рецензирования
(Revised) 10.06.2021

Принята к публикации (Accepted)
17.08.2021

Научно-техническое сотрудничество РФ и КНР в китайских СМИ

© Заболотский А.В.^a, Лемутов В.А.^b, 2021

^{a,b} Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

^a ORCIDID: 0000-0003-0904-9989; ftu@rambler.ru

^b ORCID ID: 0000-0002-8856-9925; vlemutov@gmail.com

Резюме. В современных условиях Россия и Китай являются важнейшими партнерами друг для друга. Сотрудничество развивается во всех областях двустороннего взаимодействия: от политики и экономики до культуры и безопасности. Большое количество статей в китайских СМИ сегодня посвящено научно-техническому сотрудничеству, которое играет все более важную роль во взаимодействии двух стран.

Между тем, существует недостаток исследований, которые были бы направлены на анализ публикаций в китайских СМИ. Такой анализ необходим для лучшего понимания восприятия образа российской науки и технологий в Китайской Народной Республике. В то же время, он позволит предотвратить возможные разногласия в чувствительных областях. Кроме того, учитывая анализ, проводимый в китайских СМИ, можно определить области, представляющие наибольший интерес для обеих сторон.

Успешное взаимодействие в сфере науки и технологий базируется, с одной стороны, на стабильных межгосударственных отношениях, имеющих характер стратегического партнерства, а с другой - на взаимовыгодных и долгосрочных проектах в сфере бизнеса, совместных научных исследованиях и образовательных обменах.

В то же время в российско-китайском научно-техническом сотрудничестве существуют определенные диспропорции. Россия является важным источником технических компетенций и ноу-хау для китайских партнеров, однако вопросы защиты прав интеллектуальной собственности, которые, к сожалению, не всегда соблюдаются в Китае, практически не обсуждаются на государственном уровне. Кроме того, нет достаточной официальной поддержки сотрудничества в области информационных технологий. Даже если в этой отрасли нет проблем, требующих решения на самом высоком уровне, представляется важным включить ее в число приоритетных направлений сотрудничества для дальнейшего развития.

Ключевые слова: Россия, Китай, двустороннее сотрудничество, научно-техническое сотрудничество, новые технологии, образование и наука, информационно-коммуникационные технологии

Для цитирования: Заболотский А.В., Лемутов В.А. Научно-техническое сотрудничество РФ и КНР в китайских СМИ. *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 11. С. 56-63. DOI: 10.31857/S032150750017400-2

Scientific and technological cooperation between Russia and China in Chinese mass media

© Zabolotskiy A.^a, Lemutov V.^b, 2021

^{a,b} Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

^a ORCID: 0000-0003-0904-9989; ftu@rambler.ru

^b ORCID: 0000-0002-8856-9925; vlemutov@gmail.com

Abstract. Nowadays, Russia and China are the most important partners for each other. Cooperation is developing in all areas of bilateral cooperation: from politics and economics to culture and security. Today, a large number of articles are also devoted to Russian-Chinese scientific and technological cooperation, which plays an increasing role in bilateral relations.

Meanwhile, there is a shortage of studies that would aim to analyze publications in the Chinese media. This kind of analysis is necessary to better understand the perception of the image of Russian achievements in science and technology in the People's Republic of China. At the same time, it will prevent potential disputes in sensitive areas. In addition, given the analysis in the Chinese media, it is possible to identify the concrete areas of interest for both sides.

Successful cooperation between Russia and China in science and technology is based, on the one hand, on stable interstate relations which have the character of a strategic partnership, and, on the other hand, on mutually beneficial and long-term projects in business, joint scientific research and educational exchanges.

At the same time, there are certain disproportions in Russian-Chinese scientific and technological cooperation. Russia is an important source of technical talents and know-how for Chinese partners, but the protection of intellectual property rights, which, unfortunately, is not always respected in China, is hardly discussed at the state level. In addition, there is not enough official support for cooperation in the field of information technology. Even if there are no problems that need to be solved at the highest level in this industry, it seems important to include it among the priority areas for cooperation for further development.

Keywords: Russia, China, bilateral cooperation, cooperation in science and technology, new technology, education and science, information and communication technology

For citation: Alexander V. Zabolotskiy, Vasily A. Lemutov. Scientific and technological cooperation between Russia and China in Chinese mass media. *Aziya i Afrika segodnya*. 2021. № 11. Pp. 56-63. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750017400-2

Сотрудничество в сфере науки и технологий - один из приоритетов российско-китайского сотрудничества. Это, в частности, провозглашается в заявлении Российской Федерации и Китайской Народной Республики о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху, подписанном Владимиром Путиным и Си Цзиньпином 5 июня 2019 г. [1].

Согласно этому документу, 2020 и 2021 годы объявлены Годом научно-технического и инновационного сотрудничества России и Китая. В рамках проведения запланировано провести более 1000 мероприятий: конференции, выставки, форумы, конкурсы исследовательских проектов и образовательные семинары [2].

Однако, вопреки развитым политическим контактам и глубокому взаимодействию руководства стран, практическое сотрудничество не всегда идет темпами, которые бы устраивали обе стороны. Более того, оценки, которые стороны дают текущему состоянию и перспективам, могут существенно отличаться. В этой связи представляется востребованным изучение формирующегося образа российско-китайского научно-технического сотрудничества в средствах массовой информации Китая.

В нашем исследовании выделены 5 ведущих СМИ КНР, публикующих материалы о международном сотрудничестве на своих новостных сайтах. Три из них - это правительственные СМИ: Синьхуа, Жэньминь жибао и Хуаньцю Шибао. Два СМИ - это частные коммерческие компании - *Phoenix New Media* (которая принадлежит гонконгской медиагруппе *Phoenix Media Investment (Holdings) Limited* и *The Paper* (соответственно, *Shanghai United Media Group*) [3], Однако необходимо отметить, что, несмотря на структуру собственности, все китайские СМИ обязаны соблюдать законы и правила, действующие на территории страны относительно содержания статей. Это хоть немного и сдерживает СМИ в их комментариях, но, тем не менее, дает возможность провести анализ.

Например, представляется интересной структура новостей, ранжированная нами по тематике и по популярности.

В 2020 г. в перечисленных СМИ было 177 публикаций по теме российско-китайского научно-технического сотрудничества. При этом наблюдался повышательный тренд ко второй половине года (см. *диагр. 1*). В первую очередь, это объясняется открытием Годов научно-технического и инновационного сотрудничества России и Китая [4]. Официальная церемония, которая была запланирована на начало 2020 г., была отложена из-за пандемии коронавирусной инфекции¹ и проведена в дистанционном формате в августе. Кроме того, часть мероприятий также были перенесены на осень.

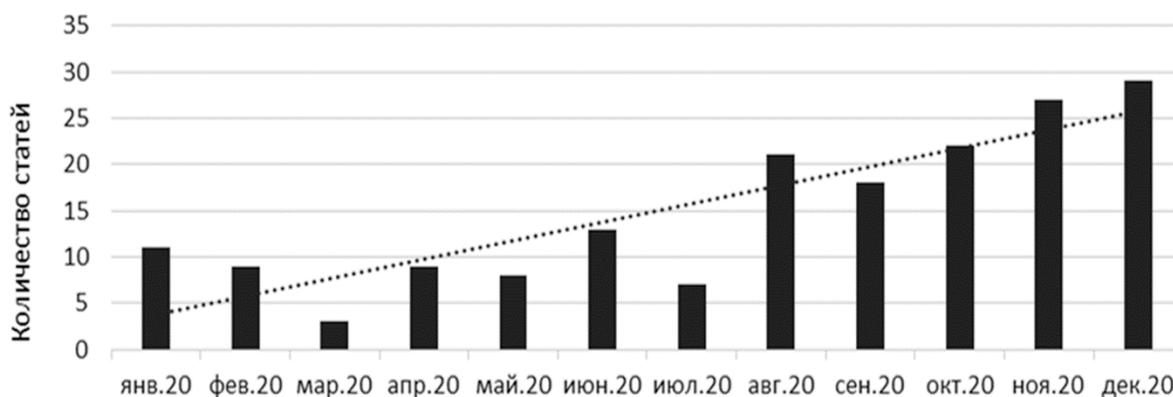

Диаграмма 1. Распределение новостных статей о научно-техническом сотрудничестве по времени публикации.
Figure 1. Distribution of news articles on science and technology cooperation by time of publication.

Составлено авторами.

¹ Xi Jinping and Russian President Vladimir Putin send congratulatory letters to the opening ceremony of the Year of Science and Technology Innovation in China and Russia respectively (In Chin.). *Xinhua*, 26.08.2020. http://www.xinhuanet.com/politics/leaders/2020-08/26/c_1126416458.htm (accessed 25.01.2021)

В результате анализа публикаций нами выделены 7 основных направлений: технологии в России; межгосударственное сотрудничество; обмены опытом; сотрудничество бизнеса; сотрудничество в области науки и образования; интервью и комментарии, разное.

В анализ было полезным включить материалы и публикации, рассказывающие о развитии науки и технологий в России. Несмотря на то, что они не совсем отражают вопросы российско-китайского сотрудничества, вместе с тем, показывают уровень и направления интереса китайской стороны. Более того, в подобных публикациях, авторы приводят в сравнение действующие в Китае технологии или направления исследований, что весьма ценно.

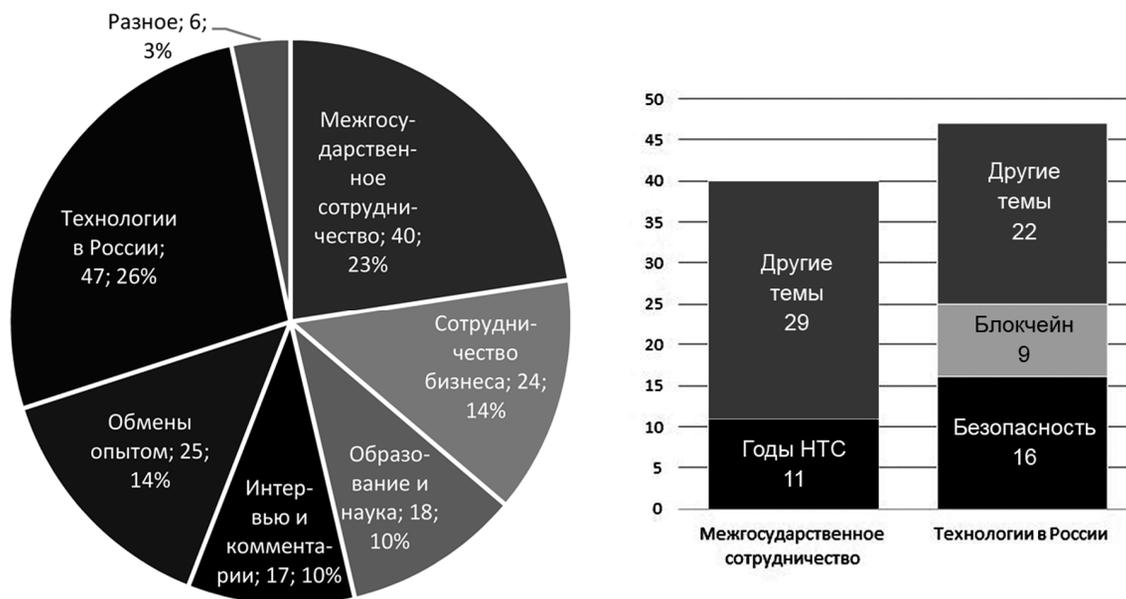

Диаграмма 2. Распределение новостных статей по основной тематике. Составлено авторами.
Figure 2. Distribution of newsarticles by main topic.

Среди проанализированных публикаций существенную долю составляют две тематики: технологии в России и межгосударственное сотрудничество. На них приходится почти половина (49%) от всех публикаций (см. *diagr.* 2). Внутри этих больших рубрик существенную долю занимали статьи о Годах НТС, безопасности и блокчейне. На 3-м месте оказались новости о мероприятиях по обмену опытом (14% материалов). Сотрудничество бизнеса оказалось лишь на 4-м месте (14%). Следом идут интервью и комментарии чиновников и экспертов (10%), а также статьи о сотрудничестве в науке и образовательной сфере (10%).

Диаграмма 3. Доля статей об информационных технологиях в общем числе материалов.
Figure 3. Share of articles on information technology in the total number of publications.
Составлено авторами.

Также отметим еще один интересный факт: почти по всем тематикам научно-технического сотрудничества присутствовали статьи об информационно-коммуникационных технологиях (см. *диагр. 3*). Из 177 рассмотренных статей более одной трети (35%) были связаны с ИКТ, в т.ч. с электронной коммерцией, телекоммуникациями, блокчейном, а также машинным обучением и искусственным интеллектом.

Наибольшая доля новостей об информационных технологиях отмечена нами в разделах «Технологии в России» (62%) и «Сотрудничество бизнеса» (42%), в то время как в статьях о сотрудничестве по официальным каналам эта доля оказалась значительно ниже (15%).

Рассмотрим основные информационные поводы в рамках российско-китайского сотрудничества и развития технологий в России, которым были посвящены статьи, включенные в анализ.

МЕЖГОСУДАРСТВЕННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Ключевым событием в области межправительственного взаимодействия стал запуск 26 августа 2020 г. перекрестных Годов научно-технического и инновационного сотрудничества [5], что было отмечено 8 статьями в рассмотренных СМИ. В материалах отмечается стремление России к новому качеству взаимных отношений, в которых наука и технологические инновации могут придать новый импульс российско-китайскому сотрудничеству [6]. Китайская же сторона видит в таком сотрудничестве пример для «гармоничного сосуществования между великими державами» и образец для отношений по-настоящему ответственных стран, будущих лидеров в науке и технике².

Помимо официальных заявлений, в китайских СМИ приводились и планы по сотрудничеству на период проведения Годов НТС, в рамках которых должно пройти более 1000 мероприятий как на национальном, так и на региональном уровне³. Среди китайских регионов отмечается граничащая с Россией провинция Хэйлуцзян, которая уже включила в государственный план 36 мероприятий по двустороннему сотрудничеству в инновациях. В Харбине, при поддержке местного департамента науки и технологий и Банка Харбина, идет строительство индустриального парка «Новый район Харбина», который должен стать центром развития российско-китайского сотрудничества.

Второй по популярности темой стали переговоры министров иностранных дел России и Китая 11 сентября 2020 г. Одним из основных вопросов обсуждалась предложенная китайской стороной инициатива по безопасности киберпространства. Остальные новости были связаны с различными проектами коммерческого и некоммерческого характера. Например, упоминается о проведении совместных клинических испытаниях вакцин от коронавирусной инфекции⁴.

В области гражданского авиастроения Россия и Китай ведут совместную разработку самолета CR929⁵, который станет первым широкофюзеляжным самолетом для Китая и первым за долгие годы подобным проектом для России. Однако отмечается, что проект периодически сталкивается с трудностями, в т.ч. в вопросах финансирования и защиты интеллектуальной собственности.

В аэрокосмической сфере проходит тестирование программа взаимодействия между системами навигации ГЛОНАСС и *Beidou* [7]. Также в июле глава Роскосмоса Д.Рогозин заявил о возможности совместного строительства с Китаем станции на Луне. Впрочем, с китайской стороны активности по этому проекту не было со времени подписания в марте 2021 г. меморандума о взаимопонимании [8].

Активно развивается сотрудничество и в военных технологиях. Сейчас российские и китайские специалисты совместно проектируют неатомные подводные лодки нового типа. Эксперты отмечают, что Россия может получить доступ к китайским литий-ионным батареям высокой ёмкости, а Китай получит опыт в строительстве подводных лодок от России, которая считается в этом мировым лидером⁶.

Цифровая маркировка продукции для облегчения доступа к российскому рынку китайскими экспортерами - еще одна из приоритетных тем. Подписано Соглашение о стратегическом сотрудничестве между российским Центром развития перспективных технологий (ЦРПТ) и Российско-китайской платформой трансграничной электронной коммерции⁷.

² Wang Yi: China and Russia are important stabilizing forces in the turbulent international situation (In Chin.). *Xinhua*, 12.09.2020. http://www.xinhuanet.com/2020-09/12/c_1126484464.htm (accessed 26.01.2021)

³ Wang Yi holds talks with Russian Foreign Minister Sergei Lavrov (In Chin.). *Xinhua*, 11.09.2020. http://www.xinhuanet.com/world/2020-09/11/c_1126484225.htm (accessed 20.01.2021)

⁴ Zhong Nanshan: China and Russia have plans to jointly conduct clinical trials of vaccines (In Chin.). *The Paper*, 16.08.2020. https://www.thepaper.cn/news_Detail_forward_8752058 (accessed 28.01.2021)

⁵ This is a painful lesson, China and Russia CR929 large aircraft or dismantled, the core technology must be mastered by themselves. (In Chin.). *Phoenix New Media*, 22.10.2020. <http://v.ifeng.com/c/80mWhiCefnn> (accessed 30.01.2021)

⁶ Russia and China Want to Build a 'Non-Nuclear' Submarine Together. *National Interest*, 28.08.2020. <https://nationalinterest.org/blog/buzz/russia-and-china-want-build-non-nuclear-submarine-together-167911> (accessed 02.02.2021)

⁷ China-Russia Cross-Border E-Commerce Platform and Russian Prospect Technology R&D Center Sign Strategic Cooperation Agreement (In Chin.). *Phoenix New Media*, 25.03.2020. <https://ishare.ifeng.com/c/s/7v7qz9esKd2> (accessed 01.02.2021)

СОТРУДНИЧЕСТВО БИЗНЕСА

В рамках сотрудничества российских и китайских компаний в первую очередь выделяются совместные проекты и сделки в сфере телекоммуникаций, которые описывались в 7 из 24 статей, включенных в анализ. Разработки *Huawei* в области сетей 5G и работа с российскими операторами связи были отдельно отмечены министром иностранных дел России С.В.Лавровым [9], который редко делает заявления касательно международных проектов частных компаний.

Важной темой также стала трансграничная торговля и электронная коммерция. Ключевым игроком в этой сфере является китайская компания *Alibaba*. В материалах СМИ рассказывается об истории успеха гиганта электронной коммерции в России: взлете популярности платформы *AliExpress* и сотрудничестве логистического подразделения *Cainiao* с Почтой России [10]. Благодаря этим совместным усилиям, объемы покупок россиян на платформе увеличились в 2 раза в период пандемии коронавируса.

В конце года вышла серия статей об открытии «Российского центра» в демонстрационной зоне сотрудничества стран-организаций ШОС. Были подписаны соглашения о размещении на платформе «Российского центра» проекта Российского музея цифрового искусства, российско-китайского научного парка «Академик», проекта по созданию цепочки поставок для российской сельскохозяйственной продукции и проекта по развитию туризма на озере Байкал⁸.

В области цифровых технологий отмечены также две сделки, связанные с применением алгоритмов машинного обучения и искусственного интеллекта. Китайская компания *Kuaishangtong*, разрабатывающая «умные» алгоритмы для финансового сектора, цифровой медицины и интернет-рекламы, в январе заключила соглашение о стратегическом сотрудничестве с Сибирским отделением РАН⁹. Компания собирается привлечь российских математиков, чтобы улучшить существующие модели машинного обучения и создать принципиально новые алгоритмы. Также в конце апреля китайская компания *Shanghai Fuxin Intelligent Control* и российский разработчик алгоритмов автономного вождения *Cognitive Pilot* подписали соглашение о стратегическом сотрудничестве. Компании займутся разработкой алгоритмов искусственного интеллекта для автопилота, который будет устанавливаться в трамваях.

СОТРУДНИЧЕСТВО В СФЕРЕ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Благодаря открытию Годов НТС важным событием в сфере высшего образования стало открытие российско-китайского математического центра в Пекинском университете¹⁰. В декабре состоялось открытие Китайского центра Российской инженерной академии, были подписаны 7 договоров о сотрудничестве в области научно-исследовательских проектов для высокотехнологичных предприятий¹¹.

В научной сфере важную роль играло сотрудничество в медицине, химии, физике и информационных технологиях. На крупнейшей выставке высоких технологий *China Hi-Tech Fair* были представлены различные инновационные продукты и услуги из России: радиотехника и электроника, технологии 3D-печати, технологии наноматериалов, новые строительные материалы, решения в области сердечно-сосудистых заболеваний, энергетика. В статье отмечается, что по некоторым научным направлениям российские представители являются лидерами и их решения не имеют аналогов в мире¹².

Помимо многочисленных меморандумов об академическом обмене [11] и сотрудничестве [12], также отмечаются успешные результаты некоторых совместных проектов¹³. В частности, Томский политехнический университет и Чанчуньский университет науки и технологий совместно разработали новый материал для использования в области оптической связи, оптоэлектроники и медицинских компьютеров. Использование новой технологии значительно снизит стоимость оборудования, такого как медицинские компьютерные томографы.

⁸ New platform, new bridge for Russian-Chinese cooperation! The Russian Center in the SCO Model Zone was launched (In Chin.). *The Paper*, 19.12.2020. https://www.thepaper.cn/news_Detail_forward_10458732 (accessed 01.02.2021)

⁹ Kuaishangtong and the Russian Academy of Sciences signed a strategic cooperation agreement (In Chin.). *Phoenix New Media*, 02.01.2020. <http://biz.ifeng.com/c/7su3YFQG3Zy> (accessed 07.02.2021)

¹⁰ China-Russia Mathematical Center was officially established, will recruit international postgraduate students for joint training (In Chin.). *The Paper*, 30.06.2020. https://www.thepaper.cn/news_Detail_forward_8052444 (accessed 01.02.2021)

¹¹ The Russian Academy of Engineering China Center was established in Beijing to help promote the depth of cooperation between Russian and Chinese talent and technology (In Chin.). *Xinhua*, 23.12.2020. http://www.xinhuanet.com/world/2020-12/23/c_1210944187.htm (accessed 10.03.2021)

¹² Russian pavilion with 17 science and education exhibitors showcases core research results (In Chin.). *Phoenix New Media*, 11.11.2020. <http://gd.ifeng.com/c/81JEJ7Z9wga> (accessed 01.02.2021)

¹³ Russia and China Develop Optical Scintillator Materials, Visualising Radiation (In Chin.). *Huanqiu*, 04.11.2020. <https://tech.huanqiu.com/article/40YjGupr7RB> (accessed 29.01.2021)

МЕРОПРИЯТИЯ ПО ОБМЕНУ ПРАКТИЧЕСКИМ ОПЫТОМ

Российская сторона принимала участие в форумах и конференциях по достижениям в цифровых финансах, робототехнике и автономном вождении, в области технологий искусственного интеллекта и алгоритмов для «умного» транспорта, а также в сфере сельского хозяйства и инженерных технологий¹⁴.

В сентябре в Университете Цинхуа прошел первый российско-китайский молодежный конкурс по инновациям, предпринимательству и творчеству, а также российско-китайский молодежный саммит по предпринимательству.

ИНТЕРВЬЮ И КОММЕНТАРИИ

Кроме новостных статей о событиях в сфере научно-технического сотрудничества, интересны также высказывания официальных лиц, экспертов и журналистов. Послы России и Китая в своих заявлениях¹⁵ сосредоточились на взаимопомощи во время эпидемии коронавируса и объединении усилий в разработке вакцины. В свою очередь, министр иностранных дел КНР Ван И заявил, что наши страны должны не только совместно противодействовать эпидемиям, но и сотрудничать во всех видах передовых технологий [13].

Китайские журналисты и эксперты в своих комментариях также сосредотачиваются больше на стратегических аспектах, таких как приоритизация сотрудничества в сфере НТС на государственном уровне и совместное противостояние технологическим угрозам [14]. В то же время в интервью российских экспертов, в частности, врио директора ИДВ РАН А.А.Маслова, председателя Российско-китайского центра торгово-экономического сотрудничества С.Ф.Санакоева, а также президента бизнес-ассоциации РАСПП В.В.Манкевича, фокус в большей степени смещен на сотрудничество в сфере торговли и инвестиций [15].

ТЕХНОЛОГИИ В РОССИИ

Наряду с материалами о научно-техническом сотрудничестве в анализ были включены публикации о технологиях в России, чтобы более полно показать образ российской науки и технологий в китайских СМИ. Это позволяет, в том числе, выделить приоритеты и ключевые направления, которые интересны для дальнейшего сотрудничества.

Среди 47 рассмотренных статей подавляющее большинство (29) посвящены применению информационных технологий. При этом наиболее популярной оказалась тематика безопасности, к которой относились новости об использовании ИКТ в целях обеспечения национальной безопасности, развития военно-промышленного комплекса и борьбы с преступностью.

В области борьбы с преступностью в китайских СМИ особый интерес вызывают технологичные решения, которые помогают осуществлять распознавание лиц в режиме реального времени¹⁶.

Кроме вопросов безопасности, в китайских масс-медиа интерес вызывают технологии распределенного реестра (блокчейн) на основе которого и Китаем, и Россией ведутся разработки по цифровой валюте¹⁷.

Важное место среди новостей о технологиях в России занимают материалы о различных научных «прорывах» и инновациях. В частности, упоминалась технология, способная осуществлять преждевременное обнаружение трещин в материалах¹⁸, которую разработали в Сколково, и метод умножения интенсивности свечения квантовых точек, разработанный в Национальном исследовательском ядерном университете «МИФИ»¹⁹. Высокую оценку заслуживают научно-технологические разработки России в сфере военной промышленности²⁰.

¹⁴ Zhongguancun Forum issues the strongest voice of international science and innovation cooperation (In Chin.). *Xinhua*, 19.09.2020. http://www.bj.xinhuanet.com/2020-09/19/c_1126513549.htm (accessed 02.02.2021)

¹⁵ Ambassador to Russia Zhang Hanhui: Only unity and cooperation of the international community can defeat the virus, and attacking and discrediting others will not bring back the lost lives (In Chin.). *Huanqiu*, 30.03.2020. <https://world.huanqiu.com/article/3y3B38eNstd> (accessed 12.02.2021)

¹⁶ After three years of trial, Russia deploys "world's largest" real-time face recognition project (In Chin.). *Phoenix New Media*, 03.02.2020. <https://tech.ifeng.com/c/7tlZMH5C1AF> (accessed 09.02.2021)

¹⁷ Russian Digital Currency Legalization Goes Further (In Chin.). *China Daily*, 22.10.2020. <http://blockchain.people.com.cn/n1/2020/1022/c417685-31902325.html> (accessed 25.02.2021)

¹⁸ New Russian technology can detect cracks in materials in advance (In Chin.). *China Daily*, 15.05.2020. <http://zj.people.com.cn/n2/2020/1204/c187005-34455518.html> (accessed 27.02.2021)

¹⁹ Russia discovers method to multiply intensity of quantum dots (In Chin.). *Huanqiu*, 24.11.2020. <https://3w.huanqiu.com/a/564394/3362818493083312674?agt=12> (accessed 12.02.2021)

²⁰ Russia's military welcomes two drones designed to search air defense systems and jam mobile communications (In Chin.). *Xinhua*, 22.11.2020. http://www.xinhuanet.com/mil/2020-11/22/c_1210897701.htm (accessed 27.02.2021)

Эти и другие новости создают образ России в СМИ КНР как страны высокотехнологичной, ведущей перспективные научные разработки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В китайских СМИ образ российско-китайского научно-технического сотрудничества за исследуемый период имеет следующую специфику:

1) Наблюдается повышательный тренд по количеству статей на эту тему, увеличивается разнообразие материалов;

2) Основной фокус внимания направлен на официальные источники, широкую повестку получают подписания межгосударственных и межправительственных соглашений, выступления официальных лиц. Одним из важнейших событий стал запуск Годов научно-технического и инновационного сотрудничества России и Китая;

3) Тем не менее, большинство новостей в рамках Годов НТС связаны не с проектами в реальном секторе экономики, а с академическими мероприятиями: обмены опытом, стажировки, совместные конференции, участие в конкурсах инноваций и т.п. Несмотря на то, что подобные мероприятия являются важным звеном в цепочке совместного научно-технического сотрудничества, вместе с тем, не предполагают практического взаимодействия;

4) При этом сотрудничество бизнеса развивается достаточно активно. Однако результаты этого сотрудничества не так часто отражаются в официальных документах, и, как следствие, меньше представлены в китайских СМИ. Вместе с тем, крупнейшие проекты китайских компаний в России, к которым приковано пристальное внимание ввиду их важности, достаточно подробно представлены в новостной повестке. Речь идет о проектах *Alibaba Group*, запустившей совместный маркетплейс в сфере онлайн-ритейла, и *Huawei*, которая заключила соглашение о поставках оборудования *5G* с российскими операторами мобильной связи;

5) Важное место в проанализированных публикациях занимают интервью и комментарии китайских официальных лиц и экспертов по вопросам российско-китайского научно-технического сотрудничества. Особый акцент сделан на совместной работе по устранению последствий пандемии коронавирусной инфекции и оказанию взаимопомощи. Наряду с этим, высказываются поддержка в разработке общих правил в сфере кибербезопасности и поддержка цифрового суверенитета государств;

6) Наконец, особое место в китайских публикациях занимают российские технологии. Это не всегда связано с вопросами научно-технического сотрудничества, однако, является важным фактором формирования образа российской науки и технологий. В этом направлении высокую оценку получают достижения российского ВПК. Вторая популярная тема - информационные технологии и цифровизация финансового сектора - связана с идущим полным ходом работ по созданию цифрового юаня в самом Китае. Все чаще заслуживают публикаций в печати, материалы о научных «прорывах» и инновациях, созданных в России, что, вероятно, связано с тем, что по мере ужесточения американской администрацией позиции по трансферу технологий в КНР, в Китае постепенно «открывают» для себя Россию как источник знаний и технологий, по некоторым областям имеющей лидирующие позиции.

В целом, научно-техническое сотрудничество России и Китая приобретает в публикациях всё более полный охват, чему способствует проведение Годов НТС.

Но наблюдается и следующая особенность: большее внимание уделяется официальным мероприятиям, а не практическому взаимодействию. Кроме того, материалы о российских технологиях адаптируются к местным условиям и вкусам читателей и не всегда отражают реальное состояние и уровень развития науки и технологий в стране.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху. Официальный сайт Президента России, 05.06.2019. <http://www.kremlin.ru/supplement/5413> (accessed 25.01.2021)

Joint Statement of the Russian Federation and the PRC on the Development of Comprehensive Partnership and Strategic Cooperation, Entering a New Era. (InRuss.). <http://www.kremlin.ru/supplement/5413> (accessed 25.01.2021)

2. Россия и Китай открыли годы научно-технического и инновационного сотрудничества. Министерство экономического развития РФ, 26.08.2020. https://www.economy.gov.ru/material/news/rossiya_i_kitay_otkryli_gody_nauchno_tehnicheskogo_i_innovacionnogo_sotrudnichestva.html (accessed 20.01.2021)

Russia and China gave start to the years of cooperation in science, technology and innovation. Ministry of Economic Development of the Russian Federation. 26.08.2020. (In Russ.). https://www.economy.gov.ru/material/news/rossiya_i_kitay_otkryli_gody_nauchno_tekhnicheskogo_i_innovacionnogo_sotrudnichestva.html (accessed 27.01.2021)

3. Партнеры в науке и инновациях. Пандемия не помешала открытию Годов НТС КНР и России. *Российская газета*, 27.08.2020.

Partners in Science and Innovation. The pandemic did not prevent the opening of the Year of Science and Technology Cooperation between China and Russia. *Rossiyskaya gazeta*. 27.08.2020. (In Russ.).

4. Россия и Китай готовят Годы научно-технического сотрудничества. *РИА Новости*, 09.06.2020. <https://ria.ru/20200609/1572677978.html> (accessed 25.01.2021)

Russia and China Prepare Years of Scientific and Technical Cooperation. *RIA Novosti*. (In Russ.). <https://ria.ru/20200609/1572677978.html> (accessed 30.01.2021)

5. Overview: Russia expects science and technology innovation to add new impetus to Russian-Chinese cooperation (In Chin.). *Xinhua*, 01.09.2020. http://m.xinhuanet.com/2020-09/01/c_1126438946.htm (accessed 26.01.2021)

6. Strengthen strategic collaboration to promote science and technology innovation (In Chin.). *China Daily*, 01.09.2020. <http://scitech.people.com.cn/n1/2020/0901/c1007-31844385.html> (accessed 01.02.2021)

7. Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР о сотрудничестве в области применения глобальных навигационных спутниковых систем ГЛОНАСС и Beidou в мирных целях.

Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the PRC on cooperation in the application of GLONASS and Beidou global navigation satellite systems for peaceful purposes/ (In Russ.). <http://docs.cntd.ru/document/563499019> (accessed 26.01.2021)

8. Russian official: Russia may open lunar exploration program next year, but not ready to participate in US project (In Chin.). *The Paper*, 25.03.2020. https://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_8268151 (accessed 01.02.2021)

9. Ren Zhengfei: Huawei shifted its investment in the United States to Russia (In Chin.). *Phoenix New Media*, 29.08.2020. <https://i.ifeng.com/c/7zLAojuf4fj> (accessed 03.02.2021)

10. Alibaba, good at hard work, spreads logistics infrastructure to the world (In Chin.). *Phoenix New Media*, 24.06.2020. <https://i.ifeng.com/c/7xYZMKWTyd6> (accessed 01.02.2021)

11. The power of science and technology to promote deep cooperation between Russia and China (In Chin.). *Phoenix New Media*, 03.01.2020. http://sn.ifeng.com/a/20200103/7956081_0.shtml (accessed 12.02.2021)

12. Russian High-End Equipment Key Projects Online Roadshow in "Sci-Tech China". (In Chin.). *Phoenix New Media*, 18.06.2020. http://sn.ifeng.com/a/20200618/14369081_0.shtml (accessed 01.02.2021)

13. Wang Yi on Four Major Directions of Future Cooperation between China and Russia. (In Chin.). *China Daily*, 12.09.2020. <http://cpc.people.com.cn/n1/2020/0912/c64094-31859002.html> (accessed 15.02.2021)

14. China-Russia Science and Technology Cooperation in the Post-Coronavirus Epidemic Context: Current Situation, Characteristics, Trends (In Chin.). *The Paper*, 27.08.2020. https://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_8898469 (accessed 02.02.2021)

15. Interview: Russia-China cooperation is at a good opportunity - Interview with Alexei Maslov, Acting Director, Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences. (In Chin.). *Xinhua*, 04.05.2020. http://www.xinhuanet.com/world/2020-05/04/c_1125942244.htm (accessed 23.01.2021)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Заболотский Александр Викторович, аспирант, Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Alexander V. Zabolotskiy, Post-graduate student, Institute of Asian and African Studies Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Лемутов Василий Александрович, аспирант, Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Vasily A. Lemutov, Post-graduate student, Institute of Asian and African Studies Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию (Received)
10.07.2021

Доработана после рецензирования (Revised)
14.08.2021

Принята к публикации (Accepted)
15.09.2021

Многоженство и межконфессиональные браки по шариату, фикху и современному законодательству мусульманских государств

© Кулиев Д.Т.^а, 2021

^а Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0002-0482-191X; kdzhmali@bk.ru

Резюме. В статье автор рассуждает о том, допустимо ли многоженство и межконфессиональные браки согласно положениям шариата, фикха и законодательства мусульманских стран.

Цель статьи в том, чтобы выявить, одинаково ли регулируются указанные вопросы по предписаниям шариата, фикха и современного семейного законодательства. Если же регулирование происходит по-разному, то необходимо ответить на вопрос о том, что является причиной такого различия, т.к. основа у государств одна - шариат.

Методология работы основана на разграничении понятий шариат, фикх и исламское право, т.к. их отождествление представляется ошибочным, что, в свою очередь, приводит к некорректным выводам.

В ходе работы автор рассматривает также некоторые базовые положения об исламском браке - *никахе* (браке, который заключается на основании положений шариата), и анализирует его не только с точки зрения теории (шариата и фикха), но и современных законодательных норм, что придает исследованию практическую значимость и возможность реального применения сделанных выводов.

По результатам исследования автор приходит к выводу, что межконфессиональный брак и многоженство являются дозволенными с точки зрения шариата и фикха. В то же время в законодательстве стран, которые принято относить к исламским, вопрос о многоженстве решается не в полном соответствии с предписаниями шариата. Это дает повод задуматься о некоторой унификации семейного законодательства в арабских государствах, т.к. их нормы, регулирующие семейные отношения, имеют общие корни.

Ключевые слова: шариат, фикх, исламское право, межконфессиональный брак, многоженство

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 20-311-90059 «Межконфессиональные браки по исламскому праву: теория и практика»

Для цитирования: Кулиев Д.Т. Многоженство и межконфессиональные браки по шариату, фикху и современному законодательству мусульманских государств. *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 11. С. 64-77. DOI: 10.31857/S032150750017410-3

Polygamy and interfaith marriages according to Sharia, fiqh and current legislation of Muslim states

© Dzhamali T. Kuliev ^а, 2021

^а HSE University, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0002-0482-191X, kdzhmali@bk.ru

Abstract. In the article the author discusses whether polygamy and interfaith marriages are permissible according to Sharia, fiqh and recent legislation of some Muslim countries.

The article aims at identifying whether the mentioned questions are regulated equally in accordance with Sharia, fiqh and current family laws. In case there is a regulation, it is necessary to give the answer what is the reason for such a discordance, as the basis of the state is the same - Sharia.

The methodology of this work is based on the differentiation of the terms 'Sharia', 'fiqh' and 'Islamic law', as synonymising them, a person might come to incorrect conclusions.

The author gives some basic postulates of an Islamic marriage and analyses it not only from a theoretic perspective (Sharia and fiqh), but also from a modern legislation one, which provides some practical significance to the research and gives an opportunity to apply the conclusions.

As a result of this research the author concludes that interfaith marriages and polygamy are permitted in the context of Sharia and fiqh; while in the legislation of the countries accepted to be Islamic, the question on polygamy is sometimes solved completely differently from Sharia ideas.

The mentioned discordances, various interpretations of Sharia and fiqh are, on the author's opinion, connected with the process of globalisation. Although it has plenty of advantages, still there is one crucial drawback - 'equalisation of countries', which results in the loss of the identity of the countries engaged in the globalisation. This gives some ground to think over unification of family law in Arabic countries, as their norms regulating family relations deprive from one source.

Keywords: Sharia, fiqh, Islamic law, polygamy, interfaith marriages

Acknowledgement: The reported study was funded by Russian Federation of Basic Research (RFBR), project number 20-311-90059 "Interfaith Marriage in Islamic Law: Theory and Practice".

For citation: Kuliev D.T. Polygamy and interfaith marriages according to Sharia, fiqh and current legislation of Muslim states. *Aziya i Afrika segodnya*. 2021. № 11. Pp. 64-77. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750017410-3

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время исламская правовая семья вызывает всё больше интереса в научной среде. Это связано с тем, что законодательство западных стран постоянно изменяется постольку, поскольку изменяются общественные отношения: законодательство должно им соответствовать, чтобы их регулировать; а исламское право, в основе которого лежит шариат - Коран и Сунна пророка Мухаммада, в большей степени ориентировано на религиозные нормы, но в то же время гибко реагирует на некоторые современные тенденции (особенно касающиеся семейных отношений) и модифицируется, по-иному осмысливает правила, не связанные непосредственно с точными предписаниями Корана и Сунны, но в различные периоды времени сформулированные фикхом, для решения вопросов настоящего времени.

Семейные отношения являются одним из аспектов, которые входят в т.н. право личного статуса (включает в себя, помимо семейных, также наследственные и иные отношения). В Коране также содержится много положений относительно семьи, которые впоследствии были имплементированы в законодательство мусульманских государств. При этом важно отметить, что современное законодательство не универсально в таких странах: в каждой из них есть свои нормы относительно того или иного вопроса, в т.ч. это касается и семейного права.

Достаточно интересным представляется вопрос о регулировании вопросов, связанных с многоженством и межконфессиональными браками. Несмотря на то, что в шариате и фикхе есть чёткие ответы на вопросы о том, допустимы ли по шариату межконфессиональные браки и многоженство, в законодательстве мусульманских стран нормы разнятся.

Цель этой статьи - выявить, каким образом регулируются вопросы о многоженстве и межконфессиональных браках в шариате, фикхе и исламском праве: соответствуют ли нормы современного законодательства религиозным постулатам.

Но прежде определимся с терминологией и методологией статьи, опишем религиозные и правовые нормы о браке, в целом, а затем перейдем непосредственно к предмету статьи.

МЕТОДОЛОГИЯ И ОСНОВНАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ

Особенностью методологии работы является то, что мы разграничиваем такие понятия, как шариат, фикх и исламское право. На наш взгляд, эти термины отождествлять недопустимо, т.к. в таком случае происходит подмена понятий и, как следствие, возникают противоречия. Например, если мы отождествим шариат и исламское право, то вопроса, поставленного в рамках этого исследования, просто не будет - ведь если эти понятия полностью синонимичны, зачем соотносить те или иные нормы?

Итак, под шариатом мы будем понимать «комплекс обращенных к людям предписаний, установленных Богом и переданных Им через своего посланника - пророка Мухаммада» [1, с. 49]. Из этого определения следует, что источниками шариата являются исключительно Коран и Сунна пророка Мухаммада (его образ жизни, слова, поступки).

Термин «фикх» в исламской правовой науке употребляется в двух значениях - как область знаний, которая изучает правила внешнего поведения людей и как сами правила внешнего поведения. Фикх по своей природе неразрывно связан с шариатом и основывается именно на нем. По этой причине мы можем сказать, что шариат является источником фикха. Однако фикх имеет и другие источники, поэтому представляется целесообразным делить их на 2 группы: сакральные и рациональные.

К первым, как следует из вышесказанного, относят Коран и Сунну. Также в эту группу принято включать единое мнение авторитетных исламских богословов и правоведов («иджма»)¹.

Вторая группа представлена т.н. методами извлечения правил внешнего поведения из шариата: к ним относят аналогию («кияс»), выбор более предпочтительного правила поведения из нескольких, которые были сформулированы в результате применения аналогии («истихсан»), т.н. «исключенные интересы», или «принцип допустимости» («истислах»), которые подразумевают, что допускается вывести норму, которая не противоречит предписаниям шариата и отвечает интересам людей и целям шариата [2, р. 37].

Также важно учитывать, что в шариате хотя и содержатся нормы поведения, их изложение, порой, может допускать различное толкование. Именно поэтому и существует фикх: он помогает «извлекать» из шариата правила поведения для людей, которые могли бы на их основе регулировать отношения между собой; деятельность по «извлечению» правил называется *иджтихадом*.

¹ Мы относим «иджму» к сакральным источникам фикха, т.к. исламской правовой мысли известна только «иджма», сформированная еще во времена сподвижников пророка Мухаммада (*прим. авт.*).

Чтобы раскрыть последний из трех терминов - исламское право, необходимо определиться с тем, в каком смысле мы будем понимать право.

В теории права и государства существует несколько коннотаций этого термина, но поскольку это не является предметом настоящей статьи, сразу обозначим, что рассматриваем право в позитивистском смысле. То есть, мы будем подразумевать правила поведения, исходящие от государства или санкционированные им, соблюдение которых обеспечивается также государством, а нарушение влечет юридическую ответственность (претерпевание неблагоприятных последствий за нарушение правовых норм). Большинство норм права являются письменными, однако допускается, что некоторые обычаи могут существовать и в вербальной форме, хотя и исходят от государства.

Так как готовые правила внешнего поведения были получены благодаря фикху, логично говорить о том, что в законодательстве мусульманских государств содержатся именно нормы фикха (которые могут и дублировать шариат). Именно поэтому исламским правом мы можем назвать такие нормы фикха, которые отвечают критериям права (в нашем случае критерий - это закрепленность в законодательстве). Из этого следует, что не любая норма шариата или фикха является правом: такая норма получает статус правовой только после того, как она была имплементирована в законодательство того или иного государства.

Таким образом, шариат, фикх и исламское право - это разные категории, которые недопустимо приравнивать друг другу. Именно их разграничение позволяет получать корректные результаты исследований.

ВОПРОСЫ БРАКА

Как было отмечено выше, семейным отношениям посвящено большое количество правил шариата - аятов Корана и хадисов. В шариате урегулированы такие вопросы, как, например, заключение брака (*никах*), развод, материальное содержание родственников, опека и проч.

Важно заметить, что в современном мире исламское право часто критикуется по той причине, что принято считать, что оно на законодательном уровне ущемляет женщин в правах: хотя на самом деле в доисламском обществе женщина в большей степени являлась не субъектом, а объектом права, а со времени появления предписаний Корана положение женщин изменилось в лучшую сторону [3, с. 99-100].

В странах, которые принято называть «мусульманскими», есть семейные кодексы (это может быть как единый документ, так и несколько законодательных актов, касающихся семейных отношений)². Несмотря на то, что большая часть вопросов решается в духе ислама, решение некоторых всё же отличается - например, брачный возраст, многоженство и проч.

Итак, брак - это союз мужчины и женщины. Согласно шариату и фикху, в этот союз могут вступить совершеннолетние лица, при этом в исламе совершеннолетие не связывается с возрастом - гораздо более важны половая зрелость и вменяемость. Однако девочки до 9 лет и мальчики до 12 лет, даже если они будут зрелые, не считаются совершеннолетними. Это правило работает и наоборот: если лицу 15 и более лет, оно автоматически признается половозрелым [4, с. 146].

Однако в современном западном обществе вступление в брак в 15 лет считается неприемлемым. Это отражено и в современном законодательстве мусульманских государств.

Так, согласно законодательству Египта (ст. 2), в брак могут вступать только дееспособные лица, т.е. достигшие возраста 18 лет³; в Тунисе хотя и установлен возрастной ценз (18 или 20 лет), он может быть преодолен по решению суда⁴. В то же время в ст. 1041 Гражданского кодекса Ирана установлено, что девочки и мальчики с 13 и 15 лет, соответственно, могут вступать в брак при наличии согласия опекунов и суда⁵. Причем такое положение существует в гражданском законодательстве страны лишь с 2001 г. (кодекс был принят в 1928 г.): до этого в Иране девушка достигала брачного возраста в 8 лет и 9 месяцев, а мальчики - в 14 лет и 7 месяцев. Изменений в законодательстве удалось достигнуть благодаря усилиям международных организаций, хотя граница брачного возраста в 13 лет по-прежнему не отвечает стандартам современного мира⁶.

Следующее требование при вступлении в брак - отсутствие близкого родства. При этом сюда включаются оба понятия: и родство (т.е. кровное) и свойство (в юридическом смысле). Близкими кровными род-

² Отметим, что в Королевстве Саудовская Аравия (КСА) такого рода документы отсутствуют: там применяются положения шариата, что следует из ст. 7 и 9 Основного низама (положения) КСА (был принят в 1992 г.). Так как дублирование положений шариата не представляется интересным в контексте этого исследования, это государство в принципе не фигурирует в статье (*прим. авт.*).

³ Child Law of Egypt. <https://learningpartnership.org/resource/child-law-egypt-document-english> (accessed 20.07.2021)

⁴ The Tunisian Code of Personal Status. <https://www.jstor.org/stable/4322925> (accessed 28.07.2021)

⁵ The Civil Code of The Islamic Republic of Iran (In Pers.). https://www.usb.ac.ir/FileUpload/7242_2017-3-8-12-27-22.pdf (accessed 20.07.2021)

⁶ Legal Rights of Children in Iran. http://www.wunrn.org/news/2007/09_07/09_24_07/093007_iran.htm (accessed 20.07.2021)

ственниками являются родные и братья и сестры, двоюродные (со стороны отца) братья и сестры, дяди и тети (со стороны отца). Также недопустимо вступать в брак со своими родственниками - например, мужчина не может жениться на матери или родной сестре своей жены. Более того, шариату известно т.н. молочное родство: если у мужчины и женщины была одна и та же кормилица, то они считаются близкими родственниками и поэтому не могут вступить в брак друг с другом.

По некоторым причинам, существует распространенное мнение о том, что шариат, фикх и исламское право допускают (и одобряют) такие браки, когда за невесту принимают решение ее родственники (опекуны), а не она сама. Однако такое мнение является ошибочным, т.к. даже на этапе помолвки требуется взаимное согласие именно тех лиц, которые намереваются вступить в брак [5, с. 58]. К тому же помолвка в любой момент может быть беспрепятственно расторгнута (что отражено как в шариате, так и в нормах законодательства). Именно поэтому для вступления в брак также необходимо взаимное согласие обоих лиц: ведь семья в шариате имеет большую ценность, а развод сам по себе является нежелательным (а если брак был заключен без согласия, то вероятность развода резко возрастает).

Говоря о следующих требованиях к брачующимся, перейдем непосредственно к предмету настоящей статьи. Так, согласно шариату, принадлежность к тому или иному вероисповеданию может быть одним из препятствий при заключении брака. Как указано в 5-м аяте 5-й суры Корана, мусульманка может выйти замуж только за мусульманина, а мусульманин, в свою очередь, может жениться и на мусульманке, и на женщине из «людей Писания» (т.е. на христианке или иудейке).

Мужчина, желающий заключить брак, вправе иметь на этот момент не более трех жен: т.к. шариат разрешает наличие у мужчины лишь четырех жен (Коран, сура 4 аят 3). Чтобы заключить брак с женщиной, которая является пятой, необходимо развестись с одной из жен. Женщина же при этом не обладает правом на многоженство.

МНОГОЖЕНСТВО

Вопрос многоженства является одним из самых дискуссионных, когда мы говорим об исламской правовой семье. Это связано с тем, что в большинстве современных государств многоженство недопустимо: наличие официального (зарегистрированного в государственном органе) брака является препятствием при заключении другого брака. Также многоженство не разрешается согласно большинству религий (от национальных до мировых). Принято считать, что именно ввиду распространения христианства и светской идеологии в обществе укрепилось мнение о том, что полигамный брак - это плохо, и поэтому он не имеет законной силы.

К тому же право мужчины иметь до четырех жен и одновременный запрет для женщины иметь более одного мужа, рассматривается в западном обществе как проявление неравноправия между полами (не говоря уже о том, что многоженство расценивают как «пережитки прошлого») [6, с. 170].

Допустимость многоженства является одним из главных аргументов в обоснование тезиса о неравенстве в исламе. Однако если многоженство дозволено, это не значит, что каждый мужчина реализует это право: он может просто этого не хотеть или не иметь на это возможности (необходимо, чтобы мужчина был в состоянии материально содержать двух и более жён, потребности каждой должны удовлетворяться в равной степени; также мужчина должен справедливо относиться к каждой из женщин (Коран, сура 4 аят 129).

Среди мусульман многоженство не так распространено, как об этом говорят «борцы за права человека и всеобщее равенство». К тому же, согласно нормам шариата, женщина может указать в брачном договоре оговорку, что в случае, если мужчина женится ещё раз, а она против второго и последующего браков своего мужа, она получает право на расторжение брака в суде («*татлик*» - развод по инициативе женщины - имеет один корень со словом «*талак*», которое означает развод, инициатива которого исходит исключительно от мужчины) [7, с. 28].

Однако, как уже было сказано, исламская правовая семья как раз и интересна тем, что достаточно успешно противостоит современным стандартам, распространенным на Западе, и сохраняет свою идентичность.

Законодательство мусульманских стран по-разному отвечает на вопрос о том, допустимо ли многоженство и имеет ли оно законную силу.

Говоря о правовых нормах различных государств, мы можем разделить их для удобства восприятия на 3 группы.

В **первую группу** входит Тунис - государство, законы которого запрещают многоженство, несмотря на дозволенность таких браков согласно шариату. В Кодексе о личном статусе Туниса (ст. 18-20)⁷ указано, что

⁷ The Tunisian Code of Personal Status. <https://www.jstor.org/stable/4322925> (accessed 20.07.2021)

многоженство недопустимо во всех смыслах: такой брак не будет зарегистрирован ни в органах государственной власти, ни в мечети (у имама и пр.)⁸. Законодательство Туниса также предусматривает, что мужчина, который вступил в еще один брак, будет наказан (при этом наказание достаточно строгое: до 1 года лишения свободы); женщина, ставшая второй женой (если она знала о том, что у мужа уже есть жена) также подлежит юридической ответственности.

Тунисская Республика является государством мусульманским (ислам закреплен в качестве государственной религии); в то же время положения государственной религии ставятся ниже закона. Такой шаг законодателя можно было бы оправдать в том случае, если бы в шариате отсутствовала определенность касательно этого вопроса, однако в Коране максимально четко указано, что мужчина может иметь до четырех жен (также есть и соответствующие хадисы). Более того, в вопросе допустимости многоженства все мазхабы⁹ также единодушны [8, с. 107-108].

Вторую группу представляют такие страны, как Марокко и Сирия, где многоженство также по общему правилу является дозволенным, но при соблюдении достаточно строгих условий (для этого нужно обосновать своё желание жениться еще раз в суде и получить согласие суда).

Так, ст. 44-46 Семейного кодекса Марокко¹⁰ регламентируют, что многоженство допустимо в исключительных случаях (при наличии уважительных причин, которые нужно изложить суду) и при условии, если мужчина в материальном аспекте способен обеспечить двух (и более) женщин, а также если он заручился согласием своей первой жены (если жена не согласна, то она имеет право претендовать на развод).

В этом случае есть два варианта развития событий, зависящих от того, просит первая жена развод или нет. Если первая жена категорически не согласна с тем, что мужчина намеревается жениться еще раз, и при этом просит у суда дать ей право расторгнуть брак, то суд может поддержать ее ходатайство и развести супругов; также суд обязывает мужчину выплатить фиксированную сумму денежных средств женщине и их детям в 7-дневный срок. А в ситуации, когда мужчина хочет жениться еще раз, а его жена не дает согласие на это, но в то же время и не просит развод, суд расторгает такой брак в соответствии с процедурой непримиримых разногласий, которая описана в ст. 94 и 97 Кодекса.

Если же первая жена выразила своё согласие относительно того, что её муж намеревается ещё раз жениться, суд обязательно уведомляет женщину, которая является потенциальной следующей женой, о том, что мужчина уже состоит в браке (потому что зачастую мужчины это скрывают, и женщины живут в неведении).

К **третьей группе** можно отнести страны, где многоженство разрешено без каких-либо строгих условий, например, Иран. Законодатель Ирана в принципе достаточно консервативен и предан духу религии, поэтому и Акт о защите семьи 1975 г. позволяет многоженство - нужно лишь получить согласие первой жены (п. 3 ст. 11)¹¹.

Таким образом, проанализировав нормы законодательства мусульманских государств о многоженстве, мы пришли к выводу, что в этом вопросе наблюдается расхождение с нормами шариата и фикха (что еще раз является иллюстрацией того, что методология, которую мы обозначили в начале этого текста, является корректной, т.к. тождественные явления не могут отличаться друг от друга).

На наш взгляд, там, где многоженство категорически запрещено, можно наблюдать влияние современных тенденций по укреплению прав человека (например, если мы вернемся к законодательству Туниса, законодателя никто не обязывает признавать второй и последующие религиозные браки действительными в силу закона и давать им правовую защиту; но запрет таких браков в мусульманском государстве выглядит неестественно). Более того, даже в немусульманских государствах можно совершить *никах*, если мужчина состоит в другом браке.

⁸ Например, согласно законодательству России, в т.ч. Семейному кодексу РФ (ст. 12, 14), в России не предусмотрены полигамные браки - брак может быть только один. Но в мечети не запрещено проводить *никах* в случае, если у мужчины уже есть жена (жены) (например, это практикуется в таких республиках, как Татарстан, Чечня, Ингушетия, Дагестан). Вторая и последующая жены являются таковыми только с точки зрения религии; с точки зрения закона, они посторонние люди (поэтому не могут наследовать по закону, пользоваться ст. 51 Конституции и пр.). Однако для ислама как религии регистрация брака в ЗАГСе не необходима: брак считается действительным, и мужчина, имеющий более одной жены, не может быть ни в коем случае привлечен за это к какой-либо ответственности и проч. (*прим. авт.*)

⁹ В VIII-X вв. мусульманские ученые начинают разрабатывать принципы, способы, приемы, позволяющие устранить пробелы в шариате и приспособить его положения к постоянно меняющейся действительности. Результатом их усердия и труда стало создание различных мазхабов (религиозно-правовых школ), из многочисленного количества которых в наше время сохранились и действуют только 4 суннитских (ханафитская, маликитская, шафиитская и нанбалитская школы) и 2 шиитских (джафаритская и зейдитская школы). Различаются мазхабы тем, что каждый из них предлагает свои принципы, приемы, методы, способы извлечения конкретных норм из Корана и Сунны (*прим. авт.*)

¹⁰ The Moroccan Family Code. <http://www.hrea.org/wp-content/uploads/2015/02/Moudawana.pdf> (accessed 21.07.2021)

¹¹ The Family Protection Act. <https://www.fis-iran.org/en/women/laws/family> (accessed 21.07.2021)

На наш взгляд, такие нормы законодательства нуждаются в переработке, чтобы в большей степени соответствовать духу ислама, ибо Коран позволяет многоженство.

МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ БРАКИ

Как мы уже отмечали, Коран также позволяет мужчине вступать в брак не только с мусульманкой, но также с христианкой или иудейкой (т.н. «людьми Писания»). При этом такие браки ещё во времена пророка Мухаммада вызывали споры. Но так как 5-й аят 5-й суры Корана не имеет разночтений, можно сделать вывод, что такой межконфессиональный брак дозволен (однако, праведным халиф Умар считал, что такие браки, несмотря на свою дозволенность, являются нежелательными) [9, с. 117].

Как минимум, четыре суннитских и два шиитских мазхаба единодушны в том, что мусульманин имеет право жениться на женщинах из «людей Писания» [10, с. 120]¹². Однако, последователи имама аш-Шафи'и¹³ несколько иным образом трактуют то, кого следует называть «людьми Писания».

Так, согласно шафиитскому мазхабу, не любая христианка или иудейка может подпадать под категорию людей Писания и, как следствие, быть дозволенной невестой. Шафииты считают, если на определенной территории христианство или иудаизм появился ранее ислама, то последователей этих религий допустимо считать «людьми Писания». А если ислам, напротив, появился раньше других религий на территории, то немусульман недопустимо относить к «людям Писания» [5, с. 127]. Именно поэтому последователи шафиитского мазхаба иным образом решают вопрос о том, допустимы межконфессиональные браки или нет: рассматривается каждый конкретный случай. На территории Российской Федерации шафиитской школе следуют в Республике Чечня, Республике Ингушетия и Республике Дагестан.

Говоря о допустимости межконфессиональных браков, мы не можем не коснуться Богословского заключения 5-19 Духовного управления мусульман России (ДУМ РФ) от 19 ноября 2019 г.¹⁴ о недопустимости межконфессиональных браков (в частности, между мужчинами-мусульманами и иудейками или христианками). Согласно этому документу, заключение межконфессионального брака допускается лишь в исключительном случае (что является формулировкой очень абстрактной).

Это заключение вызвало большой резонанс в обществе, т.к. запрещает то, что прямо разрешено в Коране и в Сунне. При этом заключение содержит весьма спорную аргументацию в защиту своей позиции.

Например, как указывается, такой брак достаточно уязвим, т.к. последователи разных религий имеют разное воспитание и проч., что, в свою очередь, может способствовать ссорам и, как следствие, расторжению брака. Более того, с детьми большую часть времени проводит именно женщина, а если она немусульманка, то она может привить детям ложные ценности. С одной стороны, разность культур нельзя отрицать; с другой - не каждый межконфессиональный брак распадается, поэтому такая аргументация представляется слабой для ограничения прямо (однозначно интерпретируемого) установленного в шариате положения.

Отметим, что в заключении ДУМ РФ нет ссылок на какие-либо социальные исследования, которые показывают, что, действительно, межконфессиональные браки, как правило, распадают, а дети в таких браках в осознанном возрасте отходят от ислама. Именно поэтому подобные аргументы не могут считаться научно обоснованными.

Также возникает вопрос о том, почему подобная фетва появилась именно в Российской Федерации и именно в XXI в., т.к. аргументы, приводимые в заключении, не новы и приводились еще во времена пророка Мухаммада (который, кстати, был женат на женщинах из «людей Писания»). Даже в Саудовской Аравии, которая славится своим консерватизмом, межконфессиональные браки заключаются¹⁵.

Интересно, что в тексте заключения несколько раз встречается слово «нежелательность» (что подтверждается всеми мазхабами), однако Совет улемов России отождествил нежелательность и запретность. Из этого заключения следует, что мужчина-мусульманин и женщина из «людей Писания», придя в мечеть для совершения обряда *никаха*, получают отказ, если их случай не будет признан «исключительным». Это, в свою очередь, может способствовать тому, что мусульманин будет воспринимать свои семейные отношения как не соответствующие предписаниям Всевышнего Аллаха.

¹² Здесь мы не будем поднимать вопрос о том, допустимо ли мусульманке выходить замуж за мужчину другой веры, т.к. это прямо запрещено в Коране. Если рассмотреть ситуацию, где муж-мусульманин отрекся от своей веры и стал, например, иудеем, его брак с мусульманкой по шариатским критериям считается расторгнутым (*прим. авт.*).

¹³ Ибн Идрис аш-Шафи'и (767-820) был основателем 3-го суннитского мазхаба (*прим. авт.*).

¹⁴ Богословское заключение 5-19 (межконфессиональные браки) от 19.11.2019 г. <http://dumrf.ru/sulem/sufatwa/17388> (accessed 25.07.2021)

¹⁵ Can a Muslim get married to a Non-Muslim? <https://lifeinsaudiArabia.net/can-a-muslim-get-married-to-a-non-muslim/> (accessed 25.07.2021)

Так как эта фетва достаточно активно обсуждалась в обществе, Духовное управление мусульман РФ несколько обновило текст заключения¹⁶ и дало комментарии¹⁷. Из этих разъяснений можно сделать вывод, что ДУМ РФ не запрещает межконфессиональный брак (ведь он дозволен Всевышним Аллахом), но запрещает его регистрацию на территории Российской Федерации (а совершение *никаха* является обязательным, с точки зрения шариата).

Конечно, эта фетва не имеет юридической силы - и мусульманин и женщина из «людей Писания» могут зарегистрировать свой брак в органах ЗАГС, однако такой брак не является действительным по исламу, поэтому всё их взаимодействие считается запретным с позиции религиозных норм. Эту позицию подтверждает и один из ключевых исследователей шариата, фикха и исламского права в России - Л.Р. Сюкияйнен, профессор-исламовед, доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН, который полагает, что «данная фетва вряд ли повлияет на количество межконфессиональных браков в России»¹⁸.

На наш взгляд, эта фетва недостаточно обоснована хотя бы потому, что Коран не предполагает разночтений по этому вопросу. Некоторые ограничения возможны лишь с позиции шафиитского мазхаба, т.к. в нем не всех христиан и иудеев считают «людьми Писания». Примечательно, что в фетве нет такого аргумента.

Таким образом, шариат и фикх позволяют мужчине-мусульманину вступать в брак не только с мусульманкой, но и христианкой или иудейкой.

Изучив нормы семейного законодательства ряда мусульманских стран, мы пришли к выводу, что межконфессиональные браки не являются запретными - нет ни одной нормы, которая бы прямо запрещала такие браки¹⁹. Мы можем найти лишь смежные правовые нормы, которые позволяют нам сделать вывод о том, что такие браки разрешены (законодательство Ливана подразумевает, что каждое религиозное течение - внутри и вне ислама - может иметь свои нормы, связанные с личным статусом; если мужчина и женщина, желающие заключить брак, приверженцы разных исламских течений или даже религий, то по общему правилу, если будущие супруги не оговаривают иное, применяются нормы той конфессии, к которой относится мужчина)²⁰.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, мы рассмотрели вопросы о том, какие шариат, фикх и исламское право предъявляют требования к лицам, которые желают вступить в брак: совершеннолетие, согласие лиц, вступающих в брак, отсутствие родства, вероисповедание и отсутствие другого брака (браков).

Вопрос о допустимости межконфессионального брака и многоженства вызывает большой как научный, так и практический интерес, потому что такие явления осуждаются западным обществом и трактуются как проявление неравенства мужчины и женщины в исламе.

Несмотря на то, что исламская правовая семья имеет репутацию достаточно консервативной и верной своим истокам, некоторые положения законодательства всё же отличаются от классической исламской мысли. Возможно, это связано как раз с влиянием западных концепций прав человека и всеобщего равенства.

Многоженство, которое позволяет Коран, также считается дозволенным в фикхе. Однако в современном законодательстве всё несколько неоднородно: в каких-то государствах многоженство допускается, а в других - запрещается, причем запрещается категорически (и *никах*, и юридическая регистрация брака).

Межконфессиональный брак также дозволяется в Коране: мужчина-мусульманин может жениться не только на мусульманке, но и на христианке или иудейке. Религиозно-правовые школы фикха также без разночтений трактуют соответствующий аят и соглашаются в том, что такой брак допустим. Исключение составляют лишь последователи имама аш-Шафи'и: и то они не спорят о допустимости такого брака, они иным образом решают вопрос о том, кого следует относить к категории «людей Писания».

¹⁶ Богословское заключение 5-19 (межконфессиональные браки) от 19.11.2019 г., вариант с правками от 13.11.2020. <http://dumrf.ru/sulem/sufatwa/17388> (accessed 25.07.2021)

¹⁷ Комментарий первого заместителя председателя ДУМ РФ Д.Мухетдинова по фетве 5-19 «Межконфессиональные браки». <http://dumrf.ru/upravlenie/documents/17998> (accessed 26.07.2021)

¹⁸ Бог один, просто религии разные. Как живут межконфессиональные пары. <https://mbk-news.appspot.com/suzhet/religii-gaznye> (accessed 28.07.2021)

¹⁹ Ввиду этого позиция ДУМ РФ представляется еще более непонятной, т.к. в фикхе преобладает позиция, которая не рассматривает межконфессиональные браки как запрещенные (*прим. авт.*).

²⁰ Информационное примечание: обзор ливанского закона о браке (подготовлено Консульским отделом Бейрута). https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/701258/Overview_about_the_Lebanese_law_of_marriage_November_2017.pdf (accessed 28.07.2021)

Также в этом контексте нельзя было не рассмотреть фетву ДУМ РФ о межконфессиональных браках. На наш взгляд, аргументы, которыми была подкреплена позиция, являются абстрактными и не соответствуют духу ислама и противоречат шариату.

По нашему мнению, странам, которые принято считать «мусульманскими», следует сблизиться в позициях относительно рассмотренных нами вопросов и сделать законодательство в этой сфере более унифицированным, поскольку разрозненное законодательство и разные ответы на одни и те же вопросы способствуют тому, что исламское право теряет свою идентичность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сюкияйнен Л.Р. Мусульманское право. Вопросы теории и практики. М., 1986. 254 с.
2. Schacht J. An Introduction to Islamic law. Oxford. Oxford University Press. 1982. 304 p.
3. Роэ Матиас. Исламское право: история и современность / пер. с нем. А. Мухаматчиной; науч. ред. М.Кудратов; под общ. ред. Д.Мухетдинова. М.: Медина. 2019. 576 с.
4. Керимов Г.М. Шариат: Закон жизни мусульман. Ответы Шариата на проблемы современности. СПб, 2012. 512 с.
5. Nasir J.J. The Islamic Law of Personal Status. L. Graham and Trotman. 1986. 328 p.
6. Abdo Nahla. Muslim family law: articulating gender, class and the state. *International Review of Comparative Public Policy*. 1997. № 9. Pp. 169-193.
7. Abu Zahra M. Family Law. *Law in the Middle East*. Vol. 1. Washington, 1955. Pp. 27-35.
8. Mehdi R. Legal rights of Muslim Women - a pluralistic approach. *Law and the Islamic World. Past and Present*. Copenhagen. 1995. Pp. 91-99.
9. Nasir, Dr. Jamal J. Ahmad. The Status of Women under Islamic Law and Modern Islamic Legislation. Netherlands. 2009. 213 p.
10. Маргинани Б. Хидоя. Комментарии мусульманского права. 2 ч. Ч. 1. Т. I-II. Пер. с англ. под ред. Н.И.Гродекова. М., 2010. 808 с.

REFERENCES

1. Syukiyaynen L.R. 1986. Muslim Law. Theory and Practice. Moscow. 254 p. (in Russ.)
2. Schacht J. 1982. An Introduction to Islamic law. Oxford. Oxford University Press. 304 p.
3. Mathias Rohe. 2019. Islamic Law in Past and Present / Translated from German. Moscow. 576 p. (In Russ.)
4. Kerimov G.M. 2012. Sharia: Muslims' law of life. Sharia's answers to the problems of modernity. Saint Petersburg. 512 p. (In Russ.)
5. Nasir J.J. 1986. The Islamic Law of Personal Status. L. Graham and Trotman. 328 p.
6. Abdo Nahla. 1997. Muslim family law: articulating gender, class and the state. *International Review of Comparative Public Policy*. № 9. Pp. 169-193.
7. Abu Zahra M. 1995. Family Law. *Law in the Middle East*. Vol. 1. Washingtonю. Pp. 27-35.
8. Mehdi R. 1995 Legal rights of Muslim Women - a pluralistic approach. *Law and the Islamic World. Past and Present*. Copenhagen. 1995. Pp. 91-99.
9. Nasir, Dr. Jamal J. Ahmad. 2009. The Status of Women under Islamic Law and Modern Islamic Legislation. Netherlands. 213 p.
10. Marghinani B. 2010. Al-Hidayah (The Guidance). Commentaries on Muslim. In two parts. Part 1. Vol. I-II. Translated from English. Moscow. 2010. 808 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ/ INFORMATION ABOUT AUTHOR

Кулиев Джамали Тофикович, аспирант Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; стажер-исследователь Института исследований национального и сравнительного права НИУ ВШЭ, Москва, Россия.

Dzhamali T. Kuliev, Post-graduate student, HSE University; Research trainee, HSE Institute of National and Comparative Legal Research, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию (Received)
20.07.2021

Доработана после рецензирования (Revised)
21.09.2021

Принята к публикации (Accepted)
30.10.2021

Актуальные проблемы Африки и новый этап сотрудничества с Россией

© Алешин К.А.^a, Кулакова П.О.^b, Митина В.К.^c, Сугаков Г.К.^d, 2021

^{a,b,c,d} Институт Африки РАН, Москва, Россия

^a ORCID ID: 0000-0002-2749-1044; kirill.aleshin@inafr.ru

^b ORCID ID: 0000-0002-2224-6138; polina-kulakova25@rambler.ru

^c ORCID ID: 0000-0002-5933-6452; mitvarya19@gmail.com

^d ORCID ID: 0000-0001-6270-209X; g.sugakov@inafr.ru

Резюме. 24-26 мая 2021 г. в Москве состоялась XV международная конференция африканистов «Судьбы Африки в современном мире». Конференцию организовал Институт Африки РАН совместно с Фондом Росконгресс при поддержке Информационного телеграфного агентства России ИТАР-ТАСС. Мероприятие прошло в очно-дистанционном формате, пленарное заседание - в пресс-центре ИТАР-ТАСС. В нем приняли участие ведущие российские африканисты, представители органов власти РФ и Африканского Союза, послы африканских стран в России.

На конференции были рассмотрены такие вопросы - текущее состояние сотрудничества России со странами Африки; взаимодействие органов власти, государственных институтов, бизнеса, научного сообщества РФ на африканском направлении; приоритетные направления развития партнерства, в т.ч. в контексте подготовки ко второму Саммиту Россия-Африка, проведение которого запланировано в 2022 г.; значение самой конференции в работе по всем вышеуказанным темам.

В работе 48 секций приняли участие более 500 ученых-африканистов из 5 континентов. Выработанные рекомендации могут быть использованы при выработке путей углубления сотрудничества со странами Африки.

Ключевые слова: российско-африканское сотрудничество, Африка, международные отношения, гуманитарное сотрудничество, Саммит Россия-Африка, Форум партнерства Россия-Африка

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 19-014-00019 «Санкционное и регулятивное таргетирование национальных элит как инструмент глобального управления и международной конкуренции».

Для цитирования: Алешин К.А., Кулакова П.О., Митина В.К., Сугаков Г.К. Актуальные проблемы Африки и новый этап сотрудничества с Россией. *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 11. С. 72-77. DOI: 10.31857/S032150750016568-6

Africa's current issues and a new stage of cooperation with Russia

© Kirill A. Aleshin^a, Polina O. Kulakova^b, Varvara K. Mitina^c, Gleb K. Sugakov^d, 2021

^{a,b,c,d} Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

^a ORCID ID: 0000-0002-2749-1044; kirill.aleshin@inafr.ru

^b ORCID ID: 0000-0002-2224-6138; polina-kulakova25@rambler.ru

^c ORCID ID: 0000-0002-5933-6452; mitvarya19@gmail.com

^d ORCID ID: 0000-0001-6270-209X; g.sugakov@inafr.ru

Abstract. On May 24-26, 2021, the 15th International African Studies Conference «Destinies of Africa in the Modern World» was held, organized by the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences together with the Roscongress Foundation and with the support of the Russian News Agency TASS. The event was held both in a face-to-face and distant format. The plenary session (opening of the conference) was held in the TASS press center. It was attended by leading Russian scholars in the field of African studies, representatives of the authorities of the Russian Federation and the African Union, and African ambassadors to Russia. During the event the participants discussed such issues as the current state of cooperation between Russia and African countries, the interaction of state institutions, business, and the academic community of the Russian Federation, priority areas for the development of partnership, including in the context of preparations for the second Russia-Africa Summit, which is scheduled to be held in 2022, as well as the role and significance of the conference itself. Russia's cooperation with African countries is complex and includes both trade and economic and humanitarian components. Within the frames of 48 sections, which were attended by more than 500 participants from 5 continents, the participants considered in detail within the entire spectrum of socio-humanitarian knowledge the current problems of Africa and the prospects for the development of Africa, the prospects of Russia-Africa cooperation. The recommendations following the results of the plenary session and sections of the conference can be used in developing the approaches to cooperation with African countries, and the very fact of holding such a large-scale event allows to speak of Russia as one of the world centers of African studies.

Keywords: Russia-Africa cooperation, Africa, international relations, humanitarian cooperation, Summit Russia-Africa, Partnership Forum Russia-Africa

For citation: Aleshin K.A., Kulakova P.O., Mitina V.K., Sugakov G.K. Africa's current issues and a new stage of cooperation with Russia. *Aziya i Afrika segodnya*. 2021. № 11. Pp. 72-77. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750016568-6

ВВЕДЕНИЕ

XV конференция африканистов «Судьбы Африки в современном мире», прошедшая в Москве 24-26 мая 2021 г., была приурочена ко Дню Африки 25 мая и привлекла широкое внимание академических, деловых, общественных кругов, федеральных СМИ (см. *фото*).

Фото. Пленарное заседание XV международной конференции африканистов «Судьбы Африки в современном мире». Пресс-центр ТАСС, 24 мая 2021 г. *Источник:* фотобанк ТАСС.
Photo. Plenary session of the 15th conference of Africanists 'The Destinies of Africa in the Modern World'. TASS Press Centre, Moscow, 24 May 2021.

В приветственном слове на пленарном заседании в пресс-центре ИТАР-ТАСС почетный президент Института Африки РАН, академик РАН **А.М.Васильев** назвал это событие «праздником для африканистов и в некоторой степени для арабистов». Большой интерес к конференции обусловлен, по его мнению, тем, что это - крупнейшая конференция по африканской тематике в нашей стране, а также научно-практическая платформа для дискуссии, обмена мнениями, и, главное, для разрешения острых проблем и выработки новых подходов в отношениях с африканскими странами.

По словам А.М.Васильева, отличительная черта мероприятия - спектр рассматриваемых участниками тем, который простирается от аспектов современной реальности до исторических дискурсов, от экономики - до культуры, от отдельных вопросов экологии и этнографии - до цивилизационного развития. Безусловно, нельзя было обойти стороной и влияние на развитие Африки пандемии коронавируса.

Специальный представитель президента Российской Федерации по Ближнему Востоку и странам Африки, заместитель министра иностранных дел РФ **М.Л.Богданов**, выразил благодарность за организацию форума Российской академии наук и, в особенности, директору Института Африки РАН, руководителю Научного совета при секретариате Форума партнерства Россия-Африка (ФПРА), члену-корреспонденту РАН, члену Президиума РАН **И.О.Абрамовой**.

ЗНАЧЕНИЕ КОНФЕРЕНЦИИ

Комиссар Африканского Союза по вопросам образования, науки, технологий и инноваций **С.Аньянг Агбор** подчеркнула особую значимость конференции для расширения сотрудничества между Россией и континентом, отметив, что в ходе мероприятия такого уровня состоится поиск решений, адекватных моменту [распространению новой коронавирусной инфекции]. Она выразила надежду, что конференция будет способствовать решению и других общих проблем, стоящих перед сторонами.

Чрезвычайный и полномочный посол Республики Камерун в Российской Федерации **М.Паба Сале**, дуайен африканского дипломатического корпуса, увидел в организации форума продолжение линии, начатой на Саммите Россия-Африка в 2019 г. Тогда, по его оценке, были заложены основы нового этапа сотрудничества России и стран Африканского континента. Перед африканским дипломатическим корпусом стоит много задач в преддверии второй встречи на высшем уровне в 2022 г. В частности, необходимо определить наиболее интересные для сотрудничества направления взаимодействия в экономической и научно-исследовательской областях.

Ряд участников пленарного заседания указали на то, что для них крайне актуальны результаты и выводы конференции. Так, для заместителя министра науки и высшего образования Российской Федерации **Н.А.Бочаровой** приоритетна новая информация о гуманитарной деятельности, которую Минобрнауки РФ может реализовать в соответствии со своими возможностями. По ее мнению, в российско-африканском взаимодействии по линии образования стоит сфокусироваться на тех образовательных блоках, которые способствовали бы развитию реального сектора экономики Африки и помогли бы сформировать управленческую элиту, содействующую устойчивому развитию континента.

Председатель Ассоциации экономического сотрудничества со странами Африки (АЭССА) **А.В.Салтанов** заявил, что в рамках конференции обозначаются как краткосрочные, так и - что важно - более отдаленные перспективы. Для Ассоциации особое значение имеет очерчивание генеральных тенденций в социально-экономической сфере на континенте с учетом пандемии и ее последствий для того, чтобы спланировать стратегию и тактику действий в острой конкурентной среде. На этом направлении велика роль ученых, способных представить в обобщенном виде выводы и предложения для разработки и принятия практических шагов.

НАПРАВЛЕНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА...

XV конференцию африканистов можно рассматривать в контексте общего повышения интереса к сотрудничеству России со странами Африки в последние несколько лет. По словам **М.Л.Богданова**, «внимание, которое мы [Российская Федерация] уделяем Африке, подкреплено поддержкой на самом высоком уровне: президентом Российской Федерации В.В.Путиным африканское направление включено в число основных внешнеполитических приоритетов»¹.

При этом нельзя не учитывать, что, начиная с 2020 г., сотрудничество между сторонами развивается в сложных условиях пандемии *COVID-19*. Как подчеркнул заместитель председателя Совета Федерации ФС РФ **К.И.Косачев**, «в дни испытаний особенно важно ощущать руку друга. И африканцы не раз в своей истории могли на деле убедиться, что наша страна - и в советский период, и сегодня - готова быть рядом в трудную минуту: помогать и поддерживать своих друзей и партнеров на Африканском континенте».

В своем приветственном слове на пленарном заседании **А.М.Васильев** отметил, что после тяжелого для нашей страны периода на стыке XX и XXI веков. Россия «возвращается» в Африку, и это не может не вызывать оптимизма. Взаимодействие отвечает как нашим собственным, так и национальным интересам стран континента, и важно, что эти интересы по главным вопросам совпадают.

Российско-африканское сотрудничество носит комплексный характер - это требует активной работы по различным направлениям: экономическим, политическим, гуманитарным, культурным. С российской стороны в эту деятельность вовлечены исполнительная и законодательная ветви власти и государственные институты, общественные некоммерческие организации, СМИ, научное сообщество.

Так, важную роль во взаимодействии России и стран Африки по парламентской линии играет Государственная Дума. Как отметила в своем видеообращении к участникам конференции **О.В.Тимофеева**, заместитель председателя Государственной Думы ФС РФ, этим органом власти в 2018-2019 гг. были организованы масштабные парламентские форумы, в рамках которых уделялось большое внимание вопросам взаимодействия России и Африки, и эти мероприятия способствовали подготовке к первому Саммиту. Таким образом, нижняя палата российского парламента - так же, как и верхняя - активно включены в наращивание российско-африканского сотрудничества, отвечая, в частности, за формирование его законодательной и нормативно-правовой базы.

Выход российских компаний на рынки африканских стран требует их поддержки на государственном уровне. По словам генерального директора АО «Российский экспортный центр» (РЭЦ) **В.О.Никишиной**, РЭЦ в настоящее время ведет проработку ряда крупных инвестиционных проектов. В частности, в гидроэнергетике (в Эфиопии, Кении), строительстве железных дорог (в одной из стран Центральной Африки), поставке продукции российской автомобильной промышленности (в Гану, Нигерию, Эфиопию). Суммарно в портфеле РЭЦ сейчас - 26 крупных проектов в 18 странах Африки. Ориентировочный объем портфеля, по оценке В.О.Никишиной, может составить \$200 млн в перспективе нескольких ближайших лет.

https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4742128 (accessed 08.06.2021)

В своем выступлении сенатор Российской Федерации, председатель Координационного комитета по экономическому сотрудничеству со странами Африки (АФРОКОМ) **И.Н.Морозов** подчеркнул, что сегодня требуется не только информирование бизнеса о перспективах выхода на рынки африканских стран, но и предложение конкретных моделей для этой деятельности. Одна из таких моделей - открытый АФРОКОМ в 2021 г. Центр поддержки российского предпринимательства в Уганде. Деятельность Центра направлена, в т.ч., на прием в стране российской бизнес-миссии, в состав которой вошли 20 экспортных предприятий из 8 субъектов Российской Федерации. По словам И.Н.Морозова, цель бизнес-миссии - нахождение в Африке партнеров, контрагентов и установление с ними долгосрочных контактов. При этом, по словам сенатора, чрезвычайно важно, чтобы ни одна поездка не проходила зря: в условиях жесткой конкуренции со стороны компаний из других стран, давно закрепившихся на африканских рынках и имеющих определенные преференции, российский бизнес не может позволить себе потерю времени.

Необходимость наращивания присутствия отечественных СМИ на Африканском континенте не раз отмечалась в ходе российско-африканских мероприятий. Работу на этом направлении ведет, в частности, ИТАР-ТАСС. Его генеральный директор, руководитель Рабочей группы по медиа-обеспечению при секретариате Форума партнерства Россия-Африка **С.В.Михайлов**, отметил, что в число африканских партнеров СМИ входят один из крупнейших медиа-альянсов в Африке - Атлантическая федерация африканских информационных агентств, объединяющая 25 стран, марокканское агентство «Магриб Араб Пресс», ближневосточное информационное агентство *MENA*.

Необходимо отметить, что для наращивания сотрудничества с Африкой важны не только деятельность различных российских акторов, но и оказание необходимого им содействия. Так, к выработке предложений в концептуальные документы Российской Федерации привлекается, в частности, Институт Африки РАН.

По словам **М.Л.Богданова**, МИД России высоко ценит независимую оценку российско-африканских отношений со стороны академических кругов, а министерство готово делиться практическим опытом.

В свою очередь, комиссар Афросоюза по вопросам образования, науки, технологий и инноваций **С.Аньянг Агбор** подчеркнула, что Институт Африки РАН никогда не снижал градус интереса к Африканскому континенту, «не сидел сложа руки» и в самые сложные времена, к которым относится и сложившаяся ситуация с распространением *COVID-19*. В своем выступлении С.Аньянг Агбор отметила, что в условиях пандемии и последовавшего затруднения некоторых экономических и образовательных связей между Россией и странами Африки Институт продолжал интенсивную работу.

Согласно **В.О.Никишиной**, для продвижения отечественной экспортной продукции в странах Африки РЭЦ активно взаимодействует с российскими посольствами. Кроме того, между РЭЦ и Россотрудничеством подписано соглашение о совместном использовании инфраструктуры на континенте.

Соглашение с Россотрудничеством подписал и АФРОКОМ: по словам **И.Н.Морозова**, там, где есть российский торговый дом, будет вестись обучение русскому языку. При этом вся деятельность АФРОКОМ тесно связана с региональным бизнесом, что предопределяет важную роль Совета Федерации Федерального собрания РФ в установлении контактов между Комитетом и представителями различных регионов России. Наконец, комплексное соглашение о сотрудничестве подписано между АФРОКОМ и АО «Российский экспортный центр»².

Таким образом, в настоящее время уже предприняты значительные усилия по координации деятельности российских органов власти, институтов развития, общественных организаций, научно-экспертного сообщества в целях развития сотрудничества со странами Африки. Только совместная направленность действий всех акторов может позволить достичь значительных успехов в вопросах экономического, политического, гуманитарного, культурного партнерства с континентом.

...И ЕГО ПЕРСПЕКТИВЫ

Участники Конференции возлагают большие надежды на запланированный на 2022 г. Саммит Россия-Африка. В своем видеообращении **К.И.Косачев** подчеркнул важность его проведения, отметив особую роль Африканского континента в мире, которая с годами будет только увеличиваться. Он вспомнил Саммит 2019 г., на котором многие эксперты говорили, что взаимоотношения с Африкой снова становятся приоритетными для России, «Россия возвращается в Африку». Однако, по мнению К.И.Косачева, Россия «оттуда не уходила», т.к. все наработанные связи сохранялись, а также развивались новые.

М.Л.Богданов и **С.В.Михайлов** отметили, что подготовка к Саммиту, который состоится в одной из стран континента, уже началась. **М.Л.Богданов** при этом подчеркнул, что до начала самого Саммита пройдет ряд мероприятий, которые коснутся различных сфер нашего сотрудничества.

² РЭЦ и АФРОКОМ подписали соглашение о сотрудничестве. https://www.exportcenter.ru/press_center/news/rets-i-afrokom-podpisali-soglashenie-o-sotrudnichestve/ (accessed 09.06.2021)

Ректор Свободного университета Киншасы, профессор **Ж.М.Кумбу** подтвердил, что возглавляемая им организация будет участвовать в разработке программы будущего Саммита Россия-Африка, и для них важно, чтобы повесткой было предусмотрено не только развитие политического диалога, но рассматривались и другие составляющие сотрудничества.

М.Л.Богданов и **О.В.Тимофеева** отметили, что Африка входит в число основных внешнеполитических приоритетов Российской Федерации. По словам **К.И.Косачева**, наша страна исторически была надежным партнером для африканских стран, является им сегодня и будет оставаться таковым в дальнейшем.

И.О.Абрамова предложила обозначить сотрудничество в технологической и гуманитарной сферах в качестве основной модели российско-африканских отношений. По ее словам, упор должен быть сделан не на товары и кредиты, т.к. африканцы не ждут этого от нас, а на трансфер технологий, в первую очередь, в таких сферах, как медицина, сельское хозяйство, энергетика, добыча и переработка полезных ископаемых, космос, ИКТ и образование.

Это предложение поддержал заместитель министра промышленности и торговли Российской Федерации **А.В.Груздев**. По его мнению, наше партнерство должно быть комплексным, не ограничиваться моделью поставок по принципу «купи-продай», и быть ориентировано на долгосрочную перспективу. При этом **А.В.Груздев** подчеркнул, что технологическое партнерство должно также включать адаптацию к современным условиям тех инфраструктурных проектов, которые были реализованы еще во времена Советского Союза. Приоритетными направлениями при этом могут стать горнодобывающая и металлургическая промышленность, развитие транспортно-логистических систем Африки, топливно-энергетический комплекс, а также здравоохранение, в т.ч. использование российской вакцины *Sputnik V*.

Обозначил важность технологического партнерства и президент, председатель совета директоров Африксимбанка **Б.Орама**: по его словам новые технологии нужны для перехода стран Африки к промышленной трансформации, причем Россия обладает в этой сфере уникальными компетенциями. По мнению спикера, перед Африкой стоят очень амбициозные цели, и они достижимы, в т.ч. при содействии России.

Тема образования была рассмотрена в выступлениях **С.Аньянг Агбор**, **Н.А.Бочаровой**, **Ж.М.Кумбу**. По мнению **С.Аньянг Агбор**, на сегодняшний день в Африке востребован пересмотр подходов к развитию системы образования, прежде всего с учетом тенденции к цифровизации. Она также отметила, что пандемия *COVID-19* выявила, в частности, насущную потребность в тиражировании новых методов обучения, к числу которых относится дистанционное образование. Африканский макрорегион не должен стать исключением в процессе предоставления высококачественного цифрового образования для широких масс.

Важную роль в достижении указанных целей Африканского континента - использования цифровых технологий в образовании - может сыграть Российская Федерация. По словам **Н.А.Бочаровой**, правительство РФ рассматривает возможность увеличения квоты бесплатного обучения для студентов из стран Африки за счет бюджетных средств нашей страны. Это может способствовать увеличению количества квалифицированных кадров в странах Африки. В данный момент активно прорабатывается возможность создания Российско-африканского цифрового университета. Организовать работу этого вуза и работать над образовательными программами готовы Южный федеральный университет, Крымский федеральный университет и другие. Планируется, что первые программы будут запущены до конца 2021 г.

Ж.М.Кумбу выразил заинтересованность в усилении научно-образовательных связей, упомянутых **И.О.Абрамовой**. Говоря о перспективных направлениях, профессор отметил особую актуальность сотрудничества в области подготовки педагогических кадров, организации и проведения совместных мероприятий, стажировок. Африканской стороной отмечена заинтересованность в повышении квалификации и школьных учителей, которые могли бы получать дополнительное образование в российских университетах.

Линию гуманитарного сотрудничества развил **Е.А.Примаков**, руководитель Россотрудничества, руководитель Общественного совета при секретариате Форума партнерства Россия-Африка. По его мнению, важно вовлекать африканских партнеров в совместные проекты, в т.ч. местного неправительственного сектора. Выделение грантов и субсидий не является нашей сильной стороной, по словам докладчика, и гораздо важнее предоставить африканцам не «рыбу», а «удочку», что отвечает компетенциям Российской Федерации в сфере образования. При этом, по словам **Е.А.Примакова**, гуманитарное и торгово-промышленное направления должны быть увязаны друг с другом. Сотрудничество в образовательной сфере не должно ограничиваться привлечением африканских студентов в нашу страну: очень важно открытие образовательных площадок на самом Африканском континенте, чтобы готовить востребованных ИТ-специалистов, инженеров, врачей, которые смогут содействовать продвижению российских компаний в странах макрорегиона.

Необходимость сочетания образовательных инициатив и деятельности российских компаний также отметил **А.В.Салтанов**. В частности, к реализации готовится проект, в рамках которого африканские студенты российских вузов будут направлены на стажировку в отечественные компании, ведущие деятельность на континенте.

Важный вопрос выхода российских компаний на африканские рынки - их государственная поддержка. По словам **А.В.Салтанова** и **И.Н.Морозова**, внесено предложение о создании государственного финансового фонда прямых инвестиций для работы российского бизнеса в африканских странах. Без реализации этого проекта наращивать присутствие на континенте для российских компаний будет очень затруднительно.

В ходе сессии были выдвинуты и другие заслуживающие внимания инициативы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Очное пленарное заседание с участием представителей органов власти, делового сообщества и СМИ Российской Федерации и стран Африки стало отправной точкой для дальнейшей дискуссии научного и экспертного сообщества. В течение трех дней в рамках 48 секций более 500 ведущих исследователей и специалистов со всех континентов имели возможность обсудить широкий спектр вопросов по африканской тематике в дистанционном формате³.

Основными темами для обмена мнениями стали тенденции экономического и технологического развития континента, социально-политические вызовы и угрозы, позиция африканских государств на мировой арене и их внешнеполитическая стратегия, цивилизационные альтернативы Африки, африканская идентичность и ее сохранение в глобализованном мире, перспективы развития российско-африканских отношений.

В ходе закрытия конференции 26 мая 2021 г. участники единодушно отметили высокий уровень организации мероприятия, его высокую научную и прикладную значимость, важную гуманитарную миссию в условиях пандемии коронавируса, а также выразили надежду, что в рамках следующей международной конференции африканистов всем удастся встретиться лично - уже в Москве.

Проведение конференции, прежде всего, способствовало: консолидации Институтом Африки РАН африканистов со всего мира на российской площадке, обеспеченной Фондом Росконгресс при поддержке ИТАР-ТАСС; поиску решений и обмену мнениями относительно нерешенных проблем стран Африки и человечества в целом; выработке новых подходов к российско-африканскому сотрудничеству с опорой на науку и технологии; популяризации африканистики как отрасли знания; расширению базы взаимных контактов.

По оценкам организаторов, только с трансляцией и записью пленарной сессии конференции на русском и английском языках ознакомились почти 4,5 тыс. человек.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Алешин Кирилл Андреевич, кандидат экономических наук, ст.н.с. Центра глобальных и стратегических исследований, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Kirill A. Aleshin, PhD (Economics), Senior Researcher, Centre for Global and Strategic Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Кулакова Полина Олеговна, м.н.с. Центра глобальных и стратегических исследований, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Polina O. Kulakova, Junior Researcher, Centre for Global and Strategic Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Митина Варвара Кирилловна, м.н.с. Центра глобальных и стратегических исследований, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Varvara K. Mitina, Junior Researcher, Centre for Global and Strategic Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Сугаков Глеб Константинович, м.н.с. Центра глобальных и стратегических исследований, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Gleb K. Sugakov, Junior Researcher, Centre for Global and Strategic Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию (Received)
31.08.2021

Доработана после рецензирования (Revised)
14.09.2021

Принята к публикации (Accepted)
25.10.2021

³ Завершилась XV Международная конференция африканистов «Судьбы Африки в современном мире». <https://inafran.ru/node/1725> (accessed 24.06.2021)

DOI: 10.31857/S032150750017398-9

Рецензия / Review

Не кладите дуриан в чемодан

© Фирсова Т.И.^a, 2021^a Союз журналистов России, Москва, Россия
fermata46@yandex.ru

Рецензия на книги: **Погадаев В.А. Загадочный мир Индонезии** (М., ВКН, 2020. 208 с., илл. 24 с.); **Малайзия. Настоящая Азия** (М., ВКН, 2021. 208 с., илл. 24 с.).

Ключевые слова: Виктор Погадаев, Индонезия, Малайзия, культура, обычаи

Для цитирования: Фирсова Т.И. Не кладите дуриан в чемодан. *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 11. С. 78-80. DOI: 10.31857/S032150750017398-9

Do not put durian in your suitcase

© Firsova T.I.^a, 2021^a Union of Journalists of Russia, Moscow, Russia
fermata46@yandex.ru

Book review: **Pogadaev V.A. The Mysterious World of Indonesia** (Moscow, 2020. 208 p., ill. 24 p.; **Malaysia. Truly Asia** (Moscow, 2021. 208 p., ill. 24 p.) (In Russ.)

Keywords: Victor Pogadaev, Indonesia, Malaysia, culture, customs

For citation: Firsova T.I. Do not put durian in your suitcase. *Azia i Afrika segodnya*. 2021, № 11. Pp. 78-80. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750017398-9

Давайте поговорим откровенно: давно ли, собираясь в путешествие, вы держали в руках не просто краткий путеводитель, а хорошую книгу о стране, которая вас интересует? Вопрос почти праздный - скрупулезные эпохой ковида, мы не только перестали мечтать о дальних странах, но и потеряли интерес к книжкам, рассказывающим о них. Но жажда странствий никуда не ушла. И для тех, кто не может прямо сегодня отправиться в поездку по неизведанным местам, выход найдется всегда.

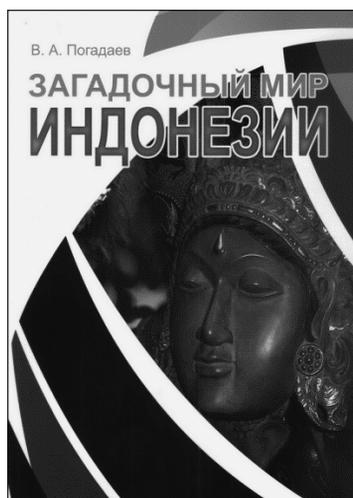
«Прикройте глаза, произнесите нараспев “Ин-до-не-зи-я”, и вы почувствуете пряный аромат тропиков и

перенесетесь туда, где между Австралией и Азиатским континентом на островах Малайского архипелага по обе стороны экватора жемчужным ожерельем раскинулась страна Нусантара. Так в древности называли Индонезию, что в переводе с греческого означает островная Индия...».

Или еще, почти загадка. Какая страна расположена у пролива, соединяющего два океана - Индийский и Тихий? Нет, это довольно просто для тех, кто хоть иногда смотрит на карту мира. Вопрос усложняется. Кто такие «баба-нёня»? Каждый ли «баба-нёня» - перанакан¹, или наоборот: каждый ли перанакан - «баба-нёня»?

Конечно, речь идет о Малайзии, или иначе - «настоящей Азии или Азии в миниатюре». А о том, кто такие эти «баба-нёня», что в переводе означает «мужчина - женщина», переселенцы из Китая, рожденные в Малайзии и перенявшие культуру этой страны, но считающие себя китайцами, гораздо лучше и больше расскажет В.А.Погадаев, известный российский востоковед.

Виктор Погадаев, в дополнение к своим уже опубликованным ранее книгам, исследовательским трудам, словарям и публикациям в российской и

¹ Перанакан - это китайцы, рождённые в Малайзии (хуацяо); баба-нёня - китайцы, рождённые в Малайзии и перенявшие малайскую культуру (одежду, язык и т.п.) (прим. авт.).

иностранной прессе, не так давно написал еще две замечательные книги. Одна из них - **«Загадочный мир Индонезии»** (М., 2020). За помощь в ее публикации мы должны поблагодарить посла Республики Индонезии в Российской Федерации и Республике Беларусь Мохамеда Вахида Суприяди. Другая - **«Малайзия. Настоящая Азия»** (М., 2021). Ее выходу в свет помог Деловой совет по сотрудничеству с Малайзией.

Решение представить сразу две книжных новинки возникло по нескольким причинам. Они посвящены одному и тому же, привлекательному для европейцев, региону Азии, написаны человеком, влюбленным в эти места и не пожалевшим сил и времени для подробного знакомства с ними, пожившим в обеих много лет и узнавшим их изнутри.

Кроме того, несмотря на обилие новых сведений и фактов, они увлекательны и читаются легко и быстро. У них яркие и запоминающиеся обложки (художник О.Гушанская), в них много иллюстраций из собственного архива автора книг, которые он тщательно собирал, стараясь не пропускать самых интересных моментов в своих путешествиях и поездках по Индонезии и Малайзии.

Словом, все сделано так, чтобы знакомство со странами стало увлекательным и легким. А это, согласитесь, - большой плюс при выборе литературы для чтения, особенно в наше перегруженное информацией время.

Определить жанр книжек сложно. С одной стороны - это не суховатое страноведческое чтение. С другой - явно не облегченное пособие для будущих туристов, с адресами всех местных достопримечательностей, включая популярные значные. Хотя соблюсти баланс, пройти между «Сциллой и Харибдой» в такого рода литературе сложно. Кажется, что «всё обо всём» уже рассказано и написано.

Найти «золотую середину между серьезным повествованием о стране и легко представить ее обычаи, быт и нравы, рассказать о ней то, что другие не рассказывали, - автору удалось. Для каждой из книг он придумал и свою удачную концепцию.

«Загадочный мир Индонезии» - это хорошо структурированный и практически всеобъемлющий рассказ о стране более 17 тысяч островов, включая любимые путешественниками разных стран Бали, Яву, Суматру, Калимантан, Сулавеси. Своеобразная энциклопедия, в которой от «А до Я» описана история, быт и разнообразные стороны жизни индонезийцев и где можно найти ответ практически на любой вопрос. От самого простого - как живут, как ведут себя в общественных местах и дома, что носят, как развлекаются, как происходят свадьбы и похороны и т.д., до общественно значимых - каким богам поклоняются, что хранит память народа, как относятся к богатому и разнообразному животному и растительному миру, какую литературу и искусство создают и любят. А еще о театре, кино, изобразительном искусстве, библиотеках, вузах и пр.

В подтверждение перечислю лишь название крупных тем, которые с разных сторон описывают историю, быт и жизнь в стране: *«Что необходимо знать о стране»*, *«Характер народа»*, *«Каким богам поклоняются люди»*, *«Над чем смеются люди»*, *«Жизненный цикл»*, *«Человек вне дома»*, *«Что хранит память народа»*. И это лишь название глав.

Дальше, во множестве подглавок, словно бусины, нанизанные на общую тему, идут рассказы о самых разных фактах, описывающих жизнь человека в мире, абсолютно отличном от нашего. Там даже время идет по-другому. Распространена циклическая система его подсчета, по-видимому, одна из древних, когда день делится на 5 частей, а 5 дней составляют цикл по количеству пальцев на одной руке. Так определяется время проведения базаров и ярмарок.

Мир индонезийца квадратен и подобен огороженному участку земли для выращивания риса. В его организации также используется пятичленная система - это четыре стороны света с центром посередине. Центром может быть всё - столица государства, храм и пр. И направление, по которому движется человек, всегда ориентировано на одну из сторон в соответствии с кардинальными точками компаса. Так что вряд ли стоит удивляться, когда в гостях, скажем, вас попросят передвинуть стул ближе к западу, чтобы хватило места вновь пришедшему. Или предложат передать соль человеку, сидящему за столом на востоке от вас.

Чтобы насладиться непохожестью Индонезии и узнать о ней больше, нужно внимательно прочитать книгу. Согласитесь, она будет интересна не только тем, кто собирается побывать в стране, но и просто любознательным людям самого разного возраста, включая школьный. Потому что ее написал профессионал, детально разбирающийся во всех подробностях неведомой большинству из нас жизни.

И это подарок. Такой же прекрасный, как *батик*, любимый женщинами во всем мире. Двухсторонняя ткань, процесс окраски которой длительный и трудоемкий, стала одной из визитных карточек Индонезии. Около 3 тысяч видов орнаментов у никогда не линяющей и сохраняющей аромат ткани. Одно перечисление очередности операций по ее изготовлению займет много времени. А теперь представьте, сколько же труда, упорства и творческой фантазии необходимы в реальности!!! И не говорит ли это о трудолюбивом, упорном и творческом подходе самих индонезийцев к любому делу, не является ли это одной из черт их национального характера?

Может, именно эти черты присущи и тем, кто населяет **Малайзию**, **«Настоящую Азию»**, находящуюся по соседству от Индонезии, если иметь в виду их удаленность от знакомой нам Европы?

Посмотрим, что пишет автор о производстве того же батика, но в Малайзии. Думаю, он не случайно и в этой стране побывал на одной из фабрик, производящих это «таинство магии, оказывающей, как считают, влияние на судьбы людей»: «История возникновения батика теряется в глубине веков - Египет, Персия, Индия, Китай... Но нигде его производство не достигает таких высот, как в малайском мире. В течение многих веков создавалась неповторимая цветовая гамма. Своеобразны и стилизованные рисунки - буйволы, слоны, звезды, самые разнообразные линии, вертикальные, горизонтальные и диагональные. Один из популярных сюжетов - фигуры теневого театра, весьма разнообразна цветовая палитра от строгих коричневых и синих до светлых и ярких. Золотисто-желтых и светло-коричневых...».

Описание можно продолжать бесконечно. Но вот, наконец, нашла - «изготовление батика всегда рассматривалось как занятие, вырабатывающее упорство, настойчивость, прилежание, терпение». И еще: «предметы одежды и быта из батика» - неотъемлемая часть жизни малайцев и индонезийцев».

И все же, несмотря на схожесть, Индонезия и Малайзия - разные страны, с разной историей возникновения и становления. И книга, посвященная Малайзии, это прекрасно объясняет. В мельчайших деталях и подробностях. Малайзия была первой страной, в которой побывал автор, будучи еще студентом Института восточных языков (ИВЯ) при МГУ им. М.В.Ломоносова (с 1972 г. - ИСАА МГУ).

Пять десятков лет тому назад в составе первой группы российских студентов ему посчастливилось приехать на стажировку по малайскому языку в Университет Малайя. Много лет спустя он стал и одним из преподавателей в этом университете. Первые юношеские воспоминания от проникновения в мир Малайзии, проверенные спустя годы опытом взрослого исследователя, дали прекрасный результат и помогли написать книгу, которую можно назвать признанием в любви к стране.

Трудно найти тему, в которой Виктор Погадаев был бы некомпетентен. Поэтому ему удалось сделать повествование таким, что любой, прочитавший его книгу, тоже с уверенностью может сказать, что о Малайзии он знает «всё». Или почти «всё». От ее истории до современной жизни, от легенд до ее нынешней культуры - поэзии, прозы, живописи. Обо всем этом и рассказывает автор. Даже о знаменитой китайской медицине и фармакопее, которые он, как любознательный человек, «испробовал на себе»,.. А уж от посещения колдуна, пригласившего автора «побыть его помощником», вообще захватывает дух. И такого «особенного» в книге, которую Виктор Погадаев писал, по сути, все годы познания страны, очень и очень много.

Вот, к примеру, история о «крисе» - национальном и традиционном холодном оружии. О том, что настоящий крис должен быть только подарен, что и в древности, и ныне при его изготовлении мастера - оружейники используют метеоритное железо «с неба» и руду «из недр земли» (символ космического единства); что пушкинский «анчар» растет в тропиках, а изготовление и соревнования воздушных змеев - это во все не забава для детей, а прекрасное занятие для взрослых. И многое-многое другое, то, что отличает Малайзию и малайзийцев от всего остального мира.

Уверяю вас, вы и не заметите, как мгновенно погрузитесь в мир страны, в которой никогда не бывали и станете ее адептом, будете потом отыскивать литературу, способную расширить ваши знания. Уверена, что именно этот побудительный мотив к действенному изучению и есть главное достоинство книг, написанных Виктором Погадаевым

И, наконец, о забавном. О том, почему *дуриан* (в переводе с малайского - «шип», «колючка») - плод, похожий на небольшую дыньку, нельзя класть в чемодан?

Дуриан - это король всех фруктов. Так считают малазийские гурманы. С ними согласен и автор книги. Он тоже неравнодушен к его нежному кремовому вкусу, напоминающему смесь тертых орехов со сливками. Но специфический запах дуриана приятен далеко не всем. А попросту у многих вызывает ассоциации с запахом общественного туалета. Во многих местных отелях висят таблички, запрещающие вносить его внутрь здания.

Но всякая экзотика - дело привычки. Так что, если будете в Малайзии - попробуйте. Домой его не привезешь!

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

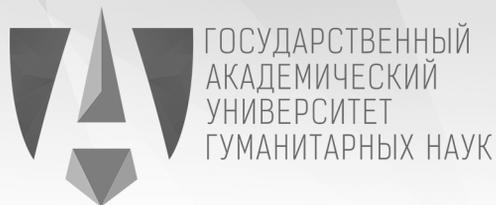
Фирсова Татьяна Иосифовна, член Союза журналистов России, Москва, Россия.

Tatiana I. Firsova, member, Union of Journalists of Russia, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию (Received)
15.06.2021

Доработана после рецензирования
(Revised) 10.08.2021

Принята к публикации (Accepted)
21.10.2021

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

НА БАЗЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК с 1994 года

Преподаватели – ведущие российские ученые

- более 30% – доктора наук
- более 45% - кандидаты наук

Стажировки в:

- ведущих научно-исследовательских организациях
- органах государственной власти
- крупнейших общественных организациях
- бизнес-структурах

Интеграция науки
и образования

Бюджетные
места

Насыщенная
студенческая жизнь

Отсрочка от армии

БАКАЛАВРИАТ

МАГИСТРАТУРА

АСПИРАНТУРА

НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ:

• История

• Философия

• Политология

• Социология

• Международные отношения

• Зарубежное регионоведение

• Востоковедение и африканистика

• Психология

• Культурология

• Археология

• Менеджмент

• Юриспруденция

• Экономика

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Горячая линия: +7 (499) 238-04-12

facebook.com/gaugn

instagram.com/gaugn_/

gaugn.ru

E-mail: info@gaugn.ru

vk.com/gaugn

ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

НА БАЗЕ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

БАКАЛАВРИАТ
Востоковедение и африканистика

МАГИСТРАТУРА
Экспертно-аналитическое востоковедение

АСПИРАНТУРА
Обучение в Институте востоковедения РАН

Обучение на восточном факультете предполагает сочетание классического востоковедного образования с углубленным изучением теории международных отношений, политологии, а также философии, религии и общественной мысли Востока.

Основа востоковедного образования — профессиональное овладение одним из восточных и английским языками. **Основные языки — арабский, китайский, корейский и японский.**

Обучение проходит в малочисленных языковых группах, что гарантирует индивидуальный подход к каждому студенту и создает комфортную атмосферу для эффективного усвоения материала.

Изучение обширного комплекса исторических, философских, религиоведческих, политологических и культурологических дисциплин готовит выпускника к исследовательской, переводческой и практической деятельности во всех сферах взаимодействия со странами и народами Азии и Африки.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Ученые из научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, членв-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Мы не набираем на курс более 35 человек. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Некоторые лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать в многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).